

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
СОСТОЯНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

**Сборник статей Международной
научно-практической конференции**

Москва • 2019

Об издании – 1, 2, 3

ISBN 978-5-906942-97-5

УДК 343.21

ББК 67.408

У26

Одобрено редакционно-издательским советом
Академии управления МВД России

Рецензенты: *Н.В. Макеева*, кандидат юридических наук (Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя); *С.А. Черняков* (Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина).

Редакционная коллегия: *М.Ю. Воронин*, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор (председатель); *Н.Э. Мартыненко*, заместитель начальника кафедры уголовной политики, доктор юридических наук, профессор (заместитель председателя); *Е.Ю. Титушкина*, доцент кафедры уголовной политики, кандидат юридических наук, доцент; *Е.С. Смольянинов*, доцент кафедры уголовной политики, кандидат юридических наук, доцент; *Ю.В. Трунцевский*, профессор кафедры уголовной политики, доктор юридических наук, профессор; *В.Ф. Цепелев*, профессор кафедры уголовной политики, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор; *Р.В. Шишкин*, старший преподаватель кафедры уголовной политики (ответственный секретарь).

Ответственный за выпуск: *Р.В. Шишкин*

У26

Уголовная политика на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции. – М.: Академия управления МВД России, 2019. – Электр. текстовые данные (1,7 Мб). – М.: Академия управления МВД России, 2019. – 1 электр. опт. диск (DVD-R): 12 см. – Систем. требования: процессор Intel с частотой не менее 1,3 ГГц; ОЗУ 512 Мб; операц. система семейства Windows; Adobe Reader v. 4.0 и выше; дисковод; мышь. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-906942-97-5

В сборнике представлены научные статьи прошедшей в Академии управления МВД России 14 декабря 2018 года Международной научно-практической конференции, посвященные актуальным вопросам уголовной политики, а также проблемам ее реализации в деятельности правоохранительных органов.

Сборник предназначен для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, докторантов, соискателей, магистрантов и слушателей Академии управления МВД России и других образовательных и научных организаций, а также практических работников правоприменительных органов.

УДК 343.21

ББК 67.408

ISBN 978-5-906942-97-5 © Академия управления МВД России, 2019

Электронное издание
создано при использовании программного обеспечения:
Adobe Acrobat Reader
Объем издания: 1,7 Мб
Дата подписания к использованию: 25.12.2019
Тираж: 10 эл. опт. дисков.

Редактор *Д. В. Алентьев*
Верстка *С. Х. Аминов*

**Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение
высшего образования
«Академия управления
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»
125993, ул. З. и А. Космодемьянских, д. 8.
Тел. 8 (499) 745-81-43**

E-mail: mvd.akademy@yandex.ru; press_akadem@mvd.gov.ru; <https://a.mvd.pf>

ISBN 978-5-906942-97-5

Содержание

Аносов А. В. Специфика деятельности ОВД как субъекта системы противодействия коррупции.	6
Бухоризода Б. Р. Уголовно-правовая характеристика некоторых квалифицирующих признаков состава преступления торговли людьми по законодательству Республики Таджикистан	11
Воропаев С. А. Оценка эффективности уголовно-правовой нормы	17
Ветрова О. А. Особенности правового статуса иностранного гражданина, отбывшего наказание в виде лишения свободы.	22
Гуляева Е. А. Зарубежный опыт борьбы с коррупцией.	31
Галецкий В. С. О некоторых вопросах детерминации корыстных и корыстно-насильственных преступлений против собственности пассажиров московского метрополитена, в том числе их детерминация немедицинским потреблением наркотических средств и психотропных веществ, а также лиц, совершающих данные преступления	36
Долино В. И. К вопросу об уголовно-правовых мерах обеспечения экономической безопасности Российской Федерации и ее субъектов	42
Емелькина Н. Л. Искусственный интеллект в уголовном процессе.	49
Звонарева А. Ю. Общественное мнение как инструмент социальной диагностики проблем в правоохранительной сфере региона	55
Зубалова О. А. Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом: проблемы квалификации.	62
Иващук В. К. К вопросу о реализации международных правовых стандартов в уголовной политике Российской Федерации	68
Ишук Я. Г., Ишук В. Г. Правовая основа защиты собственности органами внутренних дел	75
Иванова О. М., Иванов М. Г. О последних изменениях и дополнениях внесенных в статьи 158, 159 ³ , 159 ⁵ УК РФ	78
Кудряшова И. А. Профилактика «противоправной» социопатии на примере Владимирской области	83
Мартыненко Н. Э. Состояние уголовно-правовой защищенности потерпевшего.	87
Мартыненко Э. В. Влияние научных исследований по проблемам конфискации как иной мера уголовно-правового характера на законодательные изменения института конфискации в Уголовном кодексе Российской Федерации.	94
Малиновский И. Б. Национальный план противодействия коррупции на 2018– 2020 годы и действующее уголовное законодательство	99
Марковский М. С. Особенности предмета контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов.	108
Максутова Э. И. Проблемы уголовно-правовой охраны семьи	114
Нечаев А. Д. Уголовная политика России в сфере коррупционных проявлений: современные тренды	121
Новоселов С. А. О тенденциях к совершенствованию мер предупреждения преступлений, совершаемых сотрудниками Госавтоинспекции МВД России	130

Никулов Д. И. Состояние и перспективы уголовно-правовой защиты свобод личности в Российской Федерации	136
Орлов В. Н. О некоторых криминологических основах предупреждения коррупции	141
Пинкевич Т. В. Противодействие экономической преступности в современной России	151
Пашенко Н. Н. Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов: проблемы правоприменения	158
Половников Д. В. Правовые основы надзора как элемента профилактики правонарушений на региональном уровне	164
Смолянинов Е. С., Воронин М. Ю., Формирование и реализация уголовной политики по противодействию современной высокотехнологичной преступности в сфере информационных и телекоммуникационных технологий	168
Титовец И. В. Профилактическая деятельность следователя по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ	179
Шишкин Р. В. Преступления, совершаемые в сфере потребительского рынка на современном этапе	183
Шевцов А. В. Правовые и организационные основы для исключения органов внутренних дел (полиции) и их должностных лиц от исполнения несвойственных административно-юрисдикционных полномочий (функций) . . .	187
Шишкин Р. В. Структура преступлений, совершаемых иностранными гражданами в сфере потребительского рынка ДФО	202

Специфика деятельности ОВД как субъекта системы противодействия коррупции

А. В. АНОСОВ,
*доцент кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России*

В статье рассматриваются особенности органов внутренних дел как специфического субъекта противодействия коррупции. Проблематика затрагивает как организационные, так и нормативно-правовые аспекты деятельности ОВД в системе борьбы с коррупцией.

Борьба с коррупцией, антикоррупционная политика государства, субъекты противодействия коррупции, антикоррупционное законодательство.

Взаимосвязь уголовной политики государства и системы обеспечения национальной безопасности предопределяет восприятие системы противодействия коррупции как составной части общего правового режима экономической безопасности, цель и задачи которого отвечают требованиям долгосрочных перспектив как защиты национальных экономических интересов в целом, так и устойчивого функционирования элементов антикоррупционной политики, в том числе субъектов антикоррупционной деятельности¹. Существующая система противодействия коррупции представляет собой относительно упорядоченную систему, в которой доминирующую роль играют меры юридической ответственности (уголовной, административно-правовой, гражданско-правовой) и механизмы ее реализации как составные части режима обеспечения экономического развития в целом.

В числе функционирующих в настоящее время в Российской Федерации организационно-правовых институтов, направленных на противодействие коррупции, особое место занимают органы внутренних дел². Отнесение органов и подразделений внутренних дел к одному из ключевых субъектов обеспечения экономической безопасности обусловлено целым рядом факторов, среди которых можно выделить следующие:

– ОВД в определенном объеме выполняют целый комплекс разнообразных правоохранительных функций, в том числе правовую и физическую защиту граждан и своих сотрудников;

– наличие в функциональной системе ОВД различных направлений правоохранительной деятельности, в том числе следственной и оперативно-розыскной;

– наличие специально созданных территориальных и административных структур на всех уровнях государственного устройства Российской Федерации, работающих;

– особый порядок отбора, комплектования и прохождения службы сотрудниками ОВД, предусматривающий профилактические меры и защиту сотрудников от коррупционных проявлений;

– отношение большинства населения к ОВД как к наиболее эффективному и приближенному к людям элементу правоохранительной системы государства.

Также нельзя не учесть, что ОВД являются самым многочисленным субъектом системы реализации уголовной политики, в том числе в сфере борьбы с коррупцией³.

Если рассматривать место ОВД в системе противодействия коррупции по функциональным особенностям, то можно сказать, что ОВД являются органами защиты государства от коррупционных посягательств, которые в значительной степени используют специальные инструменты противодействия криминализации, с одной стороны, экономической системы общественных отношений, с другой – государственно-правового механизма управления. Целе направленное противодействие коррупции и теневой экономике осуществляется преимущественно уголовно-правовыми и административно-правовыми средствами (наиболее развитыми элементами). При этом одним из необходимых условий для успешной борьбы с коррупцией в государстве является формирование и развитие антикоррупционного законодательства как базового инструмента предупреждения коррупционных проявлений и своевременного реагирования на противоправные деяния⁴. Данный процесс целесообразно организовать по двум направлениям:

– устранение неоднозначных формулировок в законодательстве, позволяющих должностным лицам толковать его произвольно с целью личного обогащения или ухода от ответственности;

– обеспечение повышения эффективности борьбы с коррупционными преступлениями путем совершенствования правового механизма реализации антикоррупционных мер.

Уже само наименование закона «О противодействии коррупции» вызывает некоторое недоумение. Определенный в ст. 114 Конституции Российской Федерации термин «борьба с преступностью» заменен на скромное «противодействие». В данном случае не учитывается различие содержания, которое в русском языке вкладывается в понятия «борьба» и «противодействие». Русское слово «борьба» во всех словарях русского языка трактуется как активное столкновение противоположных интересов, групп, мнений и др.,

имеющих цель приобрести господство одних над другими. То есть речь идет не просто о «противодействии», преследуется цель одержать верх. Борьба с коррупцией – это решение стратегических задач, которые должны работать на опережение, а не на реагирование по факту очередных видоизменений коррупционной преступности. Термин «противодействие» соответствует времени, когда в рамках реагирования на преступность существенно различаются концепции: борьбы с преступностью, противодействия преступности, компромиссов.

Существенные затруднения в работе ОВД как правоприменителя вызывает неоднозначность трактовки самого понятия коррупции и ее проявлений в нормативных правовых актах, поскольку однозначного толкования понятия «коррупция», установленного Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», в настоящее время нет. Понятие «коррупция» не отражает сущностную характеристику данного явления и в определенной мере противоречит аналогичному понятию в международных конвенциях, ратифицированных Российской Федерацией. По сути, в нем дан бессистемный перечень определенных деяний имущественного характера без какого-либо указания на то, кого все же следует относить к коррупционерам. Также отсутствуют какие-либо системные признаки, по которым коррупцию можно воспринимать как самостоятельный криминальный институт. С одной стороны, понятие необоснованно расширено путем включения в него злоупотребления служебным положением, хищений и других преступлений, перечень которых не является исчерпывающим, и поэтому может трактоваться правоприменителем по своему усмотрению.

Установившееся в отечественной правовой науке и в международных правовых актах понятие «коррупция» означает двустороннюю криминальную сделку подкупа-продажности, в том числе осуществляемую при участии посредников. Иначе говоря, в определении, установленном законом «О противодействии коррупции», сужен предмет подкупа, не определен круг субъектов подкупа-продажности, а сама коррупция связывается исключительно с имущественной выгодой, получаемой лишь физическими лицами, поскольку уголовная ответственность юридических лиц в отечественном уголовном законодательстве отсутствует. Исходя из его содержания, практически невозможно установить общие квалифицирующие признаки состава коррупционного деяния как правонарушения. Но если это осуществить, то взамен традиционного в юридической науке определения состава правонарушения, когда его квалификацию начинают вести с выявления объекта и объектив-

ной стороны, далее устанавливая субъекта и субъективную сторону, в данном случае состав коррупционных деяний целесообразнее начать с выявления субъектов.

Поэтому в законодательном и правоприменительном плане необходимо четко определить, что именно понимается под коррупцией, каковы ее специфические характеристики, какой арсенал средств реагирования способен быть адекватным данным характеристикам и соответственно эффективным.

Неточность определения коррупции в отечественном законодательстве породило ряд проблем в деятельности правоприменителей, в том числе ОВД, связанных со смешением разных по международно-правовым оценкам и криминологической характеристике деяний. К коррупционным преступлениям в России стали относить: злоупотребление служебным положением, полномочиями, иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения, в том числе нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ), нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285.2 УК РФ), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ), хищения и целый ряд других составов служебных преступлений в целях получения выгоды имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды.

Включение в одну категорию коррупции как подкупа-продажности и злоупотребления служебным положением, а также иных преступных деяний рядом исследователей обосновывается наличием в главе III Конвенции ООН против коррупции статей о неправомерном присвоении, хищении или ином нецелевом использовании имущества публичным должностным лицом, злоупотреблении служебным положением, использованием лоббирования в корыстных целях и др. Однако глава III указанного международного документа озаглавлена как «Криминализация и правоохранительная деятельность», т. е. не имеет конкретизации в отношении рассматриваемых видов преступлений как коррупционных, в отличие от ст. 8 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности.

Точное определение коррупции как юридическая основа для законодательного закрепления системы и конкретных видов коррупционных преступлений и иных правонарушений, оптимизации ее законодательной конструкции, с позиции юридической науки и логики должно содержать более точную характеристику основных признаков коррупции как социального явления, а также деяний, в которых оно выражается.

¹ Шишкин Р. В. и др. Правовые основы предупреждения преступлений: курс лекций. М., 2018.

² Аносов А. В., Васев А. В., Владимиров С. И., Гузунский А. Н., Латов Ю. В., Кишкин Д. В., Алабердеев Р. Р. Особенности организации деятельности подразделений собственной безопасности в сфере борьбы с коррупцией в условиях реформирования системы органов внутренних дел: научно-практическое пособие / под общей редакцией заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора П. И. Иванова. М., 2013. С. 8.

³ Русаков В. К., Долинко В. И. Значение резерва для выдвижения на руководящую должность и основные принципы его функционирования // В сборнике «Полицейское образование в XXI веке: материалы Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс]. Академия управления МВД России. 2017. С. 164–167.

⁴ Правовое обеспечение борьбы с коррупцией: курс лекций / Л. И. Беляева [и др.]; под ред. Ю. В. Трунцевского. М.: Академия управления, 2018. С. 69.

Уголовно-правовая характеристика некоторых квалифицирующих признаков состава преступления торговли людьми по законодательству Республики Таджикистан

Б. Р. БУХОРИЗОДА,
*старший преподаватель кафедры
повышения квалификации факультета № 3
Академии МВД Республики Таджикистан*

В статье проводится анализ некоторых обстоятельств, выступающих в качестве квалифицирующих признаков торговли людьми. Используется опыт российских ученых по определению аналогичных квалифицирующих признаков по уголовному законодательству Российской Федерации. Автором делаются выводы и предложения по решению проблем применения данных признаков.

Торговля людьми, квалификация, квалифицирующие признаки, насилие, изъятия у потерпевшего органов или тканей.

Актуальность рассмотрения нижеследующих квалифицирующих признаков ст. 130¹ УК РТ вызвана внесением изменений и дополнений в данную статью, что требует нового анализа отягчающих обстоятельств.

Изменения и дополнения были внесены в п. «г» ч. 2 ст. 130¹ УК РТ – «с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, либо с угрозой применения такого насилия» и п. «д» ч. 2 ст. 130¹ УК РТ – с целью изъятия у потерпевшего органов или тканей для трансплантации, а также ее незаконное использование в репродуктивных целях или в биомедицинских исследованиях.

Ранее п. «г» ч. 2 ст. 130¹ УК РТ звучал так: «...с применением насилия или угрозы ее применения». Идея законодателя Республики Таджикистан – распределить насилие либо его угрозу применения по всем частям ст. 130¹ по его тяжести.

Среди ученых, исследующих проблемы торговли людьми, нет единого мнения касательно квалификации по анализируемому пункту. Одни¹ считают, что при применении насилия или угрозы ее применения, вне зависимости от их степени, деяние следует квалифицировать только по п. «г» ч. 2 ст. 130¹ УК РТ (п. «е» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ). Вторые² полагают, что причинение вреда здоровью при совершении торговли людьми требует дополнительной квалифика-

ции по другим статьям УК РФ в зависимости от направленности умысла виновного и наступивших последствий. Третьи³ отмечают, что совершение торговли людьми с применением насилия или угрозы ее применения предполагает нанесение побоев, истязаний, причинение легкого вреда или средней тяжести. Причинение тяжкого вреда требует дополнительной квалификации по совокупности со ст. 111 УК РФ. Четвертые⁴ утверждают, что нанесение побоев вплоть до причинения легкого вреда здоровью подпадают под п. «е» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ, а в случае причинения иных степеней вреда (средний, тяжкий) ответственность должна наступать по совокупности. В пятой точки зрения⁵, отмечается, что при торговле людьми умышленное причинение тяжкого вреда здоровью жертвы, дополняемое вторым последствием – наступление смерти по неосторожности, является нормой-целым, предусмотренной в ч. 3 ст. 127¹ УК РФ. В таком случае дополнительная по ч. 4 ст. 111 УК РФ квалификация будет означать двойное вменение одного и того же преступления, уже установленного в п. «а» ч. 3 ст. 127¹ УК РФ. В связи с этим в изложенной ситуации совокупность преступлений отсутствует и привлекать за совершенное предпочтительнее и необходимо только по п. «а» ч. 3 ст. 127¹ УК РФ как за торговлю людьми, повлекшую по неосторожности смерть потерпевшего.

Прежде чем сделать выводы по данным суждениям, необходимо раскрыть понятие насилия. Под насилием понимается физическое и психическое насилие⁶. Физическое насилие подразумевает воздействие на организм человека, осуществляемое против или помимо воли потерпевшего, направленное на нарушение физической неприкосновенности⁷. Психическое насилие представляет собой противоправное воздействие на психику другого лица с целью подавления его воли либо принуждение к определенным действиям или бездействию⁸. Таким образом, понятие насилия включает все его виды и степени. Однако применительно к анализируемому пункту санкция за него должна соответствовать общественной опасности насилия. Часть 2 ст. 130¹ УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до двенадцати лет. Часть 2 ст. 110 (Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) также предусматривает такое же наказание, следовательно, соглашаясь с первой группой исследователей, мы приходим к такому выводу: совершение торговли людьми с причинением тяжкого вреда здоровью (ч. 1 и ч. 2 ст. 110) следует квалифицировать по п. «г» ч. 2 ст. 130¹ УК РФ без дополнительной квалификации по совокупности преступлений. В связи с тем, что особо квалифицирующие признаки преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ также предусмотре-

ны в ч. 3 ст. 130¹ УК РТ, а санкции данных норм одинаковы, следовательно, при наличии в деянии вышеперечисленных признаков квалификации преступлений по совокупности не требуется и квалифицируется только по ч. 3 ст. 130¹ УК РТ.

Вместе с тем в п. 8 Пленума о торговле людьми⁹ дано разъяснение, что при интерпретации действий, связанных с торговлей, судам, судьям следует иметь в виду следующие разъяснения: применение силы, причинения потерпевшему легкого вреда здоровью либо применения насилия, не причинившего фактического вреда здоровью, данные деяния охватываются ч. 1 ст. 130¹ УК РТ. А если был причинен тяжкий вред здоровью или вред средней тяжести, то содеянное квалифицируется по данному пункту ч. 2 и 3 анализируемой нормы, в зависимости от тяжести последствий и субъективного отношения виновного к ним. Однако в п. 20 данного Пленума говорится: «...торговля людьми, совершенная с применением насилия или угрозы ее применения (п. «г» ч. 2 ст. 130¹ УК РТ)» свидетельствует о том, что в процессе торговли людьми может применяться любое насилие, опасное для жизни или здоровья, т. е. потерпевшему фактически причиняется легкий вред здоровью, повлекшее расстройство здоровья или вред средней тяжести либо тяжкий вред здоровью. В вышеприведенных пунктах несогласованность встречается дважды. Во-первых, судя по данным разъяснениям причинение легкого вреда здоровью может квалифицироваться и по ч. 1, и по ч. 2 ст. 130¹ УК РТ. Во-вторых, исходя из разъяснения, данного в п. 8 Пленума, причинение вреда средней тяжести квалифицируется по п. «г» ч. 2 ст. 130¹ УК РТ, а причинение тяжкого вреда здоровью – по п. «а» ч. 3 ст. 130¹ УК РТ. Однако в п. 20 Пленума о торговле людьми относительно данного вопроса сказано, что п. «г» ч. 2 ст. 130¹ УК РТ подразумевает любое насилие. В связи с чем мы не сможем использовать разъяснения Пленума для решения квалификации данного вопроса.

Также под насилием, опасным для жизни, можно понимать сжатие дыхательных путей, сбрасывание с высоты, выталкивание из транспорта, воздействие на потерпевшего сильнодействующими нервно-паралитическими или токсическими веществами¹⁰.

Под угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, понимается выраженное вольно намерение лица лишить жизни потерпевшего или причинение вреда здоровью любой степени тяжести¹¹. Для квалификации важно, чтобы угроза носила реальный характер, т. е. когда она воспринимается потерпевшим в качестве действительной и такое восприятие осознается виновным, который этого желает. Под угрозой понимается демонстрация оружия или

иных предметов, используемых для нанесения телесных повреждений или лишения жизни, жесты устрашающего воздействия и т. д.¹²

Пленум о торговле людьми также дает разъяснение касательно угрозы применения насилия в ч. 1 ст. 130¹ УК РТ, под которой, согласно Пленуму, понимается угроза причинения физического вреда в виде легкого вреда здоровью либо угроза применения насилия, которое не причиняет фактического вреда здоровью. Если использовалась угроза причинения средней тяжести или тяжкого вреда здоровью, то содеянное подпадает под ч. 2 или 3 данной статьи. Однако в п. 20 Пленума говорится, что любая форма угрозы квалифицируется п. «г» ч. 2 ст. 130¹ УК РТ. Таким образом, у правоприменителя возникнет вопрос в случае совершения торговли людьми с применением угрозы легкого вреда здоровью.

Следующим отягчающим обстоятельством является п. «д» ч. 2 ст. 130¹ УК РТ – с целью изъятия у потерпевшего органов или тканей для трансплантации, а также ее незаконное использование в репродуктивных целях или в биомедицинских исследованиях.

Данный квалифицирующий признак является наиболее опасным, поскольку изъятие органов или тканей влечет за собой причинение вреда здоровью или смерти потерпевшего. Для квалификации деяния по данному признаку не обязательно, чтобы была произведена сама трансплантация, поскольку состав этого преступления формальный, таким образом, торговля людьми в целях изъятия у потерпевшего органов или тканей считается оконченной с момента совершения действий, предусмотренных ч. 1 ст. 130¹ УК РТ, и при наличии вышеуказанной цели.

Вместе с тем З.П. Хайдарзода и М.П. Хайдарзода¹³ отмечают, что оконченным преступление будет считаться с момента применения насилия или угрозы ее применения, однако не всегда виновные могут использовать силу при торговле людьми.

Законная трансплантация регламентирована Кодексом здравоохранения Республики Таджикистан¹⁴ (далее – КЗ РТ). В ст. 1 КЗ РТ приведено определение понятию трансплантация – пересадка органов или тканей с последующим приживлением их в пределах одного организма (ауто трансплантация) или от одного организма другому (гомотрансплантация), в целях спасения жизни человека либо восстановления функций его организма. Специалисты правильно отмечают, что органы и ткани могут изыматься не только с целью трансплантации, но и в иных целях¹⁵. В связи с этим отечественный законодатель с учетом данного положения ввел дополнение в данный квалифицирующий признак, тем самым круг целей был расширен, однако с нашей точки зрения законодателю следова-

ло оставить открытым данный круг, не дополняя его новыми целями, а необходимо было исключить термин «для трансплантации», что позволит охватывать все цели, связанные с изъятием органов или тканей человека.

Фактическая трансплантация требует дополнительной квалификации с иными соответствующими статьями УК РТ преступлений против жизни и здоровья. Если потерпевший даст согласие на трансплантацию в зависимости от вреда, причиненного ему, квалифицировать деяние следует по совокупности со п. «д» ч. 2 ст. 130¹ и п. «н» ч. 2 ст. 104, п. «н» ч. 2 ст. 110, 111 УК РТ. В случае если потерпевший не согласен на трансплантацию, содеянное квалифицируется по совокупности с п. «д» ч. 2 ст. 130¹ и п. «а» ч. 2 ст. 122 УК РТ. Если в деяниях виновных присутствовала цель умышленного убийства или причинения вреда здоровью потерпевшего с целью изъятия его органов или тканей, то в данном случае деяние квалифицируется по совокупности с «д» ч. 2 ст. 130¹ и п. «н» ч. 2 ст. 104 УК РТ (п. «н» ч. 2 ст. 110, 111, 112 УК РТ).

Следует отметить, если виновный при совершении торговли людьми не имел цели изъятия органов или тканей, а такая цель предусматривалась покупателем, факты изъятия органов не могут быть вменены продавцу из-за отсутствия этой цели при продаже.

¹ Мизулина Е.Б. Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект. М., 2006. С. 186; Хайдарзода З. П., Хайдарзода М.П. Уголовно-правовая характеристика торговли людьми. Душанбе, 2017. С. 76.

² Гетман И.Б. Уголовная ответственность за торговлю людьми: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2010. С. 115; Громов С.В. Уголовно-правовая характеристика торговли людьми и использования рабского труда: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 127.

³ Зейналов М. М., Гаммаев В. М. Уголовно-правовой анализ квалифицирующих признаков торговли людьми // Современное право. 2011. № 4. С. 122; Долголенко Т.В. Уголовная ответственность за преступление, предусмотренное статьей 127¹ УК РФ, торговлю людьми и соотношение состава этого преступления с другими преступлениями // Современное право. 2010. № 1. С. 95–99; Левченко О.П. Противодействие торговле людьми и эксплуатации человека: правовой, организационный, криминалистический аспекты. М.: Академия изучения проблем национальной безопасности, 2006. С. 39.

⁴ Карязов Н.В. Квалифицированные и особо квалифицированные составы торговли людьми // Черные дыры в российском законодательстве. М., 2011. № 5. С. 111.

⁵ Иногамова-Хегай Л.В. Совершенствование уголовного законодательства по борьбе с торговлей людьми // Состояние и пути совершенствования противодействия торговле людьми в России: сб. материалов науч.-практ. семинара 17 октября 2014 г., г. Москва / под ред. Т.Л. Козлова; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2015. С. 40–41.

⁶ Мартыненко Н.Э. Потерпевший от преступления – уголовно-правовое или уголовно-процессуальное понятие? // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород. 2013. № 3. Ч. 2. С. 140–142.

⁷ *Радостева Ю.В.* Уголовно-правовое понятие насилия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 10.

⁸ *Девятковская С.В.* Физическое или психическое насилие как составляющие правонарушения // ЮП. 2016. № 4 (77).

⁹ О практике применения законодательства о торговле людьми и торговле несовершеннолетними: постановление № 12 Пленума Верховного суда Республики Таджикистан от 23.12.2011 // <http://www.adlia.tj/spisdoc.fwx>.

¹⁰ Уголовный кодекс РФ (УК РФ): Комментарий к статье 162 // http://rfuk.ru/comment_162.html (дата обращения: 05.05.2019).

¹¹ *Зейналов М. М., Гаммаев В.М.* Уголовно-правовой анализ квалифицирующих признаков торговли людьми // Современное право. 2011. № 4. С. 122; *Волков К.А.* Уголовная ответственность за торговлю людьми. М.: ЦОКР МВД России, 2010. С. 63–64; *Мизулина Е.Б.* Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект. М., 2006. С. 187; *Левченко О.П.* Противодействие торговле людьми и эксплуатации человека: правовой, организационный, криминалистический аспекты. М.: Академия изучения проблем национальной безопасности, 2006. С. 39; *Егорова Л.Ю.* Торговля несовершеннолетними: проблемы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 153.

¹² *Шишкин Р.В.* Организация профилактики преступлений, совершаемых иностранными гражданами. В сборнике «Возмещение вреда потерпевшему в уголовном судопроизводстве: организационные, правовые и криминалистические проблемы». Международная научно-практическая конференция. М., 2016. С. 369–372.

¹³ *Хайдарзода З. П., Хайдарзода М.П.* Уголовно-правовая характеристика торговли людьми. Душанбе, 2017. С. 78.

¹⁴ Кодекс здравоохранения Республики Таджикистан от 30 мая 2017 г. № 1413 // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2017 г. № 5. Ч. 1. Ст. 270.

¹⁵ *Кулакова Н.Г.* Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с торговлей несовершеннолетними: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 92; *Гетман И.Б.* Уголовная ответственность за торговлю людьми: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2010. С. 116; *Егорова Л.Ю.* Торговля несовершеннолетними: проблемы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 154.

Оценка эффективности уголовно-правовой нормы

С. А. ВОРОПАЕВ,

*доцент кафедры уголовного права
Уральского юридического института МВД России,
кандидат технических наук*

«Уголовно-правовая политика Российской Федерации выступает одним из направлений реализации государственной стратегии обеспечения криминологической безопасности и базируется на признании фундаментальной взаимосвязи и взаимозависимости ее основных положений с социальной политикой государства, а также политикой в области профилактики преступности, защиты и поддержки потерпевших от преступлений, исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, социальной реабилитации и надзора за лицами, отбывшими уголовное наказание»¹.

Обеспечение целей уголовно-правовой политики, к которым следует отнести: поддержание безопасности личности, ее прав и свобод, а также общества и государства от угроз, связанных с преступностью; минимизация уровня социальной напряженности в обществе на основе оптимального и справедливого урегулирования конфликта, вызванного преступлением; содействие достижению социального благополучия и комфорта на основе реализации идей социальной реабилитации и социальной реинтеграции лиц, вовлеченных в конфликт, вызванный преступлением, – невозможно без эффективного функционирования механизма уголовно-правового регулирования.

Механизм уголовно-правового регулирования можно рассматривать как взятую в единстве систему уголовно-правовых средств, при помощи которых обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения².

Ученые, наряду с правовыми отношениями и актами реализации субъективных прав и обязанностей, к правовым средствам, составляющим содержание механизма правового регулирования, относят и юридические нормы, которые, по сути, выступают фундаментом этой сложной системы³.

Эффективное управление механизмом уголовно-правового регулирования, направленное на достижение целей уголовно-правовой политики, требует постоянного контроля качества принимаемых

законодателем и реализуемых правоприменителем норм уголовного законодательства.

Проблеме оценки качества уголовно-правовых норм посвящено достаточное количество научных трудов. Авторами разработано множество концепций, устанавливающих различные подходы при исследовании анализируемого вопроса. В числе наиболее распространенных из концепций можно выделить экономическую, классовую, психологическую, мнимую, воспитательную, социальную и некоторые другие⁴. Вместе с тем в теории уголовного права отсутствует единство во мнении относительно основ, универсальных критериев оценки качества уголовно-правовой нормы.

При этом большая часть ученых сходятся во мнении о том, что на критерии качества любой правовой нормы влияет ряд факторов, таких как правовая ценность юридической нормы (соответствие ее ценностным представлениям о праве в рамках конкретной эпохи, политического и правового режима, типа общества), преодоление конфликта интересов в содержании нормы права (соответствие её содержания принципу справедливости и исключение детерминации коррупционного поведения), соответствие текста нормы права требованиям юридической техники (гармоничное включение ее в систему конкретной отрасли права, а также конкретных институтов указанных отраслей, на основании выверенных доктриной и законодательной практикой правил и приемов формирования правовых норм), своевременность юридической нормы (соответствие ее существующим в конкретный временной период общественным отношениям)⁵.

Результаты системного и историко-правового анализа норм отечественного и зарубежного уголовного законодательства, обобщения данных, полученных в рамках опроса ученых, специализирующихся в области уголовного права, а также изучения следственно-судебной практики позволили сформулировать вывод о том, что в качестве оценочного средства при определении эффективности уголовно-правовой нормы следует выделить критерии, обеспечивающие комплексную оценку со стороны субъектов, заинтересованных в высоком качестве уголовно-правовой нормы, в частности со стороны законодателя, правоприменителя и субъектов, чьи законные права, свободы и интересы охраняются уголовным законом.

К указанным критериям, на наш взгляд, необходимо отнести следующие показатели: соотношение между результатом и целью; соотношение результата и произведенных на это затрат; наличие объективной возможности достижения позитивных результатов.

Сформулированные показатели качества нормы строятся на основе оценивания удовлетворенности либо неудовлетворенности

потребностей законодателя, правоприменителя и субъектов, чьи законные права, свободы и интересы охраняются уголовным законом.

Оценка законодателя в таком случае будет строиться исходя из соответствия или не соответствия результата поставленной законодателем цели. Правоприменитель указанную оценку будет осуществлять через социальную обусловленность, трудоемкость и затратность в применении указанных норм. Субъекты, чьи права, свободы и интересы взяты под охрану уголовным правом, качество уголовно-правовой нормы будут оценивать через осознание возможности или невозможности обеспечения справедливости посредством формирования и применения норм уголовного права структурой государственных органов.

Многосторонний характер оценки качества нормы обуславливает необходимость признания эффективной лишь той уголовно-правовой нормы, которая на конкретном этапе развития общественных отношений положительно оценивается всеми указанными сторонами, заинтересованными в ее качестве.

Примером противоречия ожиданий законодателя (цели принятия, изменения или декриминализации нормы) результату, а следовательно примером отрицательной оценки качества изменения нормы, может служить изменение возрастного системообразующего критерия криминализации повышающего степень общественной опасности половых преступлений. Речь идет об исключении признака «заведомости» в отношении возраста потерпевшего.

Заключение по законопроекту Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей, связанному с проблемой усиления уголовной ответственности за совершение преступлений против жизни, здоровья и половой неприкосновенности несовершеннолетних, указывает, что «наличие в действующей (на тот момент – В. С.) редакции норм гл. 18 Уголовного кодекса Российской Федерации о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних и малолетних признака заведомости осознания виновным возраста потерпевших существенно снижает правовую защищенность детей – жертв сексуальных преступлений, создает предпосылки для ухода преступников-педофилов от уголовной ответственности»⁶. В последующем законодатель внес изменения в статьи 131 и 132 УК РФ, исключив из данных норм признак «заведомости» в отношении несовершеннолетнего и малолетнего возраста потерпевшего, позже данный признак был исключен и из ненасильственных половых преступлений.

После более трехлетней паузы в разъяснении правоприменения данной нормы Пленум Верховного Суда Российской Федерации

в постановлении от 14 июня 2013 г. № 18 все же пояснил, что «применяя закон об уголовной ответственности за совершение изнасилования или насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних либо лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, судам следует исходить из того, что квалификация преступлений по этим признакам возможна лишь в случаях, когда виновное лицо знало или допускало, что потерпевшим является лицо, не достигшее соответственно восемнадцати либо четырнадцати лет»⁷.

Несоответствие результата цели изменения нормы выявило ее неэффективность.

Примером неэффективной нормы, с точки зрения правоприменителя, может служить введение нормы, устанавливающей в качестве вида наказания принудительные работы. Данный вид наказания был введен в УК РФ в 2011 г., но в связи с нехваткой средств на создание исправительных центров применение нормы о принудительных работах было отложено до 2017 г. Следует отметить, что эффективность нормы в настоящее время также нельзя признать высокой, что обуславливается отрицательным соотношением результата и произведенных на это затрат.

Примером неэффективной нормы с позиции субъектов, чьи права, свободы и интересы взяты под охрану уголовным правом и связаны с ожиданием объективной возможности достижения позитивных результатов, может являться норма о наказании в виде смертной казни, которая, несмотря на закрепление в уголовном законодательстве, не может обеспечить права, свободы и интересы личности, общества и государства, так как существуют объективные правовые ограничения применения данной нормы.

В целом следует признать, что в большей части норм уголовного законодательства положительная оценка их эффективности законодателем, правоприменителем и субъектами, чьи права, свободы и интересы взяты под охрану уголовным правом, совпадает. Динамика развития общественных отношений выявляет новые негативные социальные явления, требующие их криминализации, отдельные общественные отношения утрачивают общественную опасность и, соответственно, декриминализируются. Эти естественные для любой отрасли права процессы не свидетельствуют о низкой эффективности всей совокупности норм уголовного законодательства, а, напротив, являются показателем функционирования механизма уголовно-правового регулирования, который способен лишь в динамике, а также при условии эффективной системы управления оценкой качества уголовно-правовых

средств обеспечить защиту общественных отношений на достаточно высоком уровне.

¹ Пункт 2 проекта Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации. Общественная палата Российской Федерации. URL: <http://www.oprf.ru/discussions/newsitem/17889> (дата обращения: 22.11.2018).

² См.: *Алексеев С. С.* Общая теория права: в 2-х т. Т. II. М., 1982. С. 9.

³ *Алексеев С. С.* Указ. соч. С. 34.

⁴ См., напр.: *Долотов Р. О.* Механизм уголовно-правового регулирования в сфере преступных посягательств на объекты интеллектуальной собственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 9; *Гарбатович Д. А.* Проблемы определения понятия «эффективность Уголовного кодекса Российской Федерации» и ее виды // Проблемы права. 2013. № 1 (39). С. 145.

⁵ См.: *Крамской И. С., Лысенко В. А.* Механизм правового регулирования: н.-практ. пособие. Белгород: БелЮИ МВД России, 2011. С. 41–42.

⁶ Заключение от 22 июня 2009 г. № 3.6-12/55 по проекту Федерального закона № 215694-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Федеральное Собрание Российской Федерации. Комитет Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PR-J;n=73468;dst=0> (дата обращения: 21.03.2017).

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2013 № 18 «О внесении изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2004 года № 11 “О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации”». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_147756/#p16 (дата обращения: 21.03.2017).

Особенности правового статуса иностранного гражданина, отбывшего наказание в виде лишения свободы

О. А. ВЕТРОВА,

адъюнкт

Академии управления МВД России

В статье рассматриваются отличия правового статуса гражданина Российской Федерации от правового статуса иностранного гражданина; заслуживает внимания вывод, что права и свободы рассматриваемой категории лиц не только могут, но и должны быть ограничены в соответствии с Конституцией РФ, принципами и нормами международного права, национальным законодательством РФ.

Правовое положение, правоохранительные органы, правовой статус, права, обязанности, законные интересы, иностранные граждане.

Конституция РФ¹ устанавливает равенство всех перед законом. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, происхождения, места жительства и гражданства. Международные нормы права имеют приоритет перед национальным законодательством, что нашло отражение и в Конституции РФ. Так, в ч. 1 ст. 17 Конституции РФ указано, что в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права.

В настоящее время незаконная миграция оказывает негативное влияние на развитие нашего государства и создает предпосылки к социальной напряженности. Другими словами, она способствует усилению национализма, этносепаратизма, росту этнической преступности, стимулирует рост теневой экономики, ухудшает благосостояние коренного населения, создает условия для возникновения конфликтов, реальную угрозу изменения сложившейся демографической ситуации не только в отдельных регионах РФ, но и России в целом².

Для иностранных граждан, склонных к совершению преступлений, требуется наличие криминальных профессиональных навыков, участие в организованных преступных группах³.

В соответствии со ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) уголовное наказание является мерой государственного принуждения, которая назначается по приговору суда

лицу, признанному виновным в совершении преступления и заключается в предусмотренном уголовным законом лишении или ограничении прав и свобод этого лица. Одной из задач уголовно-исполнительного законодательства ч. 2 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) указывает охрану прав, свобод и законных интересов осужденных.

Специфическими целями уголовно-исполнительного законодательства являются: исправление осужденных; предупреждение совершения новых преступлений со стороны осужденных; предупреждение совершения преступлений со стороны иных лиц. Для достижения указанных целей наукой уголовно-исполнительного права поставлены задачи, которые заключаются: в регулировании порядка и условий исполнения и отбывания наказаний; определении средств исправления осужденных; охране прав и законных интересов осужденных. Так, задача охраны прав, свобод и законных интересов осужденных заключается в детальной регламентации общего правового статуса осужденных к различным видам наказаний и правового механизма реализации их прав, свобод и выполнения обязанностей.

Н. В. Витрук разграничивал юридические категории «правовое положение» и «правовой статус». По его мнению, в содержание правового статуса входят юридические права и свободы; юридические обязанности и законные интересы личности, признаваемые государством⁴. Понятие же правового положения – более широкое понятие, которое вместе с правовым статусом включает в себя такие элементы, как гражданство, правосубъектность, выступающие в качестве необходимых предпосылок правового статуса, а также юридические гарантии прав и свобод личности⁵.

Правовой статус включает в себя следующие элементы: права, обязанности, ответственность, юридические гарантии, правосубъектность, гражданство. При этом правосубъектность, включающую в себя такие элементы, как правоспособность и дееспособность, российские ученые определяют как предусмотренную нормами права способность (возможность) быть участником правоотношения⁶. В связи с указанным следует определить, каким правовым статусом в Российской Федерации обладает иностранный гражданин, отбывший наказание в виде лишения свободы.

В соответствии с ч. 2 ст. 19 Конституции РФ гарантируется равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения; запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности.

Иностранный гражданин – физическое лицо, не являющееся гражданином РФ и имеющее доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства. Конституция РФ наделяет иностранного гражданина таким же статусом, какой существует у граждан России.

Правовой статус осужденных понимается в уголовно-исполнительном законодательстве как единый правовой институт. Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации закрепляет общие основы правового статуса осужденных к наказаниям, как связанным с мерами исправительного воздействия, так и не связанным с таковыми.

По своему содержанию правовой статус осужденных представляет собой совокупность юридических средств, с помощью которых регламентируется положение осужденного во время отбывания наказания; в него входят права, законные интересы и обязанности осужденных, которые возникают и реализуются в рамках уголовно-исполнительных правоотношений.

Исполнением наказания оказывается специфическое влияние на правовое положение лица, подвергшегося осуждению. А это приводит к тому, что лицо, попадая в сферу регулирования отношений, складывающихся при исполнении наказания, приобретает специфическое правовое положение.

Таким образом, в содержание правового положения осужденных входят следующие элементы: права осужденных и правила обращения с ними, закрепленные в международно-правовых актах; права и свободы человека и гражданина, основные обязанности граждан, содержащиеся в Конституции РФ; права, свободы, законные интересы и обязанности осужденных, установленные уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством⁷.

Правовой статус осужденных иностранных граждан определяется исходя из правового статуса данных граждан на территории России с учетом положений международных договоров РФ с государством, к которому принадлежит данный иностранный гражданин, а также в соответствии с общепризнанными нормами международного права в сфере исполнения уголовных наказаний и обращения с осужденными и нормами уголовно-исполнительного законодательства РФ.

При этом правовой статус охватывает гарантии государства в предоставлении гражданину возможности пользоваться правами, закрепленными в законодательстве, и гарантии исполнения им возложенных на него обязанностей. Это означает, что общество

не исключает осужденных из числа своих членов, рассматривает их как лиц, временно ограниченных в каких-либо правах⁸.

Обязанность осужденных, таким образом, представляют собой меру необходимого поведения осужденного во время отбывания наказания, которая устанавливается обязывающими и запрещающими нормами.

В группу основных обязанностей закон относит следующие обязанности:

- исполнение установленных законодательством обязанностей граждан РФ;
- соблюдение принятых в обществе норм поведения;
- соблюдение требований УИК, а также принятых в соответствии с ним нормативно-правовых актов;
- выполнение законных требований персонала учреждений и органов, исполняющих наказания;
- вежливое отношение к персоналу, исполняющему наказания, и к лицам, посещающим пенитенциарные учреждения, а также к другим осужденным.

Иностранным гражданам во время отбытия уголовного наказания гарантируются естественные права человека, обеспечиваются такие же условия содержания, как и российским гражданам. Для этой категории осужденных в уголовно-исполнительном законодательстве предусмотрены дополнительные права. Так, осужденные – иностранные граждане вправе использовать родной язык или любой другой язык, которым они владеют, а в необходимых случаях пользоваться услугами переводчика.

В части 9 ст. 12 УИК РФ закреплено важное для осужденных иностранных граждан, отбывающих наказание в виде ареста, ограничения свободы или лишения свободы, право поддерживать связь с дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями своих государств либо дипломатическими представительствами государств, взявших на себя охрану их интересов, или с межгосударственными органами, занимающимися защитой указанных осужденных. Такая связь может поддерживаться различными способами: посредством переписки, телефонных переговоров, проведения свиданий, оказания юридической помощи и т. п.

Осужденные – иностранные граждане и лица без гражданства пользуются правами и несут обязанности, которые установлены международными договорами РФ, законодательством РФ о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства, с изъятиями и ограничениями, предусмотренными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством РФ (ч. 3 ст. 10 УИК РФ)⁹.

При этом под изъятием прав и свобод гражданина понимается приостановление возможности осужденного пользоваться правом или свободой в полном объеме. Ограничение же прав и свобод гражданина представляет собой приостановление возможности осужденного пользоваться правом или свободой в той или иной их части¹⁰.

Правовые основания для частичного или полного лишения определенных прав и свобод человека и гражданина устанавливает ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Так, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. При этом ограничение в правах лиц, отбывающих уголовное наказание, может выражаться в следующих формах:

- лишение осужденного возможности пользоваться правами, предоставленными остальным гражданам (например, право свободы передвижения);

- установление ограничений, в рамках которых разрешается пользоваться отдельными правами (например, частичный запрет осужденного, отбывающего наказание в виде лишения свободы, пользоваться собственностью);

- предписание выполнения обязанности, не возлагаемой на других граждан, в которой реализуются элементы государственного принуждения.

Решение о нежелательности пребывания или проживания на территории Российской Федерации иностранных граждан, освобождающихся из мест лишения свободы, принимает Министерство юстиции Российской Федерации. Данное решение в обязательном порядке должно выполнить Главное управление по вопросам миграции МВД России. Указанные процедуры регламентируются приказом Минюста России № 198 и МВД России № 633 от 28.09.2018¹¹.

Кроме того, в п. 4 ст. 31 Федерального закона РФ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» указаны основания депортации иностранных граждан из Российской Федерации: «депортация иностранных граждан осуществляется органом исполнительной власти и сфере миграции или его территориальными органами во взаимодействии с иными федеральными органами исполнительной власти и их территориальными органами в пределах их компетенции». В соответствии с п. 11 ст. 31 указанного закона уполномоченным федеральным органом исполнительной власти «в отношении иностранного гражданина, находящегося в местах лишения свободы, может быть вынесено решение о неже-

лательности пребывания (проживания) в Российской Федерации или решение о неразрешении въезда в Российскую Федерацию».

В соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 7 указанного закона одним из оснований отказа в выдаче либо аннулирования разрешения на временное проживание иностранному гражданину является осуждение его вступившим в законную силу приговором суда за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, рецидив которого признан опасным, или за совершение преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств; в соответствии с п. 6 ч. 1 этой же статьи основанием отказа в выдаче либо аннулирования разрешения на временное проживание является непогашенная или неснятая судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления иностранным гражданином на территории Российской Федерации либо за ее пределами. Согласно пунктам 5 и 6 ч. 1 ст. 9 данного закона аналогичные основания существуют для отказа в выдаче либо аннулирования вида на жительство иностранному гражданину.

Как представляется, все вышеуказанное противоречит федеральному законодательству, а именно: в соответствии со ст. 25 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» к субъектам профилактики применяется ресоциализация, которая представляет собой комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы в том числе.

Одной же из особенностей правового положения иностранного гражданина, совершившего преступление после отбытия уголовного наказания в виде лишения свободы, является то, что его могут депортировать из страны, вместо того, чтобы поставить его на профилактический учет, применить средства ресоциализации или установить в отношении него административный надзор, который применяется в отношении российских граждан за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, преступления при рецидиве преступлений либо умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего¹².

При этом в соответствии со ст. 6 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» профилактика правонарушений осуществляется по следующим направлениям: предупреждение правонарушений; развитие системы профилактического учета лиц, склонных к совершению правонарушений; противодействие незаконной миграции; повышение уровня правовой грамотности и раз-

вития правосознания граждан. Реализация же основных направлений профилактики осуществляется, в том числе, путем: выявления, оценки и прогнозирования криминогенных факторов; выявления и устранения причин и условий, способствующих антиобщественному поведению и совершению правонарушений, в том числе на почве социальной, расовой, национальной или религиозной розни и т. д. (ч. 2 ст. 6 указанного закона).

В связи с этим хотелось бы отметить, что профилактика правонарушений в системе правоохранительных органов Российской Федерации развита слабо. Например, «Наставление по организации деятельности участковых уполномоченных полиции», определяющее основные направления и организацию деятельности участкового уполномоченного полиции, к обязанностям участкового относит оказание в пределах компетенции содействия учреждениям и органам уголовно-исполнительной системы в осуществлении розыска и задержании лиц, совершивших побег из-под стражи; лиц, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания (п. 37.14.). Также участковый уполномоченный полиции в соответствии с п. 37.16. раздела VI «Обязанности участкового уполномоченного полиции» указанного Наставления должен участвовать, в пределах компетенции, в осуществлении контроля (административного надзора) за соблюдением лицами, освобожденными из мест лишения свободы, установленных для них судом в соответствии с Федеральным законом от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», запретов и ограничений. Участковый уполномоченный обязан проверять указанную категорию лиц не менее двух раз в месяц, а также в ночное время, если это установлено приговором суда.

В соответствии со ст. 314.1 УК РФ неприбытие без уважительных причин лица, в отношении которого установлен административный надзор при освобождении из мест лишения свободы, к избранному месту жительства или пребывания в определенный администрацией исправительного учреждения срок, а равно самовольное оставление поднадзорным лицом места жительства или пребывания, совершенные в целях уклонения от административного надзора, – наказываются обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до одного года.

Однако в законодательстве Российской Федерации нигде не указано, как быть с иностранным гражданином, освободившимся из мест лишения свободы, если в отношении него уполномоченным

федеральным органом исполнительной власти может быть принято решение о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации. Так, в соответствии с п. 2 ст. 28 Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» выезд из Российской Федерации иностранным гражданам может быть ограничен, если они осуждены за совершение преступления на территории Российской Федерации до отбытия (исполнения) наказания или до освобождения от наказания, за исключением иностранных граждан, освободившихся условно-досрочно от отбывания наказания, в случае отсутствия у них в соответствии с решением суда материальных обязательств перед потерпевшей стороной. Таким образом, осужденные условно-досрочно от отбывания наказания в виде лишения свободы иностранные граждане могут беспрепятственно покинуть пределы нашей страны, что противоречит межотраслевым принципам российского пенитенциарного права, которыми являются: равенство осужденных перед законом, дифференциация исполнения наказания и индивидуализация исполнения наказания. Так, осужденные, отбывающие конкретный вид наказания или содержащиеся на одних условиях отбывания наказания в пенитенциарном учреждении, обладают единым правовым статусом независимо от расы, национальности, материального и социального положения, вероисповедания¹³. Применить же указанный принцип, а также принцип дифференциации исполнения наказания и принцип индивидуализации исполнения наказания, выражающийся в требовании строгого индивидуального подхода к каждому осужденному, т. е. в выборе нужных именно конкретному осужденному мер воздействия, в данных условиях не представляется возможным.

¹ Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

² Беккариа Ч. О преступлении и наказании // О свободе. Антология западноевропейской либеральной мысли. М., 1995. С. 112.

³ Шишкин Р. В. Организация профилактики преступлений, совершаемых иностранными гражданами. В сборнике «Возмещение вреда потерпевшему в уголовном судопроизводстве: организационные, правовые и криминалистические проблемы». Международная научно-практическая конференция. М., 2016. С. 369–372.

⁴ Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 38.

⁵ Мартыненко Н.Э. Уголовно-правовая охрана потерпевшего: дис. ... докт. юрид. наук. М.: Академия управления МВД России. 2016. 43 с.

⁶ Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997. С. 343.

⁷ Агаев И.Б. Русское пенитенциарное право. Краткое содержание книги «RUS-SIAN PENITENTIARY LAW» // С. 24–25.

⁸ Агаев И.Б. Русское пенитенциарное право. Краткое содержание книги «RUS-SIAN PENITENTIARY LAW» // С. 24.

⁹ Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 20.12.2017) // Рос. газ. 1997. № 9. 16 янв.

¹⁰ Агаев И. Б. С. 25.

¹¹ Об утверждении Регламента взаимодействия Федеральной службы исполнения наказаний, Министерства внутренних дел Российской Федерации и их территориальных органов при исполнении принятых Министерством юстиции Российской Федерации решений о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих освобождению из мест лишения свободы, и вынесенных Федеральной службой исполнения наказаний (территориальным органом Федеральной службы исполнения наказаний) решений о неразрешении въезда в Российскую Федерацию в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства, осужденных за совершение умышленного преступления: приказ Минюста России № 198, МВД России № 633 от 28.09.2018 (зарегистрировано в Минюсте России 07.11.2018 № 52617) // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был (дата обращения: 01.12.2018).

¹² Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: Федеральный закон РФ от 06.04.2011 № 64-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // Рос. газ. 2011. № 75. 8 апр.

¹³ Агаев И. Б. С. 13.

Зарубежный опыт борьбы с коррупцией

Е. А. ГУЛЯЕВА,
*старший инспектор штаба ЛУ МВД России
в аэропорту Шереметьево*

В данной статье рассматриваются методы борьбы с коррупцией на примере опыта зарубежных стран, а именно Финляндии, Великобритании, Франции и Германии. Также выдвинута гипотеза о наиболее действенных инструментах борьбы с коррупцией.

Коррупция, противодействие коррупции, определение коррупции, зарубежный опыт, борьба с коррупцией.

Не вдаваясь в научные размышления по поводу современного понимания коррупции¹, обозначим, что это совершение законных либо незаконных действий субъектом, обладающим в силу своего служебного статуса предоставленными ему возможностями в пользу другого субъекта, который незаконно оплатил такое действие.

Коррупция как особое социальное, политическое, экономическое явление существует в любом обществе, которое нуждается в управлении, и устранить ее полностью невозможно. Однако уровень коррупции в разных странах и в разные эпохи различен. В одних государствах коррупция не подрывает основы государственного строя, не мешает здоровому функционированию и развитию общества и, следовательно, не представляет серьезной угрозы. В других государствах, где коррупция распространяется на все сферы жизнедеятельности без исключений, превращается в норму и традицию, она снижает общественную эффективность государственного управления и становится острой социальной, политической, экономической проблемой².

Уровень коррупции в России крайне высок. Рассмотрим статистику, формируемую МВД России по преступлениям коррупционной направленности³:

- в 2018 г. (январь – декабрь): зарегистрировано всего преступлений – 1 991 532, из них коррупционной направленности 30 495, т. е. 1,5 %;
- в 2017 г. (январь – декабрь): зарегистрировано всего преступлений – 2 058 476, из них коррупционной направленности 29 634, т. е. 1,4 %;
- в 2016 г. (январь – декабрь): зарегистрировано всего преступлений – 2 160 063, из них коррупционной направленности 32 924, т. е. 1,5 %;
- в 2015 г. (январь – декабрь): зарегистрировано всего преступлений – 2 388 476, из них коррупционной направленности 32 455, т. е. 1,36 %;

– в 2014 г. (январь – декабрь): зарегистрировано всего преступлений – 2 190 578, из них коррупционной направленности 32 204, т. е. 1,47 %.

Из статистических сведений видно, что в последнее время доля коррупционных преступлений в общей структуре преступлений составляет около 1,3–1,5 %. Это достаточно существенная цифра, учитывая, что огромная доля анализируемой группы преступлений находится вне рамок статистики – латентная преступность⁴.

В целом по стране возросло на 9,8 % (с 3 188 до 3 499) число деяний, предусмотренных ст. 290 УК РФ (получение взятки), число преступлений, предусмотренных ст. 291 УК РФ (дача взятки), на территории Российской Федерации увеличилось на 15 % (с 2 272 до 2 612), число деяний, предусмотренных ст. 291.1 УК РФ (посредничество во взяточничестве), по сравнению с аналогичным периодом 2017 г., увеличилось на 20,9 % (с 810 до 979).

Снизилось на 6,9 % (с 5 841 до 5 437) количество преступлений, предусмотренных ст. 291.2 УК РФ (мелкое взяточничество).

Международное антикоррупционное движение Transparency International⁵ опубликовало Индекс восприятия коррупции⁶ (Corruption Perception Index, CPI) за 2018 г. Россия заняла 138 место из 180 и набрала 28 баллов из 100. Последние три года Россия набирала 29 баллов, а в этом году потеряла один балл и опустилась на три места. Столько же баллов набрали Папуа-Новая Гвинея, Ливан, Иран, Гвинея и Мексика.

Индекс восприятия коррупции – составной индекс, измеряющий уровень восприятия коррупции в государственном секторе различных стран. Он составляется на основании опросов экспертов и предпринимателей, проведенных независимыми организациями по всему миру, и выходит ежегодно с 1995 г. Страны мира ранжируются по шкале от 0 до 100 баллов, где ноль обозначает самый высокий уровень восприятия коррупции, а сто – самый низкий.

В группе лидеров произошли незначительные изменения: первое место заняла Дания (88 баллов), второе – Новая Зеландия (87 баллов), а третьи разделили Финляндия, Швеция, Швейцария и Сингапур (по 85 баллов). В конце списка – Сомали (10 баллов), Сирия и Южный Судан (13 баллов). Соединенные Штаты Америки получили 71 балл (на 4 балла меньше, чем в прошлом году) и впервые за долгое время не смогли попасть в первую двадцатку лидеров.

Коррупция является интернациональной проблемой. Она свойственна всем странам независимо от политического устройства и уровня политического развития и различается лишь масштабами. Задача борьбы с крупной коррупцией и, следовательно, вообще с коррупцией как с серьезным явлением, угрожающим существова-

нию государства, в значительной мере сводится к задаче формирования честной и неподкупной верхушки чиновничества, руководствующейся не своими личными интересами, а благом государства и общества. Коррупция – комплексное и многогранное явление, более сложное, чем те упрощенные шаблонные представления о коррупции, которые циркулируют в прессе и которые нашли отражение в большинстве существующих определений коррупции.

Что же понимает международное сообщество под коррупцией? Какие меры принимают в зарубежных странах для борьбы с коррупцией? Возможна ли имплементация опыта зарубежных государств борьбы с коррупцией в РФ?

Справочный документ ООН о международной борьбе с коррупцией указывает: «Коррупция – это злоупотребление государственной властью для получения выгод в личных целях». Опыт ряда европейских государств в сфере предупреждения и пресечения коррупции заслуживает особого внимания. В странах Западной Европы имеется несколько основных направлений коррупции:

- случайная коррупция (на примере Финляндии);
- систематическая коррупция (на примере Великобритании);
- проявляющаяся систематическая коррупция (на примере Германии).

Модели коррупции в странах Западной Европы обычно связаны с такими факторами, как: политическая неустойчивость, материальная нестабильность государственных служащих, наличие организованной и транснациональной преступности и др.

Один из самых высоких антикоррупционных рейтингов принадлежит Финляндии.

Низкому уровню коррупции в органах государственной власти и управления Финляндии способствуют:

- наличие развитых институтов гражданского общества, в том числе СМИ;
- стремление к минимизации вмешательства государства в экономический сектор;
- прозрачность и гласность процесса принятия решений должностными лицами, открытость и доступность большинства нормативных и подзаконных актов;
- политическая, финансовая и кадровая независимость системы правосудия от исполнительной власти, действительная гарантия защиты лиц, оказавших содействие компетентным органам в борьбе с коррупцией;
- эффективная организация административной системы, характеризующейся компактностью, малой степенью бюрократизации, отсутствием кастовости;

- адекватная система внутреннего и внешнего контроля за действиями должностных лиц, широкие полномочия в этой области у Канцлера юстиции и парламентского уполномоченного по правам человека, парламента;

- достойный уровень зарплаты государственных служащих, наличие так называемого социального пакета (пенсионного обеспечения и выходного пособия), размер которого устанавливается по итогам выслуги лет;

- морально-психологический настрой общества и всего корпуса должностных лиц на неприятие коррупции.

В Финляндии под должностным взяточничеством как основным видом коррупции понимается противоправная сделка между представителем органа власти или управления любого уровня и лицом (группой лиц, организацией), заинтересованным в его определенном поведении. В соответствии с Законом «О государственных служащих» чиновникам запрещается принимать подарки, угощения, пользоваться услугами увеселительного характера за счет заинтересованных лиц, на прохождение дел которых они могут оказать влияние. Высшие должностные лица страны (в том числе члены правительства и депутаты парламента) обязаны периодически представлять декларации о своих доходах и их источниках, которые обычно предаются публичной огласке.

В Уголовном кодексе Финляндии за совершение государственными должностными лицами коррупционных преступлений предусмотрены различные наказания: от штрафа до двух лет лишения свободы (с освобождением от занимаемой должности, запретом занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух месяцев до четырех лет при наличии отягчающих обстоятельств). Они назначаются по следующим составам преступлений: получение государственным должностным лицом взятки либо принуждение к ее даче, равно как и сама дача взятки; злоупотребление должностными полномочиями; служебный подлог; фальсификация доказательств; подкуп для дачи ложных показаний или неправильного перевода официального текста и т. д.

Также немаловажными инструментами борьбы с коррупцией являются независимая пресса, СМИ и неправительственные организации. Именно они, как институты гражданского общества, при наличии подлинного демократического режима, помогают разоблачать факты коррупции.

Опыт большинства современных государств свидетельствует, что максимальная открытость государственной системы, полити-

ческая конкуренция партий в обществе, свободная и ответственная работа СМИ и различных независимых негосударственных комиссий – вот оптимальные формы и методы борьбы с коррупцией.

¹ См. к примеру: *Ищук Я.Г.* Коррупция: вопросы теоретического осмысления // Академическая мысль. 2018. № 1 (2). С. 45–50.

² *Долинко В.И.* Проблемы коррупции в России и за рубежом // Российский следователь. 2012. № 1. С. 37–39.

³ Генеральная прокуратура РФ Портал правовой статистики <http://www.crimestat.ru> (дата обращения: 05.07.2019).

⁴ *Ищук Я. Г., Руденко А. С., Чистотина О.Н.* Противодействие коррупции в органах внутренних: учеб. пос. Рязань: Издательство ИП Коняхин А. В. (Book Jet), 2017. С. 7, 15, 21, 35.

⁵ <http://www.transparency.org.ru> (дата обращения: 05.07.2019).

⁶ Далее – Индекс.

**О некоторых вопросах детерминации
корыстных и корыстно-насильственных преступлений
против собственности пассажиров
московского метрополитена, в том числе
их детерминация немедицинским потреблением
наркотических средств и психотропных веществ,
а также лицах, совершающих данные преступления**

В. С. ГАЛЕЦКИЙ,
*адъюнкт кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России*

В статье рассматриваются некоторые аспекты криминологической детерминации и характеристики лиц, совершающих корыстные и корыстно-насильственные преступления на Московском метрополитене.

Московский метрополитен, криминологическая детерминация, корыстная и корыстно-насильственная преступность.

Российский историк Г. В. Есипов, описывая Москву первой половины XVIII в., отмечал: «Ворам и мошенникам нужны тесные местности и толпа, а эти условия в некоторых пунктах Москвы сложились исторически со всеми удобствами для промышляющих чужою собственностью»¹. Сегодня одним из таких «удобных пунктов» для совершения преступлений против собственности является столичный метрополитен. Скопление огромного числа людей их динамичное перемещение, теснота и т. д. во многом и обеспечивают привлекательность его объектов для лиц, замышляющих и совершающих имущественные посягательства. Именно корыстные и корыстно-насильственные преступления против собственности пассажиров на протяжении многих лет образуют ядро преступности на Московском метрополитене. Это кражи, грабежи и мошенничество, которые традиционно составляют более половины (55–75 %) преступлений, совершаемых в «подземном мегаполисе».

Между тем для познания теоретических аспектов существования и распространения этих преступлений, а главным образом для практической деятельности по обеспечению имущественной безопасности пассажиров столичного метрополитена, важна криминологическая информация о детерминации таких деяний и ее прояв-

лениях в мотивации индивидуального преступного поведения. Как писал почти 100 лет назад С. В. Познышев: «Преступление всегда имеет два корня: один лежит в личности преступника... а другой состоит из внешних для данной личности фактов, своим влиянием толкнувших ее на преступный путь»².

В связи с этим нами предпринята попытка осветить некоторые аспекты криминологической детерминации корыстных и корыстно-насильственных преступлений против собственности пассажиров Московского метрополитена и лицах, их совершающих.

Как известно, детерминация любых видов преступлений всегда включена в систему общих взаимосвязей и закономерностей преступности, поэтому многие детерминанты корыстных и корыстно-насильственных деяний против собственности пассажиров столичного метрополитена кроются в последствиях социальных противоречий, связанных с деформированными потребностями, обуславливающими как противоправное поведение в целом, так и преступное в частности³.

По мнению профессора А. И. Александрова, преступность: «Это массовое решение людьми своих проблем с нарушением уголовного запрета»⁴. Представляется, что данное определение в большей степени соответствует понятию корыстной и корыстно-насильственной преступности на Московском метрополитене, поскольку именно посредством кражи, грабежа или мошенничества лица, совершающие данные посягательства, «решают свои проблемы» материального характера за счет собственности пассажиров столичной «подземки». Причем, как показывает анализ судебно-следственной практики, около 60 % таких посягательств связаны с конкретной целью: получить средства для приобретения алкоголя или наркотиков⁵.

Иными словами, потребность в наркотиках и алкоголе становится главным мотивом краж, грабежей, реже – мошенничества, совершаемых для приобретения указанных психоактивных веществ, что дает право считать удовлетворение данных деформированных потребностей детерминантами корыстных и корыстно-насильственных преступлений против собственности, совершаемых на объектах Московского метрополитена⁶.

Нуждаясь в значительных суммах денежных средств, лица, находящиеся в зависимости от указанных психоактивных веществ, совершают в столичной «подземке» одно за другим преступления против собственности пассажиров. Пристрастие к наркотикам или алкоголю ускоряет реализацию такими лицами их замысла и достижение преступной цели. Причем периодичность таких преступлений часто зависят от постоянной потребности таких лиц в наркотиках

или алкоголе. Как свидетельствуют материалы уголовных дел, за сравнительно короткий период времени: от нескольких минут до 1–2-х дней преступники совершают на объектах Московского метрополитена не одно преступление, а два, три или более. Изучение уголовных дел также показало, это в большей степени характерно для лиц, совершающих грабежи, подавляющее большинство которых (около 70 %) совершаются посредством так называемых «рывков», т. е. выхватывания из рук пассажиров, как правило, мобильных телефонов или иных гаджетов.

Так, например, 25 апреля 2017 г. Хамовническим судом г. Москвы по ч. I ст. 161 УК РФ был осужден Рязанцев А. В., который в течение 2 минут (!) совершил два грабежа («рывка») в Московском метрополитене. Согласно заключению проведенной комплексной стационарной судебно-психиатрической экспертизы, у него имеется смешанное расстройство личности и пагубное (с вредными последствиями) употребление каннабиноидов⁷.

Г.А. Аванесов относил алкоголиков и наркоманов к наиболее общественно опасным маргиналам: «Они, как правило, не работают и не учатся, создают антиобщественные, преступные шайки, орудующие на улицах городов, на транспорте... Они находятся на «социальном дне» не только сугубо в социальном плане, но и в криминологическом... ими заполнены тюрьмы, колонии»⁸.

Именно такие явления, как алкоголизм и наркомания, влияющие как на сознание отдельной личности, так и на общество в целом, сегодня приобретают широкие масштабы, формируя особый криминогенный фон, на котором проявляются негативные общественно-опасные эксцессы, в том числе корыстные и корыстно-насильственные преступления.

Как было отмечено на заседании Правительственной комиссии по профилактике правонарушений 27 марта 2015 г., органами внутренних дел Российской Федерации проводится индивидуально-профилактическая работа с 2,4 млн лиц, из которых 100,7 тыс. хронических алкоголиков и 216,8 тыс. наркоманов⁹. Имеются и другие данные. По заявлению В. Иванова, бывшего руководителя ныне упраздненной Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков, в 2015 году в России число наркоманов составило 7,3 млн человек. Представители системы здравоохранения говорят о 700 тыс. зарегистрированных больных наркоманией¹⁰.

Приведенные цифры не только впечатляют, но и позволяют сделать вывод о том, что сегодня ни государство, ни общество не владеют достоверной информацией о реальных масштабах и тенденциях

таких социально-негативных явлений, как наркомания и алкоголизм, что в свою очередь сказывается на эффективности локализации этих негативных явлений.

Между тем, в процессе изучения лиц, совершающих имущественные посягательства против собственности пассажиров Московского метрополитена, было также установлено, что по своим криминологическим и уголовно-правовым признакам они представляют сочетание преступников-рецидивистов, среди которых определенную часть составляют профессиональные преступники (как правило, карманные воры). Данные лица, как правило, не имеют постоянного источника дохода (93,5 %), не состоят в браке (82 %); большинство из них ведет, по сути, маргинальный образ жизни, отчуждено от социальных и общественно-полезных связей. Подавляющее большинство представлено мужчинами (91 %) в возрасте 25–39 лет (74,5 %), ранее неоднократно судимыми (около 90 %) за преступления против собственности (кражи, грабежи), треть из которых (30,7 %) – еще и за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Таким образом, отмечая криминальную активность лиц, совершающих корыстные и корыстно-насильственные преступления против собственности пассажиров столичного метрополитена на почве употребления психоактивных веществ, следует подчеркнуть, что алкогольная, а еще более наркотическая зависимость открыто «предупреждают» о возможном совершении такими лицами преступлений¹¹.

Вместе с тем, как представляется, ожидать существенного эффекта от проводимых специально-криминологических мер в отношении лиц, страдающих наркотической или алкогольной зависимостью, весьма сложно. Еще в начале 90-х гг. XX столетия И.И. Карпец писал, что тюрьмой наркоманию не вылечишь, а бороться с социально приобретенной болезнью с помощью тюрем есть вредная иллюзия¹².

М. Ю. Воронин также отмечает, что для обеспечения эффективной криминологической безопасности в сфере защиты населения от наркотизации требуется совершенствование самой концепции государственной антинаркотической политики, в том числе связанное с созданием новых социальных служб, фондов, негосударственных структур¹³.

В данном контексте, на наш взгляд, следует отметить работу Автономной Некоммерческой Организации (АНО) «Назорей» (г. Воронеж), осуществляющей социальную реабилитацию и адаптацию лиц, освободившихся из мест лишения свободы, профилактику и лечение наркомании и алкоголизма. Согласно имеющимся

оценкам, такая деятельность способствует сокращению рецидивной преступности в этом регионе¹⁴. Как представляется, именно широкомасштабное развитие сети подобных учреждений может повлиять как на локализацию наркомании и алкоголизма, так и на последствия этих явлений в виде корыстной и корыстно-насильственной преступности.

Вместе с тем, рассмотренные нами аспекты детерминации корыстных и корыстно-насильственных преступлений, в том числе детерминация данных преступлений немедицинским потреблением наркотических средств и психотропных веществ, и характеристики лиц, их совершающих на объектах Московского метрополитена, разумеется, не охватывают всей криминологической сущности данных посягательств. В рамках данной статьи нами была предпринята лишь попытка очертить круг наиболее ярко выраженных явлений, «порождающих» рассматриваемые посягательства против собственности.

¹ *Есиков Г.В.* Тяжелая память прошлого. Рассказы из дел Тайной канцелярии и других архивов. [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003599110>. С. 304.

² *Познышев С.В.* Криминальная психология: Преступные типы. О психологическом исследовании личности как субъекта поведения вообще и об изучении личности преступника в частности / сост. и предисл. В.С. Овчинского, А.В. Федорова). М.: ИНФРА-М, 2007. С. 7.

³ *Мартыненко Н.Э.* Частичная декриминализация побоев и ее влияние на профилактику насилия // Российский следователь. М., 2018. № 5. С. 60–64.

⁴ *Александров А.И.* Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности. М., 2003. С. 179.

⁵ Здесь и далее приводятся данные, полученные в результате изучения 385 уголовных дел, находящихся в производстве органов следствия и дознания УВД на Московском метрополитене ГУ МВД РФ по г. Москве с 2014 по 2017 гг.

⁶ *Шишкин Р.В.* Отдельные направления реализации уголовной политики в сфере обеспечения безопасности экономической деятельности // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2017. № 3 (23). С. 382–387.

⁷ Официальный сайт Хамовнического суда г. Москвы. [Электронный ресурс]. URL: https://hamovnichesky.msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=1&H_date=25.04.2017.

⁸ *Аванесов Г.А.* Преступность и социальные сословия. Криминологические рассуждения. М., 2010. С. 65.

⁹ [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/31477601-Protokol-zasedaniya-pravitelstvennoy-komissii-po-profilaktike-pravonarusheniy-g-moskva-27-marta-2015-g-1.html>.

¹⁰ Глава ФСКН насчитал в России 7 млн наркоманов. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2015/06/150626_drug_addicts_numb.

¹¹ *Казаченко О.Н.* Криминологический анализ и предупреждение преступлений против собственности, совершаемых на почве наркомании: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2004. С. 11.

- ¹² *Карпец И.И.* Преступность: иллюзии и реальность. М.: Российское право, 1992. С. 399.
- ¹³ *Воронин М.Ю.* Криминологическая безопасность в сфере защиты населения от наркотизации // Труды Академии управления МВД России. 2016. №1 (37). С.73.
- ¹⁴ По данным ФСИН, МВД РФ по Воронежской области, среди лиц, освободившихся из мест лишения свободы и прошедших курс социальной реабилитации и адаптации, наблюдается положительная динамика по снижению рецидива преступлений (до 7 %) / Из заседания городской межведомственной комиссии по профилактике правонарушений от 21 марта 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voronezh-city.ru/>.

К вопросу об уголовно-правовых мерах обеспечения экономической безопасности Российской Федерации и ее субъектов

В. И. ДОЛИНКО,

начальник

*редакционно-издательского отдела
Академии управления МВД России*

В статье рассматриваются проблема охраны уголовно-правовыми мерами обеспечения экономической безопасности Российской Федерации. Современное российское государство и ее силовые ведомства надежно защищают уголовно-правовыми мерами экономическую безопасность нашей великой страны и экономический суверенитет нашего государства, защищая экономику России от разрушающего и негативного воздействия внутренних и внешних угроз и факторов, от опасностей и различного рода неблагоприятных вызовов и рисков в области экономической безопасности Российской Федерации.

Охрана, уголовно-правовые меры, экономическая безопасность, силовые ведомства Российской Федерации, субъекты обеспечения экономической безопасности, внешние и внутренние угрозы и факторы, неблагоприятные вызовы, опасности, риски, суверенитет, страна.

Проблема охраны уголовно-правовыми мерами обеспечения экономической безопасности Российской Федерации всегда и во все времена являлась тем показателем, который ярко характеризовал надежность защиты государственных интересов в сфере обеспечения экономической безопасности государства, качественно обеспечивал защиту экономического суверенитета нашей великой страны, эффективно защищая экономику России от разрушающего и негативного воздействия внутренних и внешних угроз, отрицательных факторов, от опасностей и различного рода неблагоприятных моментов, вызовов и рисков в области экономической безопасности нашего современного, многонационального и независимого государства ¹.

Экономическая безопасность России всегда остро нуждалась в защите уголовно-правовыми мерами своих интересов, тем более, что в настоящий момент времени экономическая безопасность приобретает важное и, несомненно, необходимое значение, так как это дает четкие ориентиры для принятия важнейших экономических, политических, социальных и военных решений. Сложное (из-за введенных

странами Запада и США санкций) непростое состояние экономики России, губительное влияние теневых экономических процессов на все стороны российского общества требует своевременного принятия эффективных мер по изменению сложившейся сложной ситуации в экономике России. Рассматривая статистику по преступлениям экономической направленности в России за последние 4 года, мы видим, что данная преступность находится на достаточно высоком уровне: в 2014 г. было совершено 107,8 тыс. преступлений; в 2015 г. – 112,4 тыс.; в 2016 г. – 108,8 тыс.; в 2017 г. – 105,1 тыс. За период с января по сентябрь 2018 г. было выявлено более 93 тыс. преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами России (по сравнению с январем – сентябрем 2017 г. произошел рост на 3,4 %). Удельный вес этих преступлений, в общем числе зарегистрированных, составил 6,2 %. Материальный ущерб от указанных преступлений экономической направленности (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 317,6 млрд руб. Тяжкие и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 60,3 %. Органами внутренних дел МВД России выявлено 80,3 тыс. преступлений экономической направленности, их удельный вес в общем массиве преступлений экономической направленности составил 86,4 %.

Сложная и многогранная проблема эффективного обеспечения экономической безопасности уголовно-правовыми мерами является одной из многих важных задач, направленных на обеспечение экономического роста Российской Федерации, тем более в сложнейших мировых экономических условиях. Непростое состояние экономики нашего государства, а также исследования ученых в этой области показали нам всем, что меры, предпринимаемые по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации уголовно-правовыми мерами, уже более четверти века не соответствуют предъявляемым требованиям современных реалий нашего века, тем более в условиях непростых экономических санкций против Российской Федерации, которые ввели некоторые страны Западной Европы и США.

Важность и необходимость проблемы разработки взвешенного научного подхода обеспечения экономической безопасности уголовно-правовыми мерами объясняется недостаточной разработанностью вопросов охраны экономической безопасности России в теории уголовного права, а также объективным нарастанием таких отрицательных тенденций, как рост экстремизма, терроризма, национальных конфликтов, техногенных аварий, стихийных бедствий, катастроф и др. Первоочередность данной проблемы возрастает и в связи с процессом повышения степени открытости современной российской экономики,

усилением конкуренции на мировом рынке ресурсов (уран, нефть, газ, уголь и т. д.) и вступлением Российской Федерации во Всемирную торговую организацию в 2011 г. Поэтому мы считаем, что должны быть определены эффективные подходы к обеспечению и защите экономической безопасности Российской Федерации уголовно-правовыми мерами. В данном случае мы имеем в виду, что необходима разработка и проведение целого комплекса качественных мер по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации уголовно-правовыми мерами, с выверенным расчетом всех необходимых потребностей и с предвидением всех возможных негативных рисков и угроз для нашей развивающейся экономики. Длительная и сложная по своей структуре борьба с преступностью в экономической сфере нашего государства актуальна на всех этапах развития Российской Федерации, независимо от складывающейся обстановки в России. Всем известно, что экономические преступления всегда и во все времена затрагивают абсолютно все виды экономической деятельности нашей страны, весьма негативно отражаются на различных областях жизни нашего современного общества. Экономические преступления, совершаемые в сфере российской экономики в период проводимых реформ, охватили как давно существующие структуры государственной собственности, так и предприятия иных форм собственности. Внимательно изучая понятие «экономическая безопасность», подавляющее большинство ученых выводят данное понятие из более общей категории «безопасность». Подчеркнем, что безопасность – это сложно структурированное понятие, допускающее различные толкования своего построения. Великий Аристотель – философ Древней Греции безопасность сводил к проблеме самосохранения каждого гражданина индивидуально и общества в целом. Аристотель говорил, что безопасность определяется как самое обычное чувство каждого гражданина, что сама природа вложила в каждого индивидуума естественное и обыкновенное чувство любви к самому себе. Демокрит подразумевал под безопасностью возможность каждого индивидуума приспособиться к непростым и сложнейшим условиям окружающей жизни и считал, что выживают в этом мире только приспособленные особи, в том числе и человек. Философ Демокрит был уверен в том, что именно так и возник человек разумный, а причиной объединения людей в общественные объединения была только необходимость выживания и продолжения рода человеческого общества.

Мы уверены, что в непростых общественных, экономических, военных, политических и социальных условиях в нашем государстве значительно ускорились процессы формирования сильных экономических и политических союзов, что обусловило необходимость каче-

ственного обеспечения экономической безопасности, общественной, военной, политической стабильности, территориальной целостности, стратегической национальной безопасности эффективными уголовно-правовыми мерами. Постоянно изменяющиеся экономические условия ставят перед Россией и ее 85-ю регионами сложные задачи эффективного экономического развития, связанные с особенностями обеспечения экономической безопасности России².

Мы считаем, что экономическая безопасность является частью более многомерного и объемного понятия – национальная безопасность. Эффективное обеспечение экономической безопасности уголовно-правовыми мерами – это сложный и относительно автономный сегмент экономической политики нашего государства, выступающий как основное звено экономических отношений Российской Федерации и ее населения. Стержень качественного развития любого государства в мире – это эффективная защита и обеспечение правопорядка, суверенитета и безопасности граждан посредством неуклонного снижения количества негативных рисков, опасностей и угроз национальной безопасности государственного образования, а также постоянное и неуклонное поддержание экономической стабильности общественной жизни социума. Претворение в нашу современную жизнь важнейших интересов государства невозможно без ее стабильного и эффективного экономического развития, а следовательно и охрана экономической безопасности уголовно-правовыми мерами не может рассматриваться отдельно в отрыве от ее надежно обеспеченной национальной безопасности. Уверены, что особенностью обеспечения экономической безопасности уголовно-правовыми мерами в условиях настоящего миропорядка будет являться надежный механизм качественного экономического, социального и правового обеспечения экономической безопасности, составляющий основу национальной безопасности³. Эффективное обеспечение экономической безопасности уголовно-правовыми мерами – это сложно устроенная характеристика основных параметров процесса развития экономической системы государства, при которых на постоянной основе обеспечивается уровень предупреждения, возникновения либо минимизирование уже возникших негативных рисков и угроз использованию и воспроизводству важных элементов ее потенциала, когда экономика страны надежно защищена и функционирует в заданных параметрах.

Эффективное обеспечение экономической безопасности уголовно-правовыми мерами обеспечивает надежную защиту всей экономической сферы государства. Мы уверены, что в условиях возникновения внутренних и внешних угроз эффективное обеспечение экономи-

ческой безопасности уголовно-правовыми мерами способно надежно обеспечить современной российской экономике не только стабильное ее состояние, но и полное либо частичное выживание каждого субъекта экономики Российской Федерации. Качественное обеспечение экономической безопасности уголовно-правовыми мерами в полной мере обеспечивает поддержание стабильных условий жизнедеятельности нашего социума и бесперебойное пополнение необходимыми материальными ценностями экономической сферы нашего государства. Изучая экономическую безопасность как сложное и многогранное понятие, мы четко видим, что оно сохраняет как свое деление по источнику происхождения негативных угроз и опасностей на внешние и внутренние угрозы и опасности, так и свою смысловую нагрузку данного понятия как социального явления в общем смысле. Безопасность как социальное отношение закрепляется поведенческими и правовыми нормами⁴. Россия как государство, являясь более устойчивой формой общественного договора, является главным носителем этой важной социальной функции и основным субъектом обеспечения безопасности⁵. Эффективное обеспечение экономической безопасности уголовно-правовыми мерами определяется через такое состояние субъекта экономических отношений, при котором в условиях отрицательного воздействия со стороны опасностей и угроз, внутренних и внешних факторов они либо полностью прекращают свое негативное воздействие на экономику России, либо минимизируют такое негативное воздействие, обеспечивая тем самым стабильную защищенность военных, социальных, экономических и других интересов субъекта экономики и позволяют стабильно развиваться данному субъекту экономики страны. Ученый Л. И. Абалкин обращал внимание на составляющие понятия «экономическая безопасность» и рассматривал ее «как совокупность условий и факторов, обеспечивающих эффективность национальной экономики, ее устойчивость, стабильность и способность к непрерывному обновлению и самосовершенствованию»⁶.

Рассматривая подходы к исследованию обеспечения экономической безопасности уголовно-правовыми мерами, мы выделяем некоторые особенности этой важной сферы научного исследования:

1) потребность в обеспечении экономической безопасности уголовно-правовыми мерами является одной из важных потребностей развивающейся экономики Российской Федерации – начиная с гражданина, общества и заканчивая государством в целом;

2) негативные явления, угрозы и риски всегда несут непоправимый вред экономической безопасности. Всем негативным явлениям, угрозам и рискам должны соответствовать инструменты противодей-

ствия, способные обеспечить экономическую безопасность уголовно-правовыми мерами;

3) обеспечение экономической безопасности уголовно-правовыми мерами носит системный и строго определенный характер, везде существуют свои законы и правила, которые необходимо четко и правильно соблюдать;

4) обеспечение экономической безопасности уголовно-правовыми мерами – это сложная сфера экономики России, отсутствие которой ставит экономику перед угрозой лишения независимости и целостности, а иногда и самого существования успешно и позитивно развивающейся экономики России.

Подчеркнем, что в широком смысле нами под обеспечением экономической безопасности уголовно-правовыми мерами понимается такое состояние экономики России, которое характеризуется ее устойчивостью, способностью эффективно противодействовать воздействию негативных рисков, внутренних и внешних факторов, критично нарушающих нормальное функционирование процесса общественного воспроизводства, подрывающих достигнутый уровень жизни нашего современного общества и тем самым вызывающим повышенную напряженность в современном обществе, а также возможную угрозу существованию граждан России, социума и страны.

Автор считает, что незаконная теневая экономическая деятельность должна в корне пресекаться в рамках действующего законодательства. Для повышения стабильности экономики России, придания ей необходимой экономической безопасности необходимо приведение всех основных макроэкономических показателей в границы их пороговых значений – указанные значения необходимо соблюдать, не допуская их превышения. Пороговые значения каждого макроэкономического показателя должны быть сформированы не в ущерб другому показателю, так как может нарушиться необходимый баланс, система может дать системный сбой или разрушиться.

Важным критерием обеспечения экономической безопасности уголовно-правовыми мерами служит проводимая органами власти уголовно-правовая охрана экономической политики России, тщательная разработка стратегии развития экономики России, уровень доверия к ней как хозяйствующих субъектов, так и всего общества в целом.⁷ Эффективное обеспечение экономической безопасности уголовно-правовыми мерами характеризуется целой системой индикаторов устойчивого развития, отражающих как отдельные, так и общие части этой сложной и многоступенчатой сферы.

В критериях экономической безопасности заключается оценка состояния экономики Российской Федерации с позиции происходящих

в ней процессов, отражающие сущность и качественные характеристики ее развития. Важными критериями в данной сфере служат: 1) конкурентоспособность экономики страны в целом; 2) единство экономического пространства России на всей ее территории; 3) способность противостоять возникающим негативным явлениям, рискам и угрозам; 4) наличие ресурсной базы экономики страны и уровень использования этой базы; 5) эффективное использование трудовых ресурсов страны и финансового капитала; 6) соблюдение единства и суверенитета России; 7) прогрессивное развитие права в нашем государстве.

Вопрос обеспечения экономической безопасности уголовно-правовыми мерами является необходимой функцией, которая, в свою очередь, будет служить соответствующей гарантией стабильности и прогрессивного развития нашей страны как единого и мощного государства. С этой целью в России необходимо постоянно совершенствовать свою систему правовых норм, эффективно регулирующих правоотношения в сфере защищенности всех объектов экономической безопасности, с помощью которых эффективно регулируются общественные отношения в сфере экономической безопасности, формируются эффективные органы власти, способные осуществлять государственный контроль и надзор в сфере обеспечения экономической безопасности уголовно-правовыми мерами. Только так и не иначе Россия может стабильно и успешно развиваться в будущем и всегда во все времена оставаться мощной и суверенной державой.

¹ Шишкин Р.В. Отдельные направления реализации уголовной политики в сфере обеспечения безопасности экономической деятельности // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2017. № 3 (23). С. 382–387.

² Долинко В.И. Комплекс мер по обеспечению экономической безопасности тыла органов внутренних дел // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 4 (40). С. 63–67.

³ Долинко В.И. Анализ рисков и угроз в системе материально-технического снабжения органов внутренних дел Российской Федерации в особых условиях и методы их снижения // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 2 (22). 111–114.

⁴ О безопасности: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // СЗ РФ. 2011. 3 янв. № 1. Ст. 2; О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

⁵ О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6228; О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.: Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // СЗ РФ. 2017.

⁶ Абалкин Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 5.

⁷ Актуальные проблемы уголовного права: учеб. пос. М.: Академия управления МВД России, 2016. С. 6.

Искусственный интеллект в уголовном процессе

Н. А. ЕМЕЛЬКИНА,

*доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Московского государственного областного университета,
кандидат юридических наук, доцент*

В последнее время большой интерес вызывают проблемы использования искусственного интеллекта в юридической практике.

Уголовный процесс, искусственный интеллект, судебные решения, робототехника.

«Искусственным интеллектом, или ИИ (Artificial Intelligence – AI), называют процесс создания машин, которые способны действовать таким образом, что будут восприниматься человеком как разумные»³. Данная система представляет собой направление разработки компьютерных функций, связанных с человеческим интеллектом, таких как: рассуждение, обучение и решение проблем. Иными словами, искусственный интеллект – это перенос человеческих возможностей мыследеятельности в плоскость компьютерных и информационных технологий, но уже без свойственных человеку недостатков¹.

Повсеместное внедрение современных технологий в экономику и социально-политическую жизнь, перевод в цифровую форму многих общественных коммуникаций и отношений оказывают существенное влияние на базовые принципы правосудия. В связи с этим ученые и практикующие юристы высказывают различные мнения о возможности заменить лиц, обладающих процессуальными полномочиями (судью, следователя, дознавателя) искусственным интеллектом, робототехникой. При этом никто не отрицает, что искусственный интеллект во многом облегчит и ускорит рутинную работу сотрудников правоохранительных органов, поможет им быстро решать простые задачи, которые отнимают у человека много времени, освободив время для решения тех задач, которые нельзя полностью доверить робототехнике, более сложными творческими процессами.

Следует согласиться с мнением С. Б. Вепрева и С. А. Нестеревича, что «ограниченные возможности человеческого мозга принуждают его осуществлять вербальное перекодирование исходной информации в сгустки насыщенной информации, при использовании уникальных возможностей человеческой речи. Человеческие

рассуждения по своей природе, в большинстве случаев, являются приближенными»². Если говорить непосредственно о правоприменительной деятельности, то справедливо можно заметить, что «среднестатистический правоприменитель интеллектуально не успевает за изменениями в законодательстве и к тому же у него так и не сформировалась мотивация к точному исполнению закона»⁴. Многие задачи, которые выполняют юристы и адвокаты, очень трудоемкие, утомительные и дорогостоящие. При этом существует риск ошибок и неточностей в работе специалистов. Вопрос о делегировании таких задач робототехнике очень актуален. Сервисы по автоматизации поиска юридической информации и анализа документов могут сэкономить до 80 % времени юристов и до 90 % стоимости их консультаций.

Информационные технологии являются лишь инструментом, который человек может использовать в целях раскрытия, расследования преступлений и судебного разбирательства уголовных дел. Применение современных технологий должно придать новый импульс базовым принципам уголовного судопроизводства: независимости судей, законности, доступности правосудия, рассмотрению дел в разумные сроки, состязательности⁶. Невозможно в стремительно меняющемся мире работать по-старому. Реальность меняется, хотим мы этого или не хотим, необходимо внедрять автоматизированные системы, как это уже происходит в судах при распределении дел между судьями, с помощью компьютерных программ, с учетом нагрузки и специализации судей. Широко внедрены системы видео-конференц-связи, позволяющие дистанционно участвовать в судебных процессах участникам из удаленных регионов. Последние 2–3 года постепенно вводится электронный документооборот, что позволило сократить сроки судопроизводства, экономить государственные средства. Перспективным является дальнейшее развитие электронного документооборота не только в суде, но и в досудебном производстве. Представляется обоснованной разработка порядка аудио-протоколирования судебных заседаний, чтобы исключить влияние человеческого фактора там, где техника справится более эффективно, чтобы избежать неточностей, ошибок при составлении протокола судебного заседания, максимально точно зафиксировать ход судебного процесса.

Однако полностью автоматизировать весь уголовный процесс, конечно же, нельзя. Никакая компьютерная программа или нейросеть не способны полностью заменить человека. Использование искусственного интеллекта в правосудии не исключает риска уязвимости прав и свобод человека, а отправление правосудия сделать

бесчеловечным, формальным. Доверившись полностью информационным технологиям, искусственному интеллекту, человек может сам разучиться думать, анализировать, прогнозировать, а потому деградировать в качестве разумного существа, стать беспомощным и уязвимым, зависимым и от «машины», и от того лица, которое ею управляет, ее обслуживает, модернизирует, корректирует программное обеспечение, а в конечном счете, возможно и манипулирует поведением и решениями отдельных лиц, а через них интересами многих, тем самым превращая людей в марионеток, заложников IT технологий и средств их реализации.

Существуют пять фундаментальных принципов, содержащихся в Европейской Этической Хартии использования искусственного интеллекта в судебной и правоохранительной системах. Хартия предназначена для руководства в работе государственных и частных заинтересованных сторон, ответственных за создание и внедрение искусственного интеллекта и его компонентов в судебной и правоохранительной сферах (методы машинного интеллекта включают машинное обучение или любые другие способы обработки больших данных). Хартия также касается лиц, принимающих решения в сфере законодательной или нормативной базы, а также оказывающих связанные с этим услуги. Хартия исходит из того, что использование искусственного интеллекта для обработки судебных решений и правоохранительной деятельности поможет повысить уровень раскрываемости преступлений, поднять уровень доказательности направляемых в судебные инстанции обвинительных заключений и обеспечить новый уровень обоснованности судебных решений за счет снижения количества ошибок при их вынесении.

Применение методов искусственного интеллекта в уголовных делах должно сопровождаться особыми оговорками с тем, чтобы предотвратить дискриминацию на основе использования конфиденциальных данных и обеспечить гарантии справедливого судебного разбирательства для любого человека, вне зависимости от пола, возраста, гражданства и других характеристик. Для систем искусственного интеллекта, используемых в судебных и правоохранительных органах, особое значение имеет проведение их независимой внешней экспертизы на предмет исключения влияния на алгоритмы случайно или специально подобранных данных, которые могут привести к дискриминационным решениям. Принципы Хартии должны применяться государственными и частными субъектами уголовного процесса в целях постоянного совершенствования судебной и правоохранительной практики⁵.

1. Принцип уважения фундаментальных прав. Необходимо убедиться, что разработка и использование инструментов и услуг искусственного интеллекта соответствуют основным правам личности. Обработка судебных решений и данных должна служить четким целям и полностью соответствовать Европейской Конвенции о правах человека и Конвенции о защите персональных данных. Когда эти инструменты используются для решения споров или в качестве инструмента помощи в принятии судебных решений, а также в правоохранительной деятельности, важно обеспечить, чтобы искусственный интеллект не подрывал гарантии права на доступ к суду, а также право на равенство сторон и уважения к состязательному судопроизводству. При использовании искусственного интеллекта правоохранительными органами, при предоставлении материалов в суд у стороны защиты, в рамках проведения справедливого судебного разбирательства, должно быть право на получение обоснования, принятого решения вплоть до раскрытия используемых больших данных и применяемых алгоритмах их разработки.

2. Принцип недискриминации. Уже на стадии разработки алгоритмов, используемых для машинного обучения, необходимо блокировать возможность любой дискриминации между людьми или группами людей, которая может появиться в результате необдуманного использования статистических методов анализа необработанных больших данных. Учитывая внутренне присущую методам машинного обучения и нейронных сетей способность закреплять классификации или распознавание новых данных на основе ранее выявленных закономерностей, касающихся отдельных лиц или групп лиц, необходимо, чтобы государственные и частные заинтересованные стороны уже на стадии разработки программных средств для судебных и правоохранительных сфер заблокировали возможность дискриминации определенных групп, слоев и отдельных граждан в результате применения алгоритмов.

3. Принцип качества и безопасности. В отношении разработки алгоритмов и использования данных следует анализировать источники больших данных, их структуру и содержание, а также необходимо использовать математические модели, разработанные на междисциплинарной основе, учитывающей не только прямые статистические корреляции, но и социальные, культурные, экономические и другие факторы, вызывающие эти корреляции. Разработчики модели машинного обучения должны иметь возможность широко использовать опыт работников судебной и правоохранительной систем, включая судей, прокуроров, юристов, следователей, опера-

тивных работников и т. п., а также специалистов в области социальных наук, включая экономистов, социологов, психологов и т. п.

4. Принцип прозрачности. В судебной системе и правоохранительных органах искусственный интеллект может использоваться только в том случае, если его реализация обеспечивает прозрачность, включая доступность и понятность исходных больших данных и применение лишь тех типов нейронных сетей, в отношении которых внешний аудит может выяснить критерии распознавания тех или иных совокупностей. Необходимо соблюдать баланс между интеллектуальной собственностью разработчиков на методы машинного обучения, используемые нейронные сети и т. п. и необходимостью обеспечения прозрачности, беспристрастности и отсутствия дискриминации в программах и алгоритмах.

5. Принцип пользовательского контроля. При применении искусственного интеллекта в судебной и правоохранительной сферах исключить нормативно предписывающий подход и обеспечить, чтобы все пользователи системы были информированы участниками и эксплуатировали искусственный интеллект только в том случае, если могут разобраться в алгоритмах и способах его применения. Судебные работники всегда должны понимать и знать, на чем основываются выводы искусственного интеллекта, которые предлагаются им как автоматизированное экспертное мнение. Профессиналы систем правосудия и правоохранительной деятельности должны в любой момент иметь возможность пересматривать судебные решения, принятые с применением искусственного интеллекта. Пользователь должен быть проинформирован ясным и понятным языком о том, каким образом принято решение, насколько они обязательны и имеют ли они право оспорить эти решение. Фактически речь идет о создании службы внешнего аудита принятых решений. Такая служба, скорее всего, должна действовать как государственная структура и не зависеть от производителей искусственного интеллекта.

Как справедливо заметил А.Ю. Афанасьев, «искусственный интеллект – это атрибут современной и эффективной оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, а не основание для отказа от должностных лиц. Систему интеллектуального обеспечения уголовного процесса необходимо представить из следующих взаимосвязанных и взаимодополняющих элементов: профессиональная подготовка субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений; законодательное обеспечение уголовного процесса; научно-исследовательское обеспечение уголовно-процессуальной деятельности; информационно-техническое обеспечение

уголовного судопроизводства; обеспечение уголовного процесса системами искусственного интеллекта. При этом именно за системами искусственного интеллекта кроется перспектива успешного развития уголовного судопроизводства»¹.

Создание и использование искусственного интеллекта не является попыткой заменить человека (судью, прокурора, следователя и адвоката) в процессе принятия решений в уголовном судопроизводстве. Главная цель – это максимальная объективность и сокращение сроков на принятие решений или получения достоверной информации с помощью искусственного интеллекта, внедрение которого является вынужденной мерой для обеспечения качественной и эффективной судебной защиты прав наших граждан, с учётом всё возрастающей нагрузки на судей. Полноценное внедрение искусственного интеллекта на основе баз данных дает колоссальные возможности по изменению ситуации в правосудии по уголовным делам.

¹ *Афанасьев А.Ю.* Искусственный интеллект или интеллект субъектов выявления, раскрытия и расследования преступлений: что победит? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 3 (38).

² *Вепрев С.Б., Нестерович С.А.* Экспертные системы в юридической деятельности // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». 2017. № 13. С. 986–991.

³ *Джонс М.Т.* Программирование искусственного интеллекта в приложениях / М. Тим Джонс; пер. с англ. Осипов А. И. М.: ДМК Пресс, 2011. 312 с.

⁴ Мониторинг уголовной политики России: монография / под общ. ред. С.В. Максимова. М.: Институт государства и права РАН, 2014. 482 с.

⁵ Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и смежных областях // Материалы международной конференции «Искусственный интеллект и права человека», организованной Институтом права и прав человека Национальной академии наук Азербайджана (НАНА) совместно с Европейской Комиссией по эффективности правосудия Совета Европы (CEPEJ) / zakon.ru.

⁶ *Мартыненко Н.Э., Журавлев Р.А.* Обеспечение безопасности личности – главная задача современной уголовной политики // Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород. 2018. № 2. С. 225–232.

Общественное мнение как инструмент социальной диагностики проблем в правоохранительной сфере региона

А. Ю. ЗВОНАРЕВА,

*начальник кафедры организации деятельности ОВД ЦКШУ
Академии управления МВД России*

Статья посвящена анализу этапа подготовки и принятия управленческого решения в территориальных органах внутренних дел на региональном уровне с учетом мнения населения. Общественное мнение является индикатором социальных проблем в правоохранительной сфере региона, то есть инструментом социальной диагностики оперативной обстановки. Автором разработан алгоритм использования общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел. Включение общественного мнения в оценку деятельности органов внутренних дел изменяет модель информационно-аналитического обеспечения управленческой деятельности на этапе подготовки и принятия управленческого решения. Отмечается, что получаемая, благодаря социологическим исследованиям, информация отражает не только общественную оценку результатов деятельности органов внутренних дел, но и может быть использована для анализа всех элементов оперативной обстановки. В статье обосновывается, что целесообразно анализ результатов социологического исследования производить в соответствии со структурой изучения оперативной обстановки. Анализ оперативной обстановки предлагается осуществлять посредством соотношения информации, полученной из статистических данных и вневедомственных источников.

Органы внутренних дел, принятие управленческих решений, общественное мнение, оперативная обстановка, противодействие преступности.

Управленческие решения в сфере противодействия преступности и обеспечения общественной безопасности и общественного порядка как процесс связывает основные функции руководства – планирование, организацию, мотивацию, контроль. Преступность является социальным феноменом, характеризующимся сложностью структуры, тесной взаимосвязью с различными общественными явлениями и процессами, способностью к самодетерминации в условиях игнорирования закономерностей преступности и просчетов в борьбе с ней¹.

Действия руководителя органов внутренних дел как субъекта управления начинаются с информационно-аналитической подго-

товки решения, состоящего из выявления и диагностики проблем управления. Подготовка решения осуществляется по логической схеме: получение информации о правоохранительной ситуации, определение целей, уяснение оценочной системы, анализ и диагностика ситуации, разработка прогноза ее развития. Качественная информационно-аналитическая подготовка способствует принятию эффективного управленческого решения, позволяющего выбрать верную стратегию поведения в устранении проблемы и ликвидации ее опасных последствий².

В территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации на региональном уровне информационно-аналитическое обеспечение принятия управленческих решений основывается на знаниях, умениях и навыках личного состава. При этом под оперативной обстановкой понимается «совокупность условий, в которых функционируют органы внутренних дел, решая свои установленные законом и подзаконными актами задачи»³.

Модель оперативной обстановки можно представить в форме двух блоков взаимодействующих условий: внешних и внутренних. Внешние условия – система административно-территориальных, экономических, социальных, демографических, политических, религиозных, криминальных и других характеристик региона. Отдельно в структуре внешних условий системы выделяют криминальную ситуацию, являющейся специальным объектом воздействия со стороны органов внутренних дел. В блоке внутренних условий рассматриваются две составляющие: силы и средства органа внутренних дел (ресурсы, организационная структура и структура управления); деятельность органов внутренних дел и ее результаты.

Основным критерием оценки деятельности полиции является общественное мнение⁴, как следствие, произошло изменение традиционной схемы анализа оперативной обстановки⁵. Для вневедомственной оценки оперативно-служебной работы используются результаты исследования общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел. Получаемая благодаря социологическим исследованиям информация отражает не только общественную оценку результатов деятельности органов внутренних дел, но и может быть использована для анализа всех элементов оперативной обстановки.

Мнение граждан об уровне своей безопасности – один из социальных показателей, определяющих благополучие общества. При этом чувство защищенности от противоправных посягательств формируется под влиянием самых различных факторов. Эта оценка меняется в зависимости от социально-психологической ситуации

в стране. Особенно это заметно в условиях кризисной ситуации, характеризующейся повышенной тревожностью и неуверенностью в завтрашнем дне. Так как уровень криминологической тревоги в различных регионах сильно варьируется, одной из важнейших задач общероссийского исследования является мониторинг динамики изменений ситуации в субъектах Российской Федерации⁶. Для характеристики оценки деятельности органов внутренних дел актуальна типологизация регионов по уровню криминологической тревоги, которая подразумевает выявление благоприятных и неблагоприятных регионов.

При этом совокупность внешних условий функционирования органа внутренних дел является одним из элементов понимания оперативной обстановки. В структуре внешней среды выделяют два компонента: криминальный фактор (правонарушительство) и совокупность иных факторов, которые усложняют или благоприятствуют противодействию правонарушительству. Выделяют четыре группы факторов внешней среды функционирования: территориально-географические, экономические, социально-демографические, социально-политические⁷. Каждый регион характеризуется своеобразием факторов внешней среды, которые непосредственно влияют на ситуацию в субъекте, влияя на представления граждан об уровне безопасности личности и детерминируя их критическое отношение не только к органам внутренних дел, но и ко всем органам государственного управления.

Социальное самочувствие является сложной социально-психологической характеристикой субъекта (населения в целом), основывающейся на его самоотражении взаимодействия со средой: «...это отражение осуществляется не только на рациональном, но и на эмоциональном уровне, включая такие компоненты, как чувства, настроения, тревоги и т. п.». *Социально-психологическое самочувствие* – показатель уровня удовлетворенности населения условиями социального существования и деятельности. Этот показатель региона влияет на общественную оценку деятельности всех органов исполнительной власти, так как является индикатором внешней среды функционирования конкретного территориально-го органа МВД России.

При анализе результатов опросов населения этот аспект важно учитывать. Анализ результатов социологического исследования целесообразно производить в соответствии со структурой изучения оперативной обстановки посредством соотношения информации, полученной из статистических данных и вневедомственных источников (табл. 1).

Общий анализ оперативной обстановки с учетом мнения населения

Анализ оперативной обстановки на основе официальных источников	Анализ оперативной обстановки на основе социологического исследования
Внешняя среда функционирования	
Условия внешней среды: территориально-географические и природноклиматические, экономические, социально-демографические; социально-политические, идеологические, правовые факторы, анализируемые на основе данных официальных источников	Условия внешней среды: общий уровень социальной тревожности; интенсивность опасений граждан, их беспокойства из-за социальных проблем с учетом социально-демографической дифференциации населения; представления граждан об уровне защищенности
Правонарушительство: статистические данные в целом и по линиям служб в разрезе учитываемых правонарушений и лиц, их совершивших.	Правонарушительство: виктимный опыт граждан, уровень и качественные параметры криминологической тревоги, представления о частоте нарушения людьми законов
Внутренняя среда функционирования	
Анализ управленческой деятельности и ресурсного обеспечения: определение уровня информационного, аналитического и прогнозного обеспечения; анализ и оценка функций планирования, организации, регулирования; а также достаточно ли сил и средств для решения возложенных задач, какова эффективность их использования	Анализ управленческой деятельности и ресурсного обеспечения: взаимодействие потерпевших с ОВД; отношение граждан к возможности оказать помощь ОВД в работе по обеспечению безопасности, защите личных и имущественных интересов граждан, а также представления о заинтересованности ОВД в этой помощи
Результаты деятельности ОВД: показатели ведомственной оценки в соответствии с утвержденным нормативным правовым актом ⁸ .	Результаты деятельности ОВД: показатели вневедомственной оценки в соответствии с утвержденным нормативным правовым актом ⁹ .

Информационно-аналитическое обеспечение управленческой деятельности – это творческий процесс. Приведенные структурные элементы можно принимать только в качестве основы, «поскольку оперативная обстановка как таковая, как реально существующая действительность, настолько многообразна и переменчива, что можно дополнять ее еще многими существенными признаками и качествами, отражающими те или иные ее стороны и свойства»¹⁰. В схему анализа оперативной обстановки характеристику включают и степень тревожности (социальной опасности) общества¹¹.

Таким образом, технология общего анализа оперативной обстановки с учетом мнения населения представляет собой ряд последовательных и логически взаимосвязанных этапов (информационного, собственно аналитического, прогнозного, оценочного), процедур, характеристик внешних и внутренних условий функционирования органов внутренних дел.

Традиционная схема анализа оперативной обстановки – сравнительный метод (состояние в настоящем – состояние в прошлом) реализуется в территориальных органах МВД России на региональном уровне. Исследование динамики общественного мнения о деятельности органов внутренних дел происходит ежегодно по этому принципу. Следовательно, ежегодный общий анализ может быть дополнен сравнением официальной статистики и общественного мнения.

Методика анализа и оценки правонарушительства с учетом общественного мнения заключается в том, что информация, непосредственно формируемая в органах внутренних дел и других субъектах правоохранительной деятельности и содержащая сведения о правонарушениях, лицах, допустивших нарушения законов, жертвах и обстоятельствах правонарушений, дополняется социологической информацией результатов опросов населения.

Результаты исследования общественного мнения представляют информацию о виктимном опыте граждан, уровне криминологической тревоги, представлениях о том, насколько часто окружающие люди нарушают законы. При этом существенные отличия официальной статистики и общественного мнения могут свидетельствовать о проблемах учетно-регистрационной области. Поэтому в определении методики анализа и оценки блока элементов, характеризующих внутреннюю среду функционирования органов внутренних дел, большое значение приобретают показатели, характеризующие открытость ведомственной системы.

Не все управленческие решения, принимаемые руководителями органов внутренних дел, нуждаются в предварительном социальном диагностировании. В качестве индикатора необходимости

социализации управленческих решений выступают степень важности для большей части населения региона и его срочность. Принятие управленческих решений с учетом мнения населения, с одной стороны, позволит повысить заинтересованность руководителя в принятии решений на основе социологических исследований, с другой – защитит руководителя ОВД от необоснованной критики со стороны населения¹².

При подготовке и принятии социально ориентированного управленческого решения в органах внутренних дел следует соблюдать последовательность следующих этапов:

- комплексный анализ оперативной обстановки и диагностика открытости системы органов внутренних дел (путем сопоставления ведомственных статистических данных и результатов изучения общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел в регионе);
- определение факторов, повлиявших на динамику общественного мнения;
- сбор систематизированной информации о положительных и отрицательных фактах деятельности территориального органа;
- уяснение характеристик возможного управленческого решения;
- выявление ограничений в принятии управленческого решения;
- поиск альтернатив и выбор управленческого решения;
- принятие и оформление управленческого решения.

Это позволит наиболее эффективно обеспечить баланс взаимных интересов органов внутренних дел и общества в решении наиболее актуальных проблем в правоохранительной сфере.

¹ Долгова А.И. Криминальная ситуация в России: оценка изменений // Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование / под ред. профессора А.И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2009. С. 5.

² Шишкин Р.В. Виктимность сотрудников органов внутренних дел полиции. В сборнике «Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы»: материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 275–282.

³ Клущин О.З. Оперативная обстановка: понятие, анализ, прогноз: уч. пос. М.: Академия управления МВД России, 2010. С. 7.

⁴ О полиции: Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Рос. газ. 2011. № 5401. 8 февр.

⁵ Клущин О.З. Оперативная обстановка: понятие, анализ, прогноз: уч. пос. М.: Академия управления МВД России, 2010. С. 135.

⁶ Изучение общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: научно-практ. пос. / А.Л. Ситковский, О.В. Яковлев, Е.Ф. Кузьминский, О.В. Родимушкина, Г.В. Авдеева, Л.Ю. Миллер, Г.Э. Бицадзе, М.С. Газиев, А.В. Филиппов. М.: ФГУ ВНИИ МВД России, 2011. С. 4.

⁷ Изучение общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: научн.-практ. пос. / А.Л. Ситковский, О.В. Яковлев, Е.Ф. Кузьминский, О.В. Родимушкина, Г.В. Авдеева, Л.Ю. Миллер, Г.Э. Бицадзе, М.С. Газиев, А.В. Филиппов. М.: ФГУ ВНИИ МВД России, 2011. С. 52.

⁸ Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040.

⁹ Там же.

¹⁰ *Клушин О.З.* Оперативная обстановка: понятие, анализ, прогноз: уч. пос. М.: Академия управления МВД России, 2010. С. 11.

¹¹ *Герасимов В.В.* Оценка оперативной обстановки: цели, задачи, пути совершенствования // Вестник МВД России. 2006. № 5. С. 65.

¹² *Звонарева А.Ю.* Принятие управленческих решений в органах внутренних дел на основе результатов изучения общественного мнения // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 1 (29) С. 110.

Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом: проблемы квалификации

О.А. ЗУБАЛОВА,

*старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД РФ,
кандидат юридических наук*

Проблема обеспечения правовой охраны недвижимого имущества является для России важной, актуальной и комплексной, но она невозможна без существования эффективного механизма защиты прав, основанного на неотвратимости наказания за нарушения этих прав. Однако говорить об эффективной системе мер по охране указанной сферы не представляется возможным, поскольку вариаций преступного поведения может быть огромное количество, способы преступного поведения постоянно модернизируются и обновляются, что, в свою очередь, усложняет процесс квалификации. Известно, что квалификация преступлений является важнейшим этапом применения уголовно-правовой нормы. В судебно-следственной практике она имеет огромное значение, поскольку от нее зависит не только выбор судом справедливого наказания, но и повышение эффективности работы уголовно-правовой нормы, так и деятельности правоохранительных органов.

Изучение судебной практики применения ст. 170 УК РФ (Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом) позволило прийти к выводу о том, что практика рассмотрения данной категории уголовных дел только складывается. Такая ситуация складывается в связи с недостаточной исследованностью объективных и субъективных признаков данного деяния, отсутствием судебной практики по данной категории уголовных дел и официального толкования ряда обязательных признаков диспозиции рассматриваемой уголовно-правовой нормы и др.

В связи с этим более подробно следует остановиться на проблемных вопросах квалификации объективных признаков деяния, предусмотренного ст. 170 УК РФ. Данная уголовно-правовая норма предусматривает ответственность за умышленное искажение сведений государственного кадастра недвижимости, если оно совершено из корыстной или иной личной заинтересованности должностным лицом с использованием своего служебного положения¹.

Слово «кадастр» (фр. cadastre, ит. catasto, греч. katastichon) означает систематизированный свод сведений, составляемых пери-

одически или в результате непрерывных наблюдений над каким-нибудь объектом². Следует отметить, что прототипы современного кадастра недвижимости были известны России еще с IX в.³

Государственный кадастровый учет недвижимости сопровождается присвоением каждому регистрируемому объекту недвижимого имущества кадастрового номера.

Криминализация искажения учетных данных государственного кадастра недвижимости в рамках ст. 170 УК РФ не случайна, поскольку учет также связан с государственной регистрацией прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Государственный кадастр недвижимости «информационно обеспечивает систему государственной регистрации, а во-вторых, обязательным приложением к документам, необходимым для государственной регистрации прав и сделок с земельными участками, являются кадастровые планы»⁴.

В государственный кадастр недвижимости вносятся сведения об уникальных характеристиках объекта недвижимости и дополнительные сведения об объекте недвижимости. Состав сведений государственного кадастра недвижимости об объекте недвижимости определен в ст. 7 Федерального закона «О государственном кадастре недвижимости»⁵.

Основополагающим документом государственного кадастра недвижимости необходимо признать реестр объектов недвижимости. Затем вторыми по значимости идут кадастровые дела и, наконец, кадастровые карты.

Очевидно, что предметом искажения учетных данных государственного кадастра недвижимости, совершенного должностным лицом с использованием своего служебного положения из корыстной или иной личной заинтересованности (ст. 170 УК РФ), являются данные и документы, входящие в указанные разделы.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что государственный кадастровый учет недвижимого имущества не представляет собой лишь механическое отражение поступающей информации. Так, при подаче заявления заявителем представляются необходимые для кадастрового учета документы, перечень которых и порядок их оформления определен российским законодательством. При этом они должны соответствовать установленным требованиям и отражать информацию, необходимую для государственной регистрации прав на недвижимое имущество в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество. Не подлежат приему на государственную регистрацию прав «документы, имеющие подчистки либо приписки, зачеркнутые слова и иные не оговоренные в них исправления, документы, исполненные карандашом, а также доку-

менты с серьезными повреждениями, не позволяющими однозначно истолковать их содержание» (п. 3 ст. 18)⁶.

В юридической литературе предлагаются различные подходы к пониманию признака «искажение» в преступлении, предусмотренном ст. 170 УК РФ. Так, одни авторы определяют «искажение» в исследуемом преступлении как внесение не соответствующих действительности сведений в соответствующие учетные документы⁷. Другие рассматривают его как «внесение в соответствующий официальный документ ложных сведений, либо внесение исправлений, искажающих действительное содержание сведений о собственнике земли, землепользователях, арендаторах, размере участка земли, ее качестве, ценности, правовом режиме и др.»⁸.

Б.В. Волженкин трактует искажение учетных данных шире, понимая под ним не только факт внесения ложных сведений в Государственный земельный кадастр (ныне – государственный кадастр недвижимости), но и противоправные изменения в кадастровой документации⁹. Аналогичной позиции придерживается большинство авторов¹⁰.

Развивая эту точку зрения, Н.А. Лопашенко, А.Т. Булавинцев и А.И. Рарог признают искажение учетных данных Государственного земельного кадастра (ныне государственного кадастра недвижимости) наряду с регистрацией незаконных сделок с землей (ныне недвижимое имущество) частным случаем служебного подлога¹¹.

В то же время уголовная ответственность за служебный подлог, в контексте ст. 292 УК РФ, наступает в случае внесения должностным лицом, а также государственным служащим или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом, в официальные документы заведомо ложных сведений, а равно внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание, если эти деяния совершены из корыстной или иной личной заинтересованности (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 292.1 настоящего Кодекса).

Однако если искажение учетных данных государственного кадастра недвижимости действительно можно рассматривать как частный случай служебного подлога, поскольку в ст. 170 УК РФ в интересуемом контексте производится детализация, уточнение признаков преступления, а именно предмета, которым могут быть не любые официальные документы, а документы государственного кадастра недвижимости, то регистрацию незаконных сделок с недвижимым имуществом расценивать в качестве частного случая служебного подлога, на наш взгляд, не вполне оправданно. Это связано с тем, что в ходе регистрации незаконной сделки с недвижи-

мым имуществом в Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество, как официальный документ, могут вноситься истинные сведения, соответствующие действительности, но отражающие факт незаконной сделки с недвижимым имуществом, то есть сделки, противоречащей российскому законодательству.

В таком случае действия виновных не могут согласоваться с признаками, закрепленными в ст. 292 УК РФ. Признавая искажение учетных данных государственного кадастра недвижимости частным случаем служебного подлога, необходимо отметить, что содеянное в данном случае квалификация осуществляется по ст. 170 УК РФ. Данной позиции придерживается и И. А. Клепицкий, указывая, что «искажение учетных данных Государственного земельного кадастра (в нашем случае кадастра недвижимого имущества) является видом служебного подлога и соответственно дополнительной квалификации по ст. 292 УК не требуется»¹².

Здесь имеет место конкуренция общей и специальной нормы: норма, предусматривающая уголовную ответственность за служебный подлог (ст. 292 УК РФ), выступает в качестве общей нормы по отношению к уголовно-правовой норме, регламентирующей ответственность за искажение учетных данных государственного кадастра недвижимости (ст. 170 УК РФ).

Законодательное определение подлога как факта внесения в официальные документы заведомо ложных сведений, а также внесение в названные документы исправлений, искажающих их действительное содержание (ст. 292 УК РФ), в целом приемлемо и для толкования термина «искажение» в ст. 170 УК РФ¹³.

Вместе с тем, в доктрине уголовного права выделяется два вида подлога – материальный и интеллектуальный. Материальный подлог представляет собой искажение документа путем нарушения его формы, например подчистки, дописывание и т. п. Интеллектуальный же подлог состоит в составлении ложных документов по содержанию. При этом, как справедливо отмечает Л. А. Букалорова, подлогом признаются:

- «а) внесение заведомо ложных сведений;
- б) учинение заведомо ложных исправлений;
- в) умолчание о необходимых к указанию фактах»¹⁴.

В качестве примера служебного подлога представляется обоснованным привести следующее дело в отношении старшего государственного инспектора Северокаспийского отдела ВКТУ Росрыболовства Важанова С. В., который (как указано в постановлении ст. следователя Ахтубинского МСО СУ СК РФ № 16 от 16 января 2016 г., возбуждено уголовное дело ч.1 ст. 292 УК Российской Феде-

рации), являясь должностным лицом, вопреки интересам службы, из личной заинтересованности, желая повысить показатели в своей работе, составил фиктивный протокол об административном правонарушении, куда внес заведомо ложные сведения о совершении им административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 8.37 КоАП Российской Федерации, выразившемся в нарушении Правил рыболовства Волго-Каспийского рыбохозяйственного бассейна, что повлекло существенное нарушение прав гражданина, который не совершал правонарушения¹⁵.

Схожим образом может быть произведено и искажение учетных данных государственного кадастра недвижимости. Например, в государственный кадастр недвижимости могут быть внесены ложные сведения о правах на земельный участок; искажение посредством умолчания необходимых к указанию фактов может быть выражено в невнесении в документы государственного кадастра недвижимости сведений об ограничении прав на земельный участок (сервитут); документы государственного кадастра недвижимости могут быть искажены и путем подчисток, дописок, в результате которых незаконно изменяется информация, к примеру, о площади земельного участка, его границах и т. д.

Как видно, второе деяние, образующее искажение учётных данных государственного кадастра недвижимости, является бездействием. Такого мнения придерживается и Р.В. Хомутов¹⁶. Общественная опасность такого бездействия обусловлена наличием у лица, осуществляющего государственный кадастровый учет, обязанности в силу закона и фактической возможности внести в основные документы кадастра определенные сведения¹⁷.

Далее следует подчеркнуть, что Федеральный закон «О государственном кадастре недвижимости» оговаривает ситуации правомерного исправления технических ошибок (ст. 28).

Проведенный анализ квалификации только по некоторым объективным признакам ст. 170 УК РФ (Регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом) свидетельствует о существовании ряда проблемных вопросов, которые требуют дополнительного их рассмотрения¹⁸.

¹⁵ Гапоненко В. М., Долинко В. И. Обеспечение экономической безопасности системы материально-технического снабжения органов внутренних дел Российской Федерации в особых условиях: монография // Экономическая безопасность. М., 2014.

¹⁶ Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2005. С. 323.

³ См.: *Путилин А.В.* Уголовная ответственность за регистрацию незаконных сделок с землей: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 96; *Гаврилюк М.Н.* Правовое регулирование государственного кадастрового учёта земельных участков: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 15–53.

⁴ *Гаврилюк М.Н.* Правовое регулирование государственного кадастрового учета земельных участков: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 59.

⁵ О государственном кадастре недвижимости // Федеральный закон № 221-ФЗ от 24 июля 2007 г. (ст. 7). [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150358/?frame=1#p232.

⁶ О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним // Федеральный закон № 122-ФЗ от 21 июля 1997 г. [Электронный ресурс]: [registracii_prav_na_nedvizhimoe_imuwestvo_i_sdelok_s_nim/158_2.html](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158215/158_2.html).

⁷ Уголовное право. Особенная часть. Т. 1 / под ред. Л.Д. Гаухмана и С.В. Максимова. М., 1999. С. 409. См. также: *Куниц В.В.* Регистрация незаконных сделок с землей: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 83 – 84; *Сухова Е.А.* Теоретические и практические проблемы уголовной ответственности за земельные преступления // *Жилищное право*. 2006. № 1. С. 67.

⁸ Уголовное право: Особенная часть: учебник / В.Т. Гайков [и др.]. Ростов н/Д: Феникс, 2008. С. 279.

⁹ *Волженкин Б.В.* Экономические преступления. СПб., 1999. С. 83 – 84.

¹⁰ См.: *Булавинцев А.Т.* Уголовно-правовая характеристика регистрации незаконных сделок с землей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 24; *Лопашенко Н.А.* Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ). М., 2006. С. 281; *Путилин А.В.* Уголовная ответственность за регистрацию незаконных сделок с землей: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 103.

¹¹ *Лопашенко Н.А.* Указ. соч. С. 281; *Булавинцев А.Т.* Указ. соч. С. 24; Уголовное право России. Особенная часть / под ред. А.И. Рарога. 3-е изд., с изм. и доп. М.: Эксмо, 2009. С. 197.

¹² *Клепицкий И.А.* Система хозяйственных преступлений. М.: Статут, 2005. С. 509.

¹³ В толковом словаре русского языка подлог определяется как обман, состоящий в подделке чего-нибудь, или в подстановке одной вещи вместо другой; фальшь, подмена, подделка. См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 2002. Т. 3. С. 181.

¹⁴ *Букалерева Л.А.* Уголовно-правовая охрана официального информационного оборота / под ред. докт. юрид. наук., проф. В.С. Комиссарова, докт. юрид. наук Н.И. Пикурова. М.: Юрлитинформ, 2006. С. 236.

¹⁵ Апелляционное постановление по уголовному делу Важанова С.В. Угол. дело № 22–1591/2016: г. Астрахань, 11 августа 2016 г. <https://rospravosudie.com/court-as-traxanskij-oblastnoj-sud-astraxanskaya-oblast-s/act-533192836/>.

¹⁶ *Хомутов Р.В.* Ответственность за регистрацию незаконных сделок с землей (ст. 170 УК РФ): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. С. 20.

¹⁷ См.: *Тер-Акопов А.А.* Бездействие как форма преступного поведения. М.: Юрид. лит., 1980. С. 65 – 71; *Бойко А.И.* Преступное бездействие. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 113 – 118.

¹⁸ *Шишкин Р.В. и др.* Правовые основы предупреждения преступлений: курс лекций. М., 2018.

К вопросу о реализации международных правовых стандартов в уголовной политике Российской Федерации

В. К. ИВАЩУК,
*доцент кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук*

В статье рассматривается порядок реализации международных правовых стандартов на национальном уровне и их влияние на уголовную политику Российской Федерации.

Международные правовые стандарты, уголовная политика Российской Федерации, реализация международных стандартов деятельности полиции.

Слово «стандарт» имеет английское происхождение и означает норму, образец, модель, их соответствие определенным требованиям, мерило, основа чего-то¹. Международные правовые стандарты принимаются на международном уровне и, в зависимости от их характера, свойств и сферы действия, реализуются на национальном уровне, исключительно по воле государства, что являются составляющей национального суверенитета. Государство самостоятельно определяет, какие международные правила и порядки допустимы в национальном праве. Определенная степень обязательности присутствует в международно-правовых установлениях в области политических отношений между государствами. Например, невмешательство в юрисдикцию государства, применение национальных норм права при оказании международной правовой помощи и др., что является гарантией соблюдения суверенитета. Таким образом, международно-правовые установления выступают в качестве «стандартов», но не являются общеобязательными нормами. Не следует ставить знак равенства между международными правовыми стандартами и заимствованием норм из права другого государства. Международные правовые стандарты имплементируются в национальное право как международные обязательства государства, тогда как нормы иностранного права вводятся в национальное право как рецепция иностранного права².

Истории права известна рецепция римского права, когда в период доминирования древнеримского государства на определенной части мирового пространства, при фактическом отсутствии междуна-

родного права, действовало право сильнейшего. Однако распространение концептуальных положений римского права в находящихся в стадии зарождения права в подвластных государствах способствовало его развитию. Современные международные правовые стандарты формируются и реализуются на основе суверенитета государств.

При том что механизм формирования и реализации международных правовых стандартов таков, что они изначально зарождаются и реализуются на национальном уровне, получают признание определенным количеством государств, далее им придается международно-правовой статус, но реализуются международные правовые стандарты на национальном уровне. Это обусловлено тем, что правоприменение в области борьбы с преступностью является национальной прерогативой, за исключением преступлений, подпадающих под международную юрисдикцию. Это закреплено на конституционном уровне и подтверждено решениями высших судебных инстанций Российской Федерации. Так, п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ» предписывают применение международных стандартов, закрепленных в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, с учетом практики Европейского суда по правам человека³.

Взаимосвязь международных стандартов борьбы с преступностью с национальной уголовной политикой обусловлена мировой глобализацией, которая «сопровождается трансформацией национальной преступности в транснациональные международные формы в условиях интеграции политических, экономических, информационных и коммуникативных процессов»⁴. Международные стандарты обеспечивают согласованность действий государств в борьбе с преступностью, что является объективной необходимостью, обусловленной состоянием современной преступности, имеющей тенденции к интернационализации. Это достигается единообразием по двум основным направлениям, оценкой определенного круга деяний как преступлений и формированием механизмов взаимодействия государств в борьбе с преступностью, а также установлением определенных правил и условий при обращении с правонарушителями, включая правила для должностных лиц, уполномоченных применять меры принуждения. С учетом этого в международных стандартах борьбы с преступностью можно выделить общие, отраслевые, специальные факультативные.

К категории отраслевых стандартов представляется правомерным отнести международные уголовно-правовые стандарты, а так-

же международные стандарты уголовно-процессуального характера. Формирование международных стандартов в области уголовного права не только интернационализирует, унифицирует уголовное право,⁵ но и породило такой феномен, как международное уголовное право.

Специальные стандарты имеют предметный характер, т. е. относятся к определённым видам преступлений, например незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, фальшивомонетничество, терроризм, организованная преступность и т. д.

К международным стандартам факультативного характера следует отнести стандарты, основу которых образуют стандарты в области прав человека, но действующие в сфере борьбы с преступностью, и, соответственно, имеют обеспечивающий характер в области обращения с лицами, причастными к совершению преступлений; международные стандарты, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних; международные стандарты для жертв преступлений; международные стандарты поведения должностных лиц, уполномоченных применять меры принуждения к виновным; международные стандарты в отношении иностранных граждан, подвергающихся уголовному преследованию; международные стандарты в области государственной защиты участников уголовного судопроизводства и др.

Таким образом, реализация международных правовых стандартов на национальном уровне оказывает существенное влияние на формирование национальной уголовной политики. Непосредственная реализация международных стандартов борьбы с преступностью осуществляется государственными органами, задачей которых является борьба с преступностью.

Исходя из того, что международные стандарты борьбы с преступностью это не только стандарты в области прав и свобод человека, но и международные установления отраслевого и специального характера, они различаются по порядку их реализации.

Так, международные уголовно-правовые стандарты, образованные в рамках международного уголовного права, реализуются в виде конкретных национальных уголовно-правовых норм. Являясь нормами международного уголовного права, они не применяются непосредственно на национальном уровне, а применяются опосредованно, через нормы национального права. Из этого следует, что деяние, введенное в национальное уголовное право как средство обеспечения международного обязательства, может быть декриминализовано только после выхода государства из международного договора или отказа от него в части, касающейся данно-

го преступления. Не соблюдение этой процедуры влечет возникновение противоречий между нормами национального и международного права и, соответственно, требует применения положений п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации о примате международного права⁶.

Наряду с этим не для всех преступлений применяется международная стандартизация. В этом нет необходимости. Любое цивилизованное государство рассматривает в качестве преступления убийство, кражу, грабеж, разбой и другие деяния, относящиеся к категории общеуголовных преступлений⁷. Сущность такого рода преступлений общая во всех государствах, различия могут заключаться в редакции нормы уголовного права, используемых при этом понятий, что обусловлено особенностями права того или иного государства. Как правило, международная стандартизация уголовно-правовых норм, и соответственно их имплементация, применяется в отношении деяний, имеющих международную распространенность: фальшивомонетничество, организованная преступность, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, международный терроризм, торговля людьми, коррупция и др.

Международная уголовно-правовая оценка данных деяний как преступлений в виде выработки единых стандартов, соответствующая унификация уголовно-правовых норм, имеет целью обеспечение действия принципа двойной криминализации, который заключается в том, что государства сотрудничают в борьбе с теми преступлениями, которые являются таковыми как в запрашивающем, так и в запрашиваемом государстве.

В отличие от международных уголовно-правовых международных уголовно-процессуальных стандарты не только имплементируются в национальное право, но и применяются непосредственно. Например, обращение в иностранное государство с запросом об оказании международной правовой помощи по уголовному делу является непосредственным применением нормы соответствующего международного договора. Данные стандарты международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства содержатся в ч. 5 УПК РФ «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства». Они применяются в том случае, когда имеется необходимость компетентным органам Российской Федерации вступать в отношения с соответствующими государственными органами иностранного государства в рамках расследования преступления отягощенного иностранным элементом, или в случае, когда компетентные органы иностранного государства

обращаются в компетентные органы Российской Федерации при аналогичной ситуации.

Важное значение имеет приемлемость международных стандартов борьбы с преступностью для российского права, а также завершенности их реализации на национальном уровне. Для решения этой проблемы в международном праве действует институт оговорки, который, как механизм обеспечения суверенитета, позволяет государству или не применять в национальном праве определенные нормы международного права, или применять их в соответствии со своим национальным правом. Институт оговорки применен, например, по Европейской конвенции о выдаче, дополнительного протокола и второго дополнительного к ней⁸. Применение оговорки позволяет изначально исключить конфликт международных и национальных норм права.

Так, например, для иностранных граждан, привлекаемых к уголовной ответственности, действуют определенные стандарты в области их прав и свобод. Эти стандарты установлены Венской конвенцией о консульских отношениях 1963 г. (Вена), а также консульскими конвенциями с отдельными иностранными государствами. В частности, международные стандарты включают право иностранного гражданина устанавливать контакты с должностными лицами консульства страны своего гражданства при избрании в отношении него меры пресечения, связанной с ограничением прав и свобод, право получения юридической помощи со стороны государства гражданства через этих же должностных лиц, при таких же обстоятельствах. Подобные права не предоставляются лицам без гражданства, которые, соответственно, не являются субъектами такого рода правоотношений, как это имеет место быть в международном частном праве (исключение составляет Европейская конвенция о передаче судопроизводства по уголовным делам 1972 г.). Умалчивается статус лица без гражданства, как участника уголовного судопроизводства, в качестве подозреваемого или обвиняемого, и в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации. Из этого следует, что лицо без гражданства, несмотря на то, что оно имеет постоянное место проживания в иностранном государстве либо каким иным образом имеет постоянную связь с ним, не обладает правами, которыми обладает подозреваемый или обвиняемый гражданин иностранного государства.

На международном уровне выработаны определенные стандарты выполнения отдельных следственных действий, например, проведения допроса. Однако и на национальном уровне рассматриваемое следственное действие проводится с учетом международных стандартов уголовно-процессуального характера. Это общие стандарты

в области прав и свобод человека, стандарты, действующие для иностранных граждан, лиц, в отношении которых применяются меры процессуального принуждения, и т. д., то есть те стандарты, которые, в соответствии с п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, признаны международным сообществом или закреплены в международных договорах, участницей которых является Россия⁹.

На национальном уровне это выражается в унификации определенных норм права, которая достигается посредством принятия международных уголовно-правовых и уголовно-процессуальных установлений и их имплементации в национальное законодательство. Вместе с тем, определение средств, форм и методов борьбы с преступностью является национальной (внутригосударственной) прерогативой и одной из составляющих государственного суверенитета. Таким образом, перед государством стоит задача допустимого, соответствующего его нормам права и внутригосударственным интересам положений международного права в области борьбы с преступностью, включая сферу уголовного судопроизводства.

Особый порядок реализации имеют международные правовые стандарты обеспечивающего уровня. Например, стандарты деятельности полиции. Это обусловлено рядом обстоятельств. Предназначение полиции – защита права человека и их восстановление при нарушении. Однако, применение властных полномочий по ограничению прав и свобод человека может сопровождаться нарушением прав и свобод человека. Кроме того, растущая потребность применения механизмов международного сотрудничества в борьбе с преступностью влечет необходимость определенной унификации деятельности полиции взаимодействующих государств. Такие тенденции особо выражены в деятельности государств Европы. Стандартизация в данном случае способствует формированию единообразных механизмов по защите прав и свобод человека, обеспечивает взаимопонимание при осуществлении сотрудничества между полицейскими органами сотрудничающих государств. В итоге это способствует совершенствованию правового регулирования деятельности полиции, приближая их к международным стандартам, повышает эффективность деятельности полиции и, соответственно, росту авторитета полиции.

⁹ Булыко А. Н. Большой словарь иностранных слов. 35 тысяч слов. Изд. 2-е, испр. М.: Мартин, 2008. С. 546. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альт-Принт, ООО издательство «ДОМ, XXI век». 2008. С. 1007.

² *Шишкин Р.В.* Организация профилактики преступлений, совершаемых иностранными гражданами. В сборнике «Возмещение вреда потерпевшему в уголовном судопроизводстве: организационные, правовые и криминалистические проблемы». Международная научно-практическая конференция. М., 2016. С. 369–372.

³ О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

⁴ *Лунеев В.В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Кливер, 2005. С. 125.

⁵ См. *Лукашук И. И., Наумов А.В.* Международное уголовное право: учеб. М.: Спарк, 1999. С. 5.

⁶ Конституция и государственная символика Российской Федерации. М.: Эксмо, 2012.

⁷ *Мартыненко Н. Э., Журавлев Р.А.* Обеспечение безопасности личности - главная задача современной уголовной политики // Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород. 2018. № 2. С. 225–232.

⁸ О ратификации Европейской конвенции о выдаче, дополнительного протокола и второго дополнительного к ней» Федеральном законе от 25 октября 1999 г. № 190-ФЗ // СЗ РФ. 1999. № 43. Ст. 5129.

⁹ Конституция Российской Федерации (Герб, гимн, флаг) СПб.: ООО «Виктория плюс», 2014.

Правовая основа защиты собственности органами внутренних дел

Я. Г. ИЩУК,
*старший преподаватель кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук*

В. Г. ИЩУК,
*преподаватель кафедры государственных и правовых дисциплин
Рязанского филиала Московского университета МВД России
им. В. Я. Кикотя*

Статья направлена на решение проблемы, связанной с наличием коллизии в правовом регулировании направления оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел в области охраны собственности.

Охрана собственности, органы внутренних дел, правовое регулирование.

Одним из сложных вопросов правового регулирования охраны собственности, а следовательно и организации эффективной деятельности, является разграничение компетенции органов государственной власти и управления. Компетенция того или иного органа государственного управления непосредственно связана с той функцией государства, в сфере реализации которой действует этот орган. Выработка «практической» компетенции любой управленческой структуры требует всестороннего учета объективных (а подчас и субъективных) факторов, оказывающих прямое или косвенное воздействие на процесс формирования компетенции, ее содержание и объем.

Конституцией РФ провозглашается, что в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (ч. 2 ст. 8), а меры по охране собственности осуществляет Правительство РФ (п. «е» ч. 1 ст. 114).

В ч.1 ст. 2 УК РФ одной из задач уголовного кодекса выделяется охрана собственности от преступных посягательств.

В Федеральном законе № 182-ФЗ от 23.06.2016 «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» в п.10 ст. 6 также указано, что одним из основных направлений профилактики правонарушений является обеспечение защиты и охраны частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности.

Федеральным законом от 03.07.2016 № 227-ФЗ были внесены изменения в ст. 2 Федерального закона «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ, в результате п. 10 указанной статьи был исключен.

Данный пункт определял в качестве одного из основных направлений деятельности полиции охрану имущества и объектов, в том числе на договорной основе.

Исключение п. 10 из ст. 2 ФЗ «О полиции» было вызвано созданием Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации и передачи ей части полномочий полиции, однако Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» в ст. 2 закрепил в качестве задач только охрану важных государственных объектов (п. 2) и охрану особо важных и режимных объектов (п. 8).

Таким образом, упраздненные функции полиции по охране имущества и объектов полностью выпали из системы обеспечения правоохранительной функции государства. Однако нормативные документы МВД все же указывают на то, что органы внутренних дел в своей деятельности реализуют охрану собственности.

Так, статус территориальных органов МВД России на районном уровне, в том числе отделов МВД России по районам, регулируется Типовым положением о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне, утвержденным приказом МВД России от 05.06.2017 № 355. В соответствии с пунктом 3 этого Положения территориальный орган создается в целях реализации возложенных на органы внутренних дел Российской Федерации задач по обеспечению защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, противодействию преступности, охране общественного порядка и собственности, обеспечению общественной безопасности на территории соответствующего муниципального образования.

Кроме того, Инструкция по организации планирования в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденная приказом МВД России от 26.09.2012 № 890 «Об организации планирования в органах внутренних дел Российской Федерации», в п. 20. указывает, что при разработке Плана основных организационных мероприятий МВД России, планов основных организационных мероприятий (планов работы) территориальных органов МВД России отражаются мероприятия правоохранительной направленности, в том числе по вопросам охраны собственности.

Министерство внутренних дел Российской Федерации, являясь одним из федеральных органов исполнительной власти, относится

к числу субъектов профилактики правонарушений согласно п. 1 ч. 1 ст. 5 указанного закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Министерство внутренних дел является головным органом, реализующим исполнительно-распорядительные полномочия, осуществляющим противодействие преступлениям в Российской Федерации, в том числе и против собственности.

Таким образом, правовая основа для обеспечения охраны собственности силами МВД России имеется, однако, следуя логике построения системы правовых актов, данное направление деятельности должно вытекать из положений, закрепленных в нормативных правовых актах более высокого уровня, однако в Федеральном законе «О полиции» данное полномочие было исключено.

Соответственно вопрос об охране собственности является актуальным и требует решения путем внесения изменений в ст. 2 Федерального закона «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ.

Для устранения обозначенной проблемы предлагается внести в Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» следующие изменения: п. 8 ч. 1 ст. 2 дополнить словами следующего содержания: «Осуществление охраны собственности».

О последних изменениях и дополнениях, внесенных в статьи 158, 159³, 159⁶ УК РФ

О.М. ИВАНОВА,
*старший следователь организационно-зональной группы
Следственного управления УМВД России по г. Чебоксары*

М.Г. ИВАНОВ,
*доцент,
начальник кафедры уголовного права
и судопроизводства «Чебоксарский кооперативный институт
(филиал) Российского университета кооперации»,
кандидат юридических наук*

В статье авторами вкратце проведен критический анализ внесенных законодателем изменений и дополнений Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ в статьи 158, 159³, 159⁶ УК РФ в части соответствия степени тяжести указанных общественно опасных деяний и наказания за их совершение.

Мошенничество, кража, последние изменения и дополнения, степень тяжести, санкции.

Федеральным законом от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» законодатель существенно видоизменил статьи 158, 159³, 159⁶ УК РФ. Так, части 3 статей 158 УК РФ «Кража» и 159⁶ УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации» расширились за счет добавления квалифицирующего признака «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» (пункты «г» и «в» соответственно).

Изучением уголовных дел о хищениях с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (п. «г» ч. 3 ст. 158, п. «в» ч. 3 ст. 159⁶ УК РФ) установлено, что размер причиненного вреда различен. Тем не менее, вне зависимости от суммы причиненного вреда законодатель определил, что указанные преступления по степени общественной опасности стоит отнести к тяжким преступлениям. На наш взгляд, это не совсем обдуманное решение. С точки зрения статистики это приведет к значительному необоснованному росту тяжких преступлений. В этой связи думается, что законодателю необходимо было разместить указанный квалифицирующий признак в частях вторых указанных статей. Тогда право-

применителем при квалификации указанных преступных деяний необходимо было: во-первых, установить наличие квалифицирующего признака «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств», во-вторых, размер вреда причиненного преступлением, а именно: значительный, крупный и особо крупный размер. Данный подход считаем справедливым.

Следующее, в чем хотелось бы разобраться: как же все-таки повлияли и повлияли ли вообще указанные нововведения в статьях 158, 159³, 159⁶ УК РФ на санкции в случае совершения указанных преступных деяний.

Итак, наказание за совершение кражи осталось без изменения. В статье 159³ УК РФ частично изменилась только санкция части 1 в сторону ужесточения – с «либо арестом на срок до четырех месяцев» до «либо лишением свободы на срок до трех лет». При сравнении санкций статей 158 и 159³ УК РФ обнаружена некая парадоксальная ситуация. Из представленной ниже таблицы № 1 наглядно видно, что в ч.ч. 1-3 ст. 159³ УК РФ наказание незначительно, но выше, чем в соответствующих частях ст. 158 УК РФ. Однако противоположная ситуация наблюдается в частях 4 указанных статей.

Таблица № 1

	Санкции статей 158, 159 ³ УК РФ		
	ст. 158 (по сравнению с предыдущей редакции санкции не изменились)	ст. 159 ³	ст. 159 ³ в предыдущей редакции
Часть 1	<i>штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев</i>	<i>не изменилась</i>	<i>штрафом в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года</i>
	<i>либо арестом на срок до четырех месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет</i>	<i>либо лишением свободы на срок до трех лет</i>	<i>либо арестом на срок до четырех месяцев</i>

	Санкции статей 158, 159 ³ УК РФ		
	ст. 158 (по сравнению с предыдущей редакцией санкции не изменились)	ст. 159 ³	ст. 159 ³ в предыдущей редакции
Часть 2	<i>штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев</i>	<i>не изменилась</i>	<i>штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет</i>
Часть 3	<i>либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до полутора лет или без такового</i>	<i>не изменилась</i>	<i>либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового</i>
Часть 4	<i>лишением свободы на срок до десяти лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового</i>	<i>не изменилась</i>	<i>лишением свободы на срок до десяти лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового</i>

В статье 159⁶ УК РФ наказание, предусмотренное за совершение мошенничества в сфере компьютерной информации и квалифицированных его видов, осталось без изменения и в частях 2 – 4 полностью соответствует наказаниям за совершение мошенничества с использованием платежных карт. Однако за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 159⁶ УК РФ, в сравнении с ч. 1 ст.ст. 158, 159³ УК РФ наказание в виде лишения свободы не предусмотрено, что возможно говорит о меньшей общественной опасности данного преступления по сравнению с указанными (см. таблицу № 2).

Таблица № 2

	Санкции статей 158, 159 ³ , 159 ⁶ УК РФ		
	ст. 158 (по сравнению с предыдущей редакцией санкции не изменились)	ст. 159 ³	ст. 159 ⁶ (по сравнению с предыдущей редакцией санкции не изменились)
Часть 1	<i>штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев</i>	<i>штрафом в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года</i>	<i>так же, как санкция ч. 1 ст. 159³ УК РФ</i>
	<i>либо арестом на срок до четырех месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет</i>	<i>либо лишением свободы на срок до трех лет</i>	<i>либо арестом на срок до четырех месяцев</i>
Часть 2	<i>штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев</i>	<i>штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет</i>	<i>так же, как санкция ч. 2 ст. 159³ УК РФ</i>
Часть 3	<i>либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до полутора лет или без такового</i>	<i>либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до двух лет или без такового</i>	<i>так же, как санкция ч. 3 ст. 159³ УК РФ</i>
Часть 4	<i>лишением свободы на срок до десяти лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового</i>	<i>лишением свободы на срок до десяти лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового</i>	<i>так же, как санкция ч. 4 ст. 159³ УК РФ</i>

Итак, выявленные нами попытки законодателя разграничить преступления, отраженные в исследуемых статьях по степени общественной опасности, привели к тому, что менее общественно опасным признано мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159⁶ УК РФ), далее в сторону ее незначительного увеличения расположилось мошенничество с использованием платежных карт (ст. 159³ УК РФ), а после кража (ст. 158 УК РФ).

Указанная триада преступлений очень сложна для разграничения правоприменителями. Данный факт подтвержден положениями постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»². Так, Верховный Суд РФ, давая указанное разъяснение, пытается разрешить следующую конкуренцию норм, установленную законодателем внесением соответствующих изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ:

1) статьями 159 и 158 УК РФ (п. 5); 2) статьями 159³ и 158 УК РФ (п. 17);

3) статьями 159⁶ и 272, 273, 274¹ УК РФ (п. 20); 4) статьями 159⁶ и 158 УК РФ (п. 21); 5) статьями 159 и 159⁶ УК РФ (п. 21).

Выше мы указали, что преступления, предусмотренные ст.ст. 158, 159³, 159⁶ УК РФ, лучше квалифицировать по степени общественной опасности в зависимости от суммы похищенного имущества. Таким образом, на наш взгляд, целесообразней дополнить главу 21 УК РФ «Преступления против собственности» новым преступлением «Хищение с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации».

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ // СЗ РФ. 2018. № 18.

² О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

Профилактика «противоправной» социопатии на примере Владимирской области

И. А. КУДРЯШОВА,

*инспектор по особым поручениям
отделения комплектования УРЛС
УМВД России по Владимирской области*

Актуальность проблемы социопатии и противоправного поведения в настоящее время обусловлена усложнившимися политическими, финансовыми, правовыми и межличностными отношениями в обществе. С целью снижения фактов противоправного поведения, повышения уровня жизни общества в Российском государстве развивают национальные проекты, такие как здравоохранение, образование, демография, культура.

Социопатии, противоправное поведение, профилактика.

Одной из детерминант социопатии является нарушение предписаний и норм, определенных социумом, повышенная агрессивность. Данные показатели прямо пропорционально влияют на вероятность проявления противоправного поведения, особенно при совершении правонарушений, преступлений в состоянии алкогольного, наркотического опьянения. С этой целью в РФ развиваются программы защиты населения от пагубного воздействия любого из видов опьянения, где причиной является социальная природа и связь с условиями жизни людей. По статистическим данным МВД 2019 г. каждое третье преступление совершается в состоянии алкогольного опьянения¹.

В последнем издании американского руководства по психическим расстройствам DSM-5 отмечается, что психопатия и социопатия являются синонимами диссоциального расстройства личности. Диссоциальное расстройство личности – это расстройство личности, которое характеризуется игнорированием социальных норм, импульсивностью, иногда в сочетании с агрессивностью и крайне ограниченной способностью формировать привязанности. В 1904 г. Эмиль Крепелин впервые изучил с помощью научной методологии типы личностей, сходные с диссоциальным расстройством личности².

Профессор психологии университета Британской Колумбии Роберт Д. Хаэр определяет основные эмоциональные и межличностные особенности социопата, а именно: болтливость и поверхностность, эгоцентричность, отсутствие чувства вины, отсутствие

эмпатии, склонность к манипуляциям, поверхностность эмоций. Особенности социального поведения являются импульсивность, слабый поведенческий контроль, потребность испытывать возбуждение, безответственность, проблемное поведение в детстве. Все эти особенности необходимо учитывать сотрудникам органов внутренних дел при общении с населением и при осуществлении надзорных функций над лицами, стоящими на профилактических учетах³.

Раннее детство определяет причины социопатии. Так как через родительское воспитание закладываются знания, умения, поведенческие реакции. И с первых моментов жизни именно родители обучают детей выстраивать социальные отношения. Кроме того, выделяют генетическую социопатию, которая наступает вследствие нарушения формирования гена на этапе эмбрионального развития. В детстве расстройство проявляется жестоким отношением к животным, слабым детям, даже родным братьям и сестрам. Ребенок неуправляем, не признает авторитетов, отказывается придерживаться правил, принятых в семье и школе, соблюдать режим. В подростковом возрасте определить болезнь нелегко, поскольку в этот период многим присущи бунтарство, неповиновение, неподчинение правилам, но часто подростки с психическим расстройством совершают преступления, начинают употреблять наркотики, ведут беспорядочную половую жизнь. У взрослых социопатия, симптомы которой становятся явными, проявляется в полную силу.

Известный итальянский психиатр и криминалист Чезаре Ломброзо, основоположник антропологического направления в криминологии, указывал на наличие тесной статистически обоснованной связи между алкоголизмом и противоправным поведением. Анализируя данные, он пришел к выводу, что влияние алкоголя сильнее всего отражается на преступлениях против личности (побои, причинение увечий, изнасилования) и против собственности (воровство и разбой), но в первого рода деяниях оно выражается резче. В Швеции три четверти всех посягательств приходилось на долю алкоголизма. Последователь Ч. Ломброзо, итальянский криминолог Энрико Ферри подчеркивал значение вопроса о воздействии острого и хронического алкоголизма на увеличение преступности. Он доказывал корреляцию между изменением числа убийств, умышленного нанесения ран и ежегодным производством вина во Франции, особенно заметную в годы колебаний урожайности. Наблюдая рост числа кровавых деяний в месяцы, ближайшие к сбору винограда, он установил связь между пьянством и общественной патологией⁴.

Указанные выводы подтверждаются и современными исследованиями. Так, по мнению Н. И. Сазоновой, самой высокой кримино-

генной активностью отличаются больные второй стадии развития зависимости от алкоголя, при которой они чаще совершают наиболее агрессивные правонарушения с причинением вреда здоровью, вплоть до убийства, акты хулиганства, сексуального насилия. Среди всех обследуемых лиц, страдающих алкоголизмом, по мере развития заболевания отмечался рост противоправной активности⁵.

В РФ в настоящее время оказание помощи в лечении алкогольной, наркотических зависимостей осуществляется в специализированных реабилитационных центрах, где можно получить психотерапевтическую поддержку и медикаментозную коррекцию. Также проводится работа с родственниками по коррекции внутрисемейных отношений и предотвращению созависимости. Также следует посещать постреабилитационные группы, в которых учат контролировать свое поведение даже в стрессовых ситуациях.

Так, по данным УМВД России по Владимирской области, за 1 полугодие 2019 г. на территории Владимирской области совершено 1 702 преступления лицами, находящимися в состоянии опьянения (2018 г. – 1 978, снижение на 14 %). По итогам 2018 г. – 3 860, снижение на 7,1 % (2017 г. – 4 154, снижение на 14 %). Также в текущем году уменьшилось количество бытовых преступлений, совершенных лицами в состоянии опьянения на 2,6 % (с 352 до 343), количество лиц, ранее их совершавших, уменьшилось на 11 % (с 1 224 до 1 093). В рамках взаимодействия с наркологическими диспансерами и наркологическими кабинетами сотрудниками полиции совместно с врачами-наркологами осуществляется профилактическая работа с подростками и родителями, состоящими на учетах в ПДН, с целью проведения консультаций и индивидуальных бесед о вреде алкоголизма и наркомании.

Мероприятия по профилактике алкоголизма, наркомании и токсикомании среди несовершеннолетних и молодежи проводятся специалистами психолого-социальной лаборатории ГБУЗ ВО «ОНД» на базе Центра профилактики, в образовательных организациях области, а также в летних оздоровительных лагерях для детей и подростков, клубах по месту жительства. В рамках Государственной программы Владимирской области «Обеспечение безопасности населения и территорий во Владимирской области» ГБУЗ ВО «ОНД» ежегодно разрабатывает и издает методическую литературу, в том числе раздаточный материал (буклеты) информационного характера («Как эффективно говорить с ребенком о вредных привычках», «Ответственное родительство как условие обеспечения безопасности детей», «Как эффективно говорить с ребенком о вредных привычках», «Ответственность родителей. Факторы риска

формирования зависимого поведения» и др.), который используется в рамках лекционной работы в образовательных организациях области и межведомственных профилактических мероприятий.

Исходя из вышеизложенного, развитие социопатии в первую очередь зависит от социального окружения, родителей, негативного воздействия социальных факторов в процессе социализации личности, а также обусловлено наличием биологических предпосылок к развитию негативных черт, а аддиктивное развитие личности в свою очередь влечет рост противоправных деяний. В связи с этим профилактику развития социопатий и противоправного поведения следует начинать с мониторинга неблагополучных семей и проведения с ними профилактических мероприятий.

¹ <https://мвд.рф/>.

² Клиническая психология: учебник. 3-е изд. / под ред. Б. Д. Карвасарского. СПб.: Питер, 2007.

³ См. к примеру: *Ищук Я. Г.* Значение мотива и мотивации «криминальной личности» для оперативно-розыскной профилактики преступлений. В сборнике: Актуальные вопросы совершенствования деятельности служб и подразделений полиции в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 100–105. *Ищук Я. Г.* Личность как объект оперативно-розыскной профилактики преступлений // Оперативник (ссылик). 2017. Т. 53. № 4. С. 33–38.

⁴ *Ломброзо Ч.* Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты / сост. В. С. Овчинский. М.: ИНФРА-М, 2004.

⁵ *Скифский И. С.* Насильственная преступность в современной России: объяснение и прогнозирование. Тюмень: Вектор Бук, 2007.

Состояние уголовно-правовой защищенности потерпевшего

Н. Э. МАРТЫНЕНКО,
*профессор кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, профессор*

В статье раскрыто современное состояние уголовно-правовой защищенности потерпевшего от преступления, которая включает в себя дифференцированную охрану потерпевшего в зависимости от социально-демографических признаков, от отношения между потерпевшим и виновным, от процессуального статуса и некоторых других характеристик, и сделан вывод о том, что уголовно-правовая защищенность потерпевшего нуждается в совершенствовании

Уголовно-правовая защищенность, потерпевший, уголовно-правовые средства, состояние защищенности.

В Конституции Российской Федерации закреплено положение о том, что права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52). Предоставляя потерпевшему право на охрану его прав, государство берет на себя обязанность охранять потерпевшего. Одной из гарантий реализации права потерпевшего на охрану является уголовное законодательство, которое, в соответствии со ст. 2, имеет одной из задач охрану прав и свобод человека и гражданина.

Говоря об уголовно-правовой защищенности потерпевшего, хотелось бы напомнить, что речь идет о потерпевшем – физическом лице. Однако в 2001 г. в уголовно-процессуальном законодательстве было закреплено положение о том, что потерпевшим является не только физическое, но и юридическое лицо (ст. 42 УПК РФ). Отсутствие в УК РФ положения об охране прав юридических лиц, ставших потерпевшими, позволяет говорить о том, что этим правам еще не придан уголовно-правовой статус, поэтому мы будем рассматривать состояние уголовно-правовой защищенности только физических лиц.

Уголовно-правовая защищенность представляет собой обеспеченность нормами уголовным законом необходимого уровня и/или качества защиты прав потерпевшего.

Состояние уголовно-правовой защищенности потерпевшего есть совокупность параметров, характеризующих эффективность ее функционирования. Следовательно, под состоянием уголовно-правовой защищенности потерпевшего понимается деятельность государства по формированию системы уголовно-правовых норм, направленных на эффективную охрану потерпевшего. Иными словами, состояние уголовно-правовой защищенности потерпевшего отвечает на вопрос: насколько эффективно законодатель формирует систему уголовно-правовых норм, позволяющих в последующем правоприменителю обеспечить должную защиту потерпевшего от преступления. Ведь если на уровне законодателя система уголовно-правовых норм будет сформирована не оптимально, то на этапе правоприменения сразу возникнут препятствия в виде недостаточной квалификации правоприменителя, либо коррупционного поведения заинтересованных лиц, и даже всем понятная психологическая неготовность потерпевшего довериться сотрудникам правоохранительных органов.

Пределы выбора средств уголовно-правовой охраны потерпевшего должны ограничиваться, с одной стороны, целесообразностью, гуманностью, справедливостью и эффективностью, с другой – социальной необходимостью их применения. Представляется, что главным должно быть выражение социальной справедливости, поскольку справедливость дает осознание физической и духовной безопасности¹.

Прежде всего, представляется необходимым, сгруппировать уголовно-правовые меры, направленные на охрану потерпевшего. Целью такой классификации является разделение на группы, каждая из которых обладает некоторыми специфическими свойствами. Классификация уголовно-правовых мер как прием научного исследования подчиняется строгим требованиям: она должна, в частности, охватывать весь спектр уголовно-правовых мер, которые могут быть использованы как средства охраны потерпевших; облегчить практическое применение уголовно-правовых мер; создавать теоретическую основу совершенствования методики их проведения. Максимальное удовлетворение этих требований возможно при построении классификационных систем, основанных на различных критериях. Предлагается следующая классификация уголовно-правовых мер, направленных на охрану потерпевших:

1. В зависимости от цели:

1) *уголовно-правовые меры, направленные на предупреждение посягательств на потерпевших*: пропаганда уголовного закона, официальное предостережение потенциальных правонаруши-

телей, побуждение правонарушителей к добровольному отказу от завершения начатой преступной деятельности; установление административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы;

2) *уголовно-правовые меры, направленные на пресечение преступных воздействий на потерпевших*: необходимая оборона, привлечение к ответственности за приготовление или покушение на преступление;

3) *уголовно-правовые меры, направленные на обеспечение безопасности потерпевших*: разрешение гражданам приобретать, хранить, использовать для обеспечения своей безопасности оружие и индивидуальные средства защиты;

4) *уголовно-правовые меры, направленные на возмещение потерпевшему причиненного вреда*: конфискация имущества, побуждение правонарушителей к деятельному раскаянию, примирение с потерпевшим; досудебное соглашение о сотрудничестве.

Уголовный закон подходит к охране потерпевших дифференцировано. В зависимости от того, какой признак потерпевшего законодатель берет под уголовно-правовую охрану, потерпевших можно классифицировать по следующим основаниям:

1. По социально-демографическим признакам:

1.1. *Возраст*. Возраст имеет значение только по отношению к несовершеннолетним. При достижении лицом возраста 18 лет. Возрастные признаки потерпевшего влияют на квалификацию преступления либо являются обстоятельством, отягчающим наказание (п. «з» ч.1 ст. 63 УК РФ). При этом возраст указывается в диспозициях статьей по-разному:

а) несовершеннолетние п. «в» ч. 2 ст. 105; «г» ч. 2 ст. 117; ч. 2 ст. 121; ч. 3 ст. 122; п. «а» ч. 3 ст. 131; п. «а» ч. 3 ст. 132; ч. 2 ст. 133, ст. 134, ст. 135; ст. 150; ст. 151; ст.151-1; ст. 154; ст. 156; ст. 157; ч. 2 ст. 202; п. «д» ч. 2 ст. 206 УК РФ; п. «в» ч. 3 ст. 228-1; п. «а» ч. 3 ст. 230; ч. 3 ст. 240; п. «в» ч. 2 ст. 241; ч. 2 ст. 242; ч. 1 ст. 242-1; ч. 1 ст. 242-2; ч. 2 ст.359 УК РФ.

б) малолетние (не достигшее четырнадцати или шестнадцати лет) – п. «в» ч. 2 ст. 105; п. «б» ч. 2 ст. 111; п. «в» ч. 2 ст. 112; п. «б» ч. 4 ст. 131; п. «б» ч. 4 ст. 131; п. «б» ч. 4 ст. 132; ст. 134; ст. 135; ч. 3 ст. 241; п. «а» ч. 2 ст. 242-1; п. «в» ч. 2 ст. 242-1 УК РФ.

в) новорожденные (ст. 106 УК РФ);

в) лица, не достигшие 16 лет (ст. 134 УК РФ).

1.2. *Пол*. В УК РФ гендерные признаки имеют значение в половых преступлениях, при причинении вреда здоровью женщине, находящейся в состоянии беременности. Гендерные при-

знаки потерпевшего влияют на квалификацию преступления либо являются обстоятельством, отягчающим наказание (п. «з» ч.1 ст. 63 УК РФ):

а) женщина (п. «г» ч. 2 ст. 105; п. «в» ч. 2 ст. 117, ст. 123, 136, 131, 145, п. «е» ч. 2 ст. 206; ст. 282 УК РФ);

б) мужчина (ст. 132, 136, 282 УК РФ).

1.3. Гражданство. Российская Федерация в связи с взятыми на себя международными обязательствами² установила уголовную ответственность за нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой:

а) представитель иностранного государства (ч. 1 ст.360 УК РФ);

б) лицо, пользующееся международной защитой (ч.1 ст. 360 УК РФ).

2. По отношению между потерпевшим и виновным:

2.1. Родственные отношения. Для большинства составов преступлений родственные отношения между потерпевшим и лицом, совершившим преступление, значения не имеют. Но есть преступления, где эти отношения являются криминообразующим признаком преступления:

а) совершеннолетние дети (ч.2 ст.157 УК РФ)

б) родители (ч. 2 ст. 150; ч. 2 ст. 151 ст. 156 УК РФ).

2.2. Иные отношения:

а) материальная или иная зависимость потерпевшего от виновного (п. «г» ч. 2 ст. 117; ч. 2 ст. 120 п. «з» ч.2 ст. 127-1; ч. 1 ст.133 УК РФ).

3. По профессии. Далеко не всегда, принадлежность потерпевшего к определенной профессии имеет значение для квалификации преступления. Однако некоторая профессиональная деятельность (в большинстве случаев правоохранительная) охраняется уголовно-правовыми средствами:

а) журналист (ст. 144 УК РФ);

б) судья (ст. 295, 296, 305, 317-320 УК РФ);

в) сотрудник правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ);

г) прокурор (ч. 2 ст. 294, ст. 295, ч. 2 ст. 296, ч. 2 ст. 298-1 УК РФ);

д) следователь, лицо, производящее дознание ч. 2 ст. 29, ст. 295, ч. 2 ст. 296, ч. 2 ст. 298-1 УК РФ);

в) военнослужащий (ст. 317, глава 33 УК РФ).

г) сотрудник места лишения свободы (ч. 2 ст. 321 УК РФ);

д) индивидуальный предприниматель (ст. 169 УК РФ);

е) работник (ст. 145 УК РФ);

ж) лицо, осуществляющее таможенный или пограничный контроль (п. «в» ч. 2 ст. 226-1, п. «б» ч. 4 ст. 229-1 УК РФ);

з) государственная или иная политическая деятельность (ст. 277 УК РФ);

4. По процессуальному статусу:

а) лицо, осуществляющее правосудие (ст. 295, 296 УК РФ);

б) судья (ст. 305, 317-320 УК РФ);

в) участник судебного разбирательства (ст. 297, 298 УК РФ);

г) участник уголовного процесса (ст. 311 УК РФ);

д) осужденный (ч.1 ст. 321 УК РФ);

е) судья, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, защитника, эксперт, специалист, судебный пристав, судебный исполнитель, присяжный заседатель (ст. 295, 298, ч. 1 ст. 296, ст. 297, 298, 302, 309, 311 УК РФ);

ж) подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель, эксперт, специалист (ст. 302 УК РФ).

5. По отношению к выполнению служебной деятельности или общественного долга:

а) служебная деятельность или общественный долг (п. «б» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 2 ст. 112, ст. 117, 320, 321 УК РФ);

б) представитель власти или исполнение обязанностей по охране общественного порядка или пресечение нарушения общественного порядка (п. «б» ч. 2 ст. 213 УК РФ);

в) исполнение должностных обязанностей представителем власти (ст. 318, 319 УК РФ);

г) функции должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческих или иных организациях (ст. 304 УК РФ).

д) осуществление служебной деятельности сотрудником мест лишения свободы (ч. 2 ст. 321 УК РФ);

6. По состоянию потерпевшего:

а) беспомощное (п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112, п. «г» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 120, ст. 125, п. «з» ч. 2 ст. 127-1, ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 132 УК РФ);

б) болезненное (ст. 125 УК РФ);

в) психическое расстройство (ст. 111 УК РФ);

г) старость (ст. 125 УК РФ);

д) недееспособность (ч. 2 ст. 202 УК РФ).

7. По виду потерпевшего:

а) физическое лиц (раздел 7 УК РФ);

б) юридическое лицо (раздел 8 УК РФ).

8. По количеству потерпевших:

а) одно лицо (ч.1 ст. 105 УК РФ);

б) два и более лица (п. «а» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 107, п. «б» ч. 3 ст. 111, п. «а» ч. 2 ст. 112, п. «а» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 121, ч. 3 ст. 122, п. «ж» ч. 2 ст. 126, п. «ж» ч. 2 ст. 127, п. «а» ч. 2 ст. 127-1, п. «а» ч. 2 ст. 127-2, ч. 4 ст. 134, ч. 3 ст. 135, п. «ж» ч. 2 ст. 126, ч. 3 ст. 215, ч. 3 ст. 216, ч. 3 ст. 217, ч. 3 ст. 217-1, ч. 3 ст. 219, ч. 3 ст. 220, п. «в» ч. 2 ст. 230, ч. 3 ст. 238, п. «а» ч. 2 ст. 242-2, ч. 3 ст. 263, ч. 3 ст. 263-1, ч. 5, 6 ст. 264, ч. 3 ст. 266, ч. 3 ст. 267, ч. 3 ст. 268, ч. 3 ст. 269, ч. 2 ст. 271-1, ч. 3 ст. 293, п. «б» ч. 2 ст. 335, ч. 3 ст. 339 УК РФ);

в) этническая, расовая или религиозная группа (ст. 357 УК РФ).

9. По виду причиненного вреда:

а) психический (ст. 111; ч. 1 ст. 116, ч. 1, ч. 2 ст. 117 УК РФ);

б) физический (ст. 111, 112, 115, ч. 1 ст. 116, ч. 1 ст. 117 УК РФ);

в) моральный (любое преступление, где есть потерпевший, в том числе при покушении на преступление)³;

г) имущественный (например, преступления против собственности);

д) вреда деловой репутации (в случае, если потерпевшим является юридическое лицо).

10. По поведению потерпевшего:

а) положительное;

б) отрицательное (ст. 107; 113 УК РФ).

11. По иным основаниям:

– лицо, проживающее в жилище (ст. 139 РФ);

– усыновитель (ст. 155 УК РФ);

– владелец сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ч. 2 ст. 183 УК РФ);

– кредитор (ст. 195 УК РФ);

– потребитель (ст. 238 УК РФ).

В заключении необходимо отметить, что уголовно-правовая защищенность потерпевшего нуждается в совершенствовании в части:

- уточнения задач УК РФ и включения в них уголовно-правовой охраны потерпевшего;

- уточнения принципа равенства граждан перед законом и дополнения частью второй статьи 4 УК РФ, касающейся в такой же мере и потерпевших;

- дополнения УК РФ путем включения в него нормы, содержащей понятие «потерпевший», для того, что обеспечить его уголовно-правовую охрану с момента совершения преступления; взятия под уголовно-правовую охрану законных интере-

сов потерпевшего; изменения правил назначения штрафа, с тем чтобы одна его часть перечислялась в доход государства, а две других – передавались потерпевшему в счет возмещения причиненного вреда;

¹ Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973. С. 83.

² См.: Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе, дипломатических агентов от 14.12.1973 г. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 33. М., 1979. С. 90.

³ О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 №17.

Влияние научных исследований по проблемам конфискации как иной мера уголовно-правового характера на законодательные изменения института конфискации в Уголовном кодексе Российской Федерации

Э. В. МАРТЫНЕНКО,
*доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Международного юридического института
(Одинцовский филиал),
кандидат юридических наук*

В статье говорится о том, что конфискация является сильным средством в борьбе с преступностью, что доказывает предшествующая отечественная практика, однако с момента включения ее в УК РФ применение конфискации резко упало. Предложения научного сообщества об изменении редакции ст. 104-1 УК РФ о возвращении конфискации в качестве дополнительного наказания не находят отклика у законодателя. В этой связи научные исследования конфискации как иной меры уголовно-правового характера сходят на нет.

Конфискация имущества, иные меры уголовно-правового характера, научные исследования, судебная практика.

Борьба с преступностью заключается в осуществлении системы мер уголовно-правового, криминологического, воспитательного и другого воздействия. История уголовного права показывает, что со временем меняются не только круг деяний, которые включаются в число преступных, меняются также методы уголовно-правового воздействия – расширяется перечень видов наказаний, применяемых за совершение преступлений, меняется содержание ранее известных мер, вырабатываются иные меры, не являющиеся наказанием, но представляющие собой правовое последствие совершения преступления. Это относится к хорошо известной мере уголовно-правового воздействия – конфискации имущества.

На протяжении многих десятилетий конфискация имущества в России была предусмотрена в Уголовном кодексе как вид дополнительного наказания. Возможности ее применения были достаточно широкими. В УК РСФСР 1960 г. она предусматривалась в 53 составах преступлений, что составляло 71 % от общего числа санкций, содержавших предписания о назна-

чении дополнительных наказаний. В УК РФ 1996 г. сфера применения конфискации имущества значительно сократилась. В момент принятия этого кодекса она была предусмотрена по 45 составам преступлений, что составляло уже 30 %.

Однако Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 169-ФЗ конфискация имущества как вид наказания была исключена из УК РФ. Это уже не первое исключение данного вида наказания из уголовного законодательства. За все время своего существования конфискация трижды исключалась из уголовного законодательства и трижды восстанавливалась, что всегда вызывало неоднозначную реакцию и делило общество на два непримиримых лагеря – сторонников и противников отмены конфискации имущества. Авторы, выступавшие против исключения конфискации, всегда жестко критиковали законодателя.

Конфискация имущества, но уже как иная мера уголовно-правового характера была введена в Уголовный кодекс РФ 27 июля 2006 г. Федеральным законом № 153-ФЗ.

Как показало изучение уголовных дел и статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ, правоприменительная практика, несмотря на более чем десятилетний срок ее применения, по-прежнему воспринимает конфискацию имущества только как уголовно-процессуальную конфискацию вещественных доказательств в порядке ст. 81 УПК РФ. В разделе 3 «Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел» есть пункт «Применение мер процессуального характера в виде конфискации имущества (ст. 104-1 УК РФ)»¹. В 2007 г. конфискация применялась по России по 73 приговорам, в 2008 г. – по 511 приговорам. За последние пять лет применение конфискации несколько возросло. Так, в 2014 г. конфискация применялась по России по 1 372 приговорам, 2015 г. – 2 175, 2016 г. – 2 499, 2017 г. – 2 320, 2018 г. – 2 755 приговорам соответственно. Однако по-прежнему суды выносят решение о конфискации только орудий и средств совершения преступления.

Если рассматривать конфискацию применительно к преступлениям, перечисленным в п. «а» ч. 1 ст. 104 УК РФ, то это составляет примерно 0,001 % от числа зарегистрированных ежегодно преступлений. Такое положение нельзя признать нормальным. Конфискация имущества – сильное средство в борьбе с преступностью, что доказывает как предшествующая отечественная практика, так и зарубежное законодательство.

Неприменение (или недостаточное применение) конфискации как иной меры уголовно-правового характера прежде всего связано

со сложностью законодательного закрепления данного уголовно-правового института. В подтверждение тому можно привести постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве»².

Предложения об изменении нормы о конфискации (ст. 104-1 УК РФ) не раз высказывались представителями научного сообщества.

За более чем десятилетний срок ее существования положения о конфискации не раз подвергались научному осмыслению как на уровне диссертационных исследований³, так в иных научных публикациях. Особый интерес к изучению проблем законодательного установления и применения конфискации приходится на 2010–2011 гг. И это вполне закономерно, так как введение любой новой нормы или уголовно-правового института всегда требует ее (его) научного осмысления, поиска проблем законодательного установления и правоприменения и разработки предложений, направленных на их разрешение. По годам количество диссертационных исследований по проблемам конфискации имущества распределилось следующим образом: 2008 – 1, 2010 г. – 5, 2011 – 2, 2013-1. В последующие годы интерес к изучению конфискации как иной меры уголовно-правового характера «исчез». Представляется, что в первую очередь это связано с неприменением некоторых ее видов на практике, а теория вопроса уже не плохо разработана.

В частности, в проведенных диссертационных исследованиях авторы предложили:

- определение конфискации имущества, как иной меры уголовно-правового характера (В. Б. Абраменко, А. Н. Малышев, Э. В. Мартыненко, С. Ю. Самойлова, Р. А. Хачак);
- признаки конфискации (Р. А. Хачак);
- исключения из УК РФ списка конфискационных преступлений (Э. В. Мартыненко);
- отграничение конфискации от иных мер уголовно-правового характера (А. Н. Малышев, Э. В. Мартыненко);
- возратить конфискацию как вида наказания в УК РФ (В. Б. Абраменко, О. В. Курлаева, А. Н. Малышев, Э. В. Мартыненко, С. Ю. Самойлова);
- количественные параметры конфискации (А. Н. Малышев);
- виды конфискации (Н. Э. Мартыненко, Д. В. Толков);
- использование опыта зарубежных стран при внесении изменений в ст. 104-1 УК РФ (С. Ю. Самойлова);
- расширить перечень предметов конфискации (С. Ю. Самойлова, О. В. Курлаева);

- основания назначения (Э. В. Мартыненко);
- цели конфискации (Э. В. Мартыненко, Р. А. Хачак).

В большинстве диссертационных исследований также содержатся предложения по изменению редакции действующей ст. 104-1 УК РФ.

В большинстве диссертационных исследований содержится предложение о возвращении в УК РФ конфискации как вида дополнительного наказания, связав это предложение с необходимостью решения задачи предупреждения преступлений, закрепленной в ст. 2 УК РФ.

Однако высказанное предложение не нашло у законодателя поддержки. Еще десять лет назад тогдашний сотрудник Государственно-правового управления Президента Российской Федерации В. И. Михайлов объяснял исключение конфискации как вида дополнительного тем, что непродуманное изъятие государственных активов, которые вложены в инвестиционные программы по развитию регионов или отраслей экономики или иное перераспределение собственности, имеет сомнительную практическую значимость в качестве меры борьбы с преступностью⁴.

Также не нашло понимания у законодателя предложение об исключении перечня конфискационных преступлений, так как отсутствует какой-либо единый критерий отнесения преступлений к числу конфискационных, и некоторые преступления против собственности в этот перечень не вошли. Кроме того, включение в УК РФ новых статей каждый раз требует решения вопроса о том, не требуется ли дополнить этой статьей перечень конфискационных преступлений. Достаточно сказать, что за время существования в уголовном законе ст. 104-1 УК РФ перечень конфискационных преступлений дополнялся 18 раз.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что невнимание законодателя к предложениям научного сообщества об изменении редакции ст. 104-1 УК РФ, о возвращении конфискации в качестве дополнительного наказания сводят на нет научные исследования конфискации как иной меры уголовно-правового характера.

¹ См.: Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел (форма 1. раздел 3) за 2007, 2008, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018 гг.: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 8.

³ *Абраменко В. Б.* Конфискация имущества как средство предупреждения преступлений в сфере экономической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 191 с.; *Борчен-*

ко Д.Ю. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера: понятие, природа, социальное предназначение и порядок применения: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. 199 с.; Курлаева О.В. Конфискация имущества как мера государственного принуждения: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2013. 170 с.; Мальшев А.Н. Конфискация имущества в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 191 с.; Мартыненко Э.В. Конфискация имущества в действующем российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 239 с.; Пропостин А.А. Конфискация имущества как мера борьбы с преступностью: прошлое, настоящее, будущее: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. 240 с.; Самойлова С.Ю. Конфискация имущества в российском уголовном законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011. 197 с.; Толков Д.В. Конфискация имущества как институт уголовного права: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010. 196 с.; Хачак Р.А. Конфискация имущества: исторические, сравнительно-правовые и уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 218 с.

⁴ Михайлов В.И. Конфискация имущества. Энциклопедия уголовного права. Т. 12. СПб.: Издание профессора Малинина: СПб. ГКА, 2009. С. 328.

Национальный план противодействия коррупции на 2018–2020 годы и действующее уголовное законодательство

И. Б. МАЛИНОВСКИЙ,

*доцент, исполняющий обязанности заведующего кафедрой
уголовного права государственного университета «Дубна»,
кандидат юридических наук*

В статье рассматриваются вопросы об использовании уголовно-правовых средств в области реализации антикоррупционной политики в современных условиях.

Антикоррупционная политика, уголовно-правовые средства противодействия коррупции, коррупционное преступление.

В свете осуществляемого в Российской Федерации построения развитого демократического общества и государства, особую значимость и актуальность приобретает эффективная деятельность существующего аппарата власти и управления. Значимость правовых средств при этом заключается не только в детальной регламентации функционирования вышеуказанных структур в соответствии с интересами личности, общества и государства, но и в возможности эффективного предупреждения и пресечения правовыми средствами возможных злоупотреблений или халатного отношения к своим служебным обязанностям со стороны лиц, осуществляющих законодательную, судебную или управленческую деятельность.

Обеспечение эффективного противодействия коррупции во всех сферах жизни общества и функционирования государства выступает в качестве одного из приоритетных направлений данной деятельности¹. Это обусловлено масштабами и особым негативным влиянием данного социально-правового явления на нормальное функционирование общества и государства, а также на осуществляемые в Российской Федерации социально-экономические и политические преобразования. Особенное значение данная деятельность приобретает в современных условиях, в период существенного обострения экономических и политических противоречий в мире.

Учитывая, что коррупция обладает свойством, при отсутствии постоянного и эффективного противодействия, расширяться и мимикрировать, можно сделать обоснованный вывод о том, что антикоррупционная функция государства выступает в настоя-

щее время как одно из направлений реализации его базовых задач². В процессе решения данной задачи речь идет как о создании механизмов, позволяющих уменьшить масштабы коррупции в краткосрочном (тактическом) плане, так и о выработке и проведении долгосрочной (стратегической) линии по повсеместному ограничению и вытеснению коррупции в обществе и государстве.

В связи с тем, что данная деятельность в первую очередь должна осуществляться специально на то уполномоченными органами государства, то ее можно обозначить как антикоррупционную политику государства.

Современную политику России в сфере противодействия коррупции можно охарактеризовать следующим образом: это система политико-правовых отношений, юридических норм, идей, взглядов, реализующихся в принципах, направлениях, формах и способах деятельности ее субъектов по противодействию коррупции в сфере осуществления государственной и муниципальной власти, а также корпоративных интересов³.

По своему содержанию антикоррупционная политика представляет собой разработку и осуществление разносторонних и последовательных мер государства и общества по пресечению и предупреждению коррупционных правонарушений, устранению (минимизации) причин и условий, порождающих и питающих коррупцию в различных сферах общественной и государственной жизни, формирование у населения устойчивых антикоррупционных установок⁴.

Целью антикоррупционной политики является существенное снижение уровня коррупции и обеспечение действенной защиты прав и законных интересов граждан, общества и государства от угроз, связанных с коррупцией.

Достижение данной цели обеспечивается не только путем обеспечения неотвратимости ответственности за коррупционные правонарушения во всех случаях, прямо предусмотренных соответствующими нормативными правовыми актами, но и выявление причин и условий, способствующих появлению и росту коррупции для их устранения, а также максимально возможного возмещения вреда, причиненного коррупционными правонарушениями.

Правовой основой деятельности по противодействию коррупции выступают принятый 25 декабря 2008 г. Федеральный закон «О противодействии коррупции» и Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года

и принятием Федерального закона "О противодействии коррупции"» от 25 декабря 2008 г. № 280-ФЗ, а также принятые, во исполнение и дальнейшего развития положений данного закона, ряд федеральных законов и подзаконных нормативных актов.

Особое значение среди подзаконных нормативно-правовых актов, определяющих содержание антикоррупционной политики РФ, имеет «Национальный план противодействия коррупции», принимаемый посредством Указа Президента РФ на двухлетний период. Именно в нем находят свое закрепление конкретные задачи, подлежащие решению в течение указанного периода, способствующие повышению эффективности деятельности по противодействию коррупции, определяются необходимые средства и способы воздействия и устанавливаются ответственные за их решение структуры. В настоящее время действует «Национальный план противодействия коррупции на 2018–2020 годы», который был утвержден Указом Президента РФ № 378 от 29 июня 2018 г.

Учитывая, что коррупция – явление социально-правовое, основными средствами, используемыми в процессе решения данных задач, выступают меры правового регулирования, посредством которых и устанавливается система запретов, ограничений и требований к лицам, осуществляющим государственно-властные и управленческие функции. Значимую роль при этом играют меры уголовно-правового воздействия, посредством которых осуществляется воздействие на наиболее общественно опасные проявления коррупции.

Закономерным является вопрос о том, насколько действующее уголовное законодательство соответствует потребностям данной деятельности в свете осуществляемых социальных и экономических преобразований и какие изменения в этой связи необходимы.

В «Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» сформулированы следующие задачи, имеющие непосредственное отношение к уголовному законодательству РФ:

- 1) совершенствование системы запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции;
- 2) систематизация и актуализация нормативно-правовой базы по вопросам противодействия коррупции, устранение пробелов и противоречий в правовом регулировании в области противодействия коррупции⁵.

Когда речь идет о совершенствовании системы запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции, то следует отметить следующие моменты, подлежащие разрешению:

– осуществление совершенствования мер ответственности в отношении лиц, замещающих в порядке назначения государственные должности Российской Федерации и государственные должности субъектов Российской Федерации, за несоблюдение запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции;

– разработка предложений по внесению в законодательство Российской Федерации изменений, предусматривающих случаи, когда несоблюдение запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции, вследствие обстоятельств непреодолимой силы не является правонарушением.

В области систематизации и актуализации нормативно-правовой базы по вопросам противодействия коррупции, устранения пробелов и противоречий в правовом регулировании в области противодействия коррупции следует отметить следующие моменты:

– подготовка проекта федерального закона, предусматривающего включение лиц, выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в хозяйственных обществах, долями в уставном капитале которых прямо или косвенно (через одно или несколько юридических лиц) владеет Российская Федерация или субъект Российской Федерации, в перечень должностных лиц, предусмотренный примечаниями к ст. 285 Уголовного кодекса Российской Федерации;

– подготовка предложения по совершенствованию Уголовного кодекса Российской Федерации в части, касающейся установления дополнительных квалифицирующих признаков мелкого взяточничества.

Учитывая объем данной работы, мы ограничимся рассмотрением задач по «осуществлению совершенствования мер ответственности в отношении лиц, замещающих в порядке назначения государственные должности Российской Федерации и государственные должности субъектов Российской Федерации, за несоблюдение запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции» и «подготовке предложения по совершенствованию Уголовного кодекса Российской Федерации в части, касающейся установления дополнительных квалифицирующих признаков мелкого взяточничества».

Но прежде чем перейти к рассмотрению вышеуказанных проблем, мы считаем необходимым рассмотреть вопрос о том, насколько действующее уголовное законодательство отвечает потребностям эффективного противодействия деяниям коррупционного характера. В качестве правовой основы выступает сложившаяся

в РФ система законодательства, регламентирующая деятельность по противодействию коррупции, и в первую очередь Федеральный закон «О противодействии коррупции»

В соответствии с п. «а» ст. 1 данного закона к формам проявления коррупции относят «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами»⁶.

Анализируя данное законодательное определение, следует отметить, что оно не содержит исчерпывающего перечня коррупционных деяний, но в то же время закрепляет критерии, посредством которых можно выделить таковые из числа уголовно-наказуемых деяний:

1) в процессе их совершения незаконно используются полномочия, предоставленные виновным лицам по службе (за исключением предоставления определенных выгод в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав);

2) они совершаются из корыстной или иной личной либо узкогрупповой (корпоративной) заинтересованности.

В УК РФ 1996 г. можно выделить две главы Особенной части, в которых предусмотрены преступления в полной мере, отвечающие вышеуказанным критериям:

– глава 23 «Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях»;

– глава 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах государственного управления».

Все интересующие нас составы преступлений, которые с полным на то основанием можно отнести к коррупционным, характеризуются следующими особенностями.

Во-первых, в качестве основного непосредственного объекта уголовно-правовой охраны, являющегося частью родового, выступают общественные отношения, посредством которых реализуются интересы службы в коммерческих или иных организациях либо интересы государственной власти, интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Кроме того, ряд составов преступлений посягают в обязательном порядке, кроме основного непосредственного объекта, также на общественные отношения, обеспечивающие реализацию прав и законных интересов граждан и организаций, охраняемых законом интересов общества и государства.

Во-вторых, общественно опасное деяние, предусмотренное объективной стороной всех вышеуказанных составов, совершается посредством противоправного использования виновным своих служебных полномочий (за исключением дачи взятки и коммерческого подкупа). Это означает необходимость установления наличия следующих обстоятельств, его характеризующих:

а) лицо, его совершающее, должно находиться при исполнении своих служебных функций, т. е. на службе;

б) в процессе его совершения должны быть использованы права, предоставленные виновному по службе, либо не выполнены возложенные на него служебные обязанности;

в) служебные полномочия используются виновным вопреки интересам службы, то есть вопреки установленному конкретными нормативными актами порядку их реализации (установление данного обстоятельства вызывает наибольшие проблемы в правоприменительной деятельности, так как невозможно обеспечить детальную регламентацию служебной деятельности всех государственных или муниципальных служащих, а равно служащих коммерческих и иных организаций)⁷.

В-третьих, субъектом данных составов преступлений выступают физические вменяемые лица, достигшие установленного законом возраста и обладающие некоторыми особенностями – определенным правовым статусом (за исключением составов преступлений, предусмотренных ч. 3 и ч. 4 ст. 204, ст. 291 и ст. 291.1 УК РФ): лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации (гл. 23 Особенной части УК РФ); должностные лица, государственные или муниципальные служащие (гл. 30 Особенной части УК РФ).

В-четвертых, данные составы характеризуются умышленной формой вины в виде прямого или косвенного умысла. Наличие корыстной заинтересованности является общеобязательным признаком субъективной стороны (хотя в подавляющем большинстве составов данный признак не предусмотрен в качестве конституционного), так как именно это обстоятельство используется в настоящее время в качестве одного из критериев отнесения преступления к коррупционным.

В качестве существенного недостатка анализируемого нами законодательного определения следует указать то обстоятельство, что совершение подобного рода деяний из личной или узкогруп-

повой (корпоративной) заинтересованности не позволяет отнести их, с полным на то основанием, к преступлениям коррупционного характера.

Необходимо также отметить, что и в иных главах Особенной части УК РФ предусмотрены составы преступлений, которые, наряду с присущими только им признаками состава, также характеризуются выше рассмотренными особенностями.

В первую очередь к данным преступлениям, с полным на то основанием, следует отнести составы, предусмотренные ст.ст. 169, 170, 170.2, 185.2, 189, 199, 199.1, 199.4, 228.2, 299, 300, 301, ч. 2, ст.ст. 303, 305, 315 и рядом других ст. УК РФ.

Их особенностью является то, что в качестве дополнительного непосредственного объекта выступает не весь спектр общественных отношений, охраняемых нормами гл. 23 и гл. 30 Особенной части УК РФ, а только часть – то есть те из них, посредством которых реализуются интересы службы, нарушенные виновным в процессе совершения данного преступного посягательства. Соответственно и в качестве субъектов данных составов преступлений могут выступать лишь некоторые из служащих коммерческих или иных организаций либо должностных лиц, государственных или муниципальных служащих, которые наделены соответственными полномочиями (например: должностное лицо, осуществляющее регистрацию предпринимательской или иной деятельности, а равно регистрирующее сделки с землей; следователь, прокурор или судья; лицо, обязанное в силу своих служебных полномочий исполнить приговор суда, решение суда или иной судебный акт и т. п.). Данные составы преступлений выступают в качестве специальных по отношению к составам, предусмотренных в гл. 23 и гл. 30 Особенной части УК РФ.

Во вторую очередь следует выделить составы, в которых вышеуказанные обстоятельства выступают в качестве квалифицирующих признаков, то есть повышающих степень общественной опасности совершенного деяния. К данным преступлениям относятся составы, предусмотренные ч. 3 ст. 159 УК РФ, а также ч. 3 ст. 159. 1-6 (мошенничество с использованием своего служебного положения), ч. 3 ст. 160 УК РФ (присвоение или растрата с использованием своего служебного положения), п. «б» ч. 3 ст. 174 УК РФ (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенного лицом в результате совершения им преступления с использованием своего служебного положения), п. «б» ч. 3 ст. 174.1 УК РФ (легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем с использованием своего служебного положения), ч. 3 ст. 175 УК РФ (приобре-

тение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем с использованием своего служебного положения), ч. 2 ст. 178 УК РФ (недопущение, ограничение или устранение конкуренции с использованием своего служебного положения), п. «б» ч. 2 ст. 200.2 УК РФ (контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий, совершенная должностным лицом с использованием своего служебного положения).

В результате проведенного нами анализа можно сделать вполне обоснованный вывод о том, что нормы, предусмотренные действующим УК РФ, в целом обеспечивают достаточно эффективное противодействие коррупции посредством установления уголовной ответственности за наиболее общественно опасные коррупционные деяния.

Что же касается особенностей уголовной ответственности лиц, замещающих в порядке назначения государственные должности Российской Федерации и государственные должности субъектов Российской Федерации, за не соблюдение запретов, то данное обстоятельство выступает в качестве признака квалифицированного состава лишь в преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст. 285, ч. 2 ст. 286, ч. 2 ст. 287 и ч. 4 ст. 290 УК РФ. На наш взгляд, подобная ситуация влечет за собой недооценку общественной опасности преступления, совершенного лицом, замещающим в порядке назначения государственные должности Российской Федерации и государственные должности субъектов Российской Федерации, а также самого лица, что не обеспечивает достижение социальной справедливости в процессе реализации уголовной ответственности. В то же время вводить вышеуказанные обстоятельства в качестве квалифицирующих признаков во все или некоторые, ранее указанные нами составы, представляется не вполне обоснованным решением. Это обусловлено следующими обстоятельствами:

- 1) весьма незначительное количество преступных злоупотреблений, совершаемых данной категорией должностных лиц;
- 2) отсутствие существенного повышения общественной опасности совершаемых преступлений, так как речь идет, в первую очередь, о повышенной общественной опасности именно виновных лиц.

В этой связи считаем необходимым рекомендовать законодательству внести в ч. 1 ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание» дополнительный пункт –

- 1) совершение преступления лицом, замещающим в порядке назначения государственные должности Российской Федерации и государственные должности субъектов Российской Федерации, с использованием своего служебного положения.

Применительно к подготовке предложения по совершенствованию УК РФ в части, касающейся установления дополнительных квалифицирующих признаков мелкого взяточничества, то здесь следует отметить довольно широкую распространенность случаев вымогательства незначительных по стоимости подношений имущественного характера. Следует отметить, что в этом случае преступление посягает и на второй непосредственный объект – общественные отношения, посредством которых реализуются законные права и интересы граждан или организаций либо охраняемые законом интересы общества и государства. Кроме того, нередки случаи, когда подношения имущественного характера предоставляются должностному лицу за совершение неправомерных действий. Как и в первом случае, данное деяние обладает повышенной общественной опасностью по сравнению с основным составом, однако в настоящее время это не учитывается в процессе его уголовно-правовой оценки.

С учетом вышеизложенных положений, считаем необходимым изложить ч. 2 ст. 291.2 УК РФ «Мелкое взяточничество» в следующей редакции:

Те же деяния, совершенные лицом, имеющим судимость за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 290, 291, 291.1 настоящего Кодекса, либо настоящей статьей, а равно за незаконные действия (бездействие) либо получение взятки лично или через посредника, совершенное с вымогательством взятки, – наказывается...

¹ О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Рос. газ. 2009. 19 мая.

² *Шишкин Р. В. и др.* Правовое обеспечение борьбы с коррупцией: курс лекций. М., 2018.

³ *Карпович О. Г., Малиновский И. Б., Трунцевский Ю. В.* Полномочия подразделений органов внутренних дел (полиции) в противодействии коррупции: уч.-практ. пос. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ, Закон и право, 2015. С. 18.

⁴ *Долинко В. И.* Проблемы коррупции в России и за рубежом // Российский следователь. 2012. № 1. С. 37–39.

⁵ Национальный план противодействия коррупции на 2018–2020 годы: Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 // Рос. газ. 2018. 3 июля.

⁶ О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // СЗ РФ. 29.12.2008. № 52.

⁷ *Карпович О. Г., Малиновский И. Б., Трунцевский Ю. В.* Полномочия подразделений органов внутренних дел (полиции) в противодействии коррупции: уч.-практ. пос. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ, Закон и право, 2015. С. 15.

Особенности предмета контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов

М. С. МАРКОВСКИЙ,
*старший преподаватель
кафедры тактико-специальной подготовки
Уральского Юридического института МВД России*

В статье анализируется предмет контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов; раскрываются признаки денежных инструментов и сложности, связанные с их определением; вносится предложение о расширении предмета преступления, предусмотренного ст. 200¹ УК РФ.

Контрабанда; наличные денежные средства; денежные инструменты; предмет преступления.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 200¹ УК РФ, являются наличные денежные средства и (или) денежные инструменты.

Согласно подп. 23 п. 1 ст. 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза под наличными денежными средствами понимаются денежные знаки в виде банкнот и казначейских билетов, монет, за исключением монет из драгоценных металлов, находящиеся в обращении и являющиеся законным платежным средством в государствах – членах таможенного союза или иностранных государствах (группе иностранных государств), включая изъятые либо изымаемые из обращения, но подлежащие обмену на находящиеся в обращении денежные знаки¹.

Денежными инструментами в соответствии с примечанием 5 к ст. 200¹ УК РФ признаются дорожные чеки, векселя, чеки (банковские чеки), а также ценные бумаги в документарной форме, удостоверяющие обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств, в которых не указано лицо, которому осуществляется такая выплата.

Определение понятия «наличные денежные средства» является исчерпывающим и не вызывает каких-либо вопросов. В свою очередь при толковании термина «денежные инструменты» могут возникать определенные сложности.

Так, дорожные чеки, векселя или чеки (банковские чеки), изложенные в определении денежных инструментов, являются опреде-

ленными видами финансовых инструментов и для их идентификации достаточно обратиться к законодательству, регламентирующему их обращение. Ценные же бумаги в документарной форме, удостоверяющие обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств, в которых не указано лицо, которому осуществляется такая выплата, сформулированы как совокупность признаков, в соответствии с которыми они могут быть признаны денежными инструментами. Таким образом, чтобы установить какие именно ценные бумаги могут удовлетворять данным признакам, необходимо тщательное изучение норм гражданского законодательства. Сразу возникает вопрос, какие конкретно ценные бумаги могут подпадать под эти признаки.

Для того чтобы ценные бумаги могли быть рассмотрены в качестве денежных инструментов и соответственно в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 200¹ УК РФ, последние должны выполнять три условия:

- 1) быть документарной ценной бумагой (иметь документарную форму), то есть являться документом, соответствующим установленным законом требованиям и удостоверяющим обязательственные и иные права, осуществление или передача которых возможны только при предъявлении таких документов (ч. 1 ст. 142 ГК РФ);

- 2) удостоверять обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств, либо, если рассматривать данный признак со стороны владельца такой ценной бумаги, удостоверять право ее держателя на получение от эмитента (должника) денежных средств;

- 3) в них не должно быть указано лицо, уполномоченное требовать по ним исполнения.

Среди всех ценных бумаг вышеназванные условия выполняют облигации на предъявителя, сберегательные книжки на предъявителя и сберегательные (депозитные) сертификаты на предъявителя.

Остальные ценные бумаги не могут быть признаны денежными инструментами, так как могут быть только бездокументарными, именными (закладная, инвестиционный пай, ипотечный сертификат участия) либо не связаны с выплатой денежных средств эмитентом (должником) и представляют собой товарораспорядительные документы (коносамент, простое и двойное складское свидетельство).

Несмотря на это, при определенных обстоятельствах в соответствии с редакцией примечания 5 ст. 200¹ УК РФ простое складское свидетельство, которое выдается только на предъявителя, и коносамент на предъявителя могут иметь признаки денежных инструментов, так как могут быть признаны ценными бумагами в документарной форме, удостоверяющими обязанность эмитента (должника) по

выплате денежных средств, в которых не указано лицо, которому осуществляется такая выплата.

Так, если лицо помещает на хранение либо передает для перевозки денежные средства, в простом складском свидетельстве, и соответственно в коносаменте, должны быть указаны их индивидуальные признаки, количество либо сумма, а также иные параметры.

Простое складское свидетельство и коносамент на предъявителя могут быть переданы другим лицам путем простого вручения, таким же способом могут быть осуществлены права, удостоверяемые ими, то есть эмитент обязан выдать предъявителю простого складского свидетельства либо коносамента на предъявителя товара, которые указаны в них. В рассмотренной ситуации такими товарами будут являться денежные средства.

Таким образом, простое складское свидетельство и коносамент на предъявителя, в реквизитах которых имеются отметки о помещении на хранение и соответственно передачу для перевозки денежных средств, являются ценными бумагами в документарной форме, удостоверяют права на получение от эмитента денежных средств и в них не указывается лицо, которое уполномочено получать данные денежные средства, в связи с чем, в соответствии с примечания 5 к ст. 200¹ УК РФ, могут быть признаны денежными инструментами.

Однако возникает вопрос, целесообразно ли все-таки указанные ценные бумаги признавать предметами контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов.

Для решения этого вопроса необходимо установить, будет ли причинен ущерб объекту рассматриваемого преступления при незаконном перемещении простого складского свидетельства или коносамента на предъявителя, в реквизитах которых имеются отметки о помещении на хранение и соответственно передачу для перевозки денежных средств и, соответственно, необходим ли контроль за совершением такого рода финансовых операций с данными предметами.

Основная задача нормы, устанавливающей необходимость таможенного декларирования денежных инструментов при их перемещении через таможенную границу Евразийского экономического союза (п. 8 ст. 260 ТК ЕАЭС), заключается в осуществлении контроля за движением данных предметов через таможенную границу Евразийского экономического союза, с целью предотвращения незаконных финансовых операций.

При ввозе на таможенную территорию Евразийского экономического союза и вывозу с данной территории физическим лицом простого складского свидетельства и коносамента на предъявителя,

которые удостоверяют право их держателей на получение указанных в них денежных средств, нет необходимости в контроле за их перемещением, так как денежные средства, которые подлежат выдаче, на основании данных документов, фактически через таможенную границу не перемещаются. Так, денежные средства, находящиеся на хранении на основании простого складского свидетельства, останутся на прежнем месте, а переданные для перевозки при перемещении через таможенную границу – в соответствии с таможенным законодательством будут подлежать декларированию.

Кроме того, получить на основании указанных документов денежные средства на территории другого государства путем банковского перевода либо любым другим способом не получится. Рассматриваемые ценные бумаги не относятся к эмиссионным, не являются платежными документами и их нельзя использовать в качестве средства расчета.

Таким образом, бесконтрольное перемещение простых складских расписок и коносаментов на предъявителя не связано с трансграничным движением денежных средств, в связи с чем оно не угрожает целостности финансовой системы России, являющейся объектом преступления, предусмотренного ст. 200¹ УК РФ, что указывает на отсутствие оснований для признания данных ценных бумаг денежными инструментами и соответственно предметами рассматриваемой нормы.

Существование сберегательных книжек на предъявителя и сберегательных (депозитных) сертификатов на предъявителя непосредственно связано с открытием банковских счетов (вкладов) на предъявителя, а это значит, что данные счета (вклады) являются анонимными, то есть лицо, которое их открывает, не предоставляет никаких документов, позволяющих его идентифицировать. Таким образом, положения ст. 843 и ст. 844 ГК РФ, предусматривающие существование сберегательных книжек на предъявителя и сберегательных (депозитных) сертификатов на предъявителя, противоречат Федеральному закону от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»⁵, согласно п. 5 ст. 7 которого кредитным организациям запрещается открывать и вести счета (вклады) на анонимных владельцев, то есть без предоставления физическим или юридическим лицом, открывающим такой счет (вклад), документов, необходимых для его идентификации.

Министерство финансов Российской Федерации, учитывая данные обстоятельства, а также тот факт, что выдача сберегательных книжек на предъявителя и сберегательных (депозитных) сер-

тификатов на предъявителя не предполагают учет перехода прав от одного лица к другому, не предусматривают ограничения по сумме и системе контроля исполнения запрета их использования в качестве расчетного или платежного средства, считает необходимым исключить из российского законодательства данные институты и разработало соответствующий законопроект⁶.

Обращение облигаций регулируется Федеральным Законом «О рынке ценных бумаг»³. В соответствии с данным законом облигации являются эмиссионными ценными бумагами и размещаются только выпусками в установленном законом порядке. Облигация на предъявителя может выпускаться только в документарной форме. Владелец такого вида ценной бумаги и его права удостоверяются на основании предъявления оформленного надлежащим образом сертификата облигации, который выдается на каждую облигацию².

Таким образом, наличие у владельца самой облигации как таковой не является обязательным условием для осуществления и передачи прав, которые ей предусмотрены.

Несмотря на то, что облигации на предъявителя выпускаются только в документарной форме, сами ценные бумаги на предъявителя облигационеру не выдаются, а ему выдаются сертификаты.

Следовательно, лицо, имеющее сертификат облигации на предъявителя, может получить номинальную стоимость данной облигации, не имея на руках самой облигации.

Облигация не имеет обязательных реквизитов, которые, как это указано в ст. 143 ГК РФ, являются одним из требований к документарной ценной бумаге. Обязательные реквизиты установлены для сертификата облигации, который выдается при покупке облигаций. Сертификат облигации в соответствии с российским законодательством не является ценной бумагой и, соответственно, не может быть признан предметом контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов, а значит, может беспрепятственно перемещаться через таможенную границу.

Облигация также может предусматривать право ее владельца на получение фиксированного в ней процента от номинальной стоимости облигации, который является доходом по облигации. Такая облигация считается процентной. Выплата процентов по облигациям осуществляется на основании купонов, которые являются частью облигационного сертификата и также не являются ценными бумагами и не могут быть рассмотрены в качестве предмета преступления, предусмотренного ст. 200¹ УК РФ.

Исходя из изложенного, позитивным представляется законодательство Японии, а именно ст. 6 Закона Японии «Об иностранной

валюте и внешней торговле» 1949 г. № 228, которая к ценным бумагам, помимо прочих, относит сертификаты, предоставляющие право на государственные облигации или акции, денежные сертификаты и купоны независимо от того, были они использованы или нет⁴.

Таким образом, считаем целесообразным облигационные сертификаты на предъявителя и их купоны признавать предметами контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов. Для этих целей предлагается примечание 5 к ст. 200¹ УК РФ изложить в следующей редакции: «Под денежными инструментами в целях настоящей статьи понимаются дорожные чеки, векселя, чеки (банковские чеки), а также ценные бумаги в документарной форме, удостоверяющие обязательство эмитента (должника) по выплате денежных средств, в которых не указано лицо, которому осуществляется такая выплата, в том числе сертификаты и купоны, выданные на такие ценные бумаги».

¹ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eaeunion.org/>

² *Ротко С.В.* Понятие, правовая природа и основная классификация облигаций // Юрист. 2007. № 11 // СПС «КонсультантПлюс».

³ О рынке ценных бумаг Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 21.07.2014, с изм. от 29.12.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2015) // СПС «Консультант-Плюс».

⁴ Foreign Exchange and Foreign Trade Act 1949 - Act No. 228 of December 1, 1949 // URL: <http://www.asianlii.org/jp/legis/laws/fefta1949an228od11949387/> (дата обращения: 28.11.2014).

⁵ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2014) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты России Федерации (в части регулирования операций кредитных организаций с ценными бумагами на предъявителя): Федеральный закон // URL: http://regulation.gov.ru/project/9347.html?point=view_project&stage=3&stage_id=6453 (дата обращения: 19.02.2015).

Проблемы уголовно-правовой охраны семьи

Э. И. МАКСУТОВА,
*слушатель 4 факультета
Академии управления МВД России*

В статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой охраны семьи, а также спорные вопросы квалификации преступлений, посягающих на интересы семьи.

Семья, уголовно-правовая охрана, неисполнение обязанностей, жестокое обращение.

Семья как ячейка общества на сегодняшний момент испытывает проблемы в своем развитии и формировании. Государство в целом достаточно внимательно относится к этому институту общества, ориентируясь на главную задачу, а именно: охрану семьи, материнства и детства.

Основные положения международно-правовых актов о главенствующей охране интересов семьи со стороны общества и государства отразились и в конституционном законодательстве нашего государства.

Так, в ст. 38 Конституции РФ, принятой 12.12.1993, содержатся положения о том, что материнство, отцовство, детство, а также семья в целом защищаются и превозносятся в ранг важнейших ценнейших объектов охраны государством. Конечно же, можно смело утверждать, что данный факт говорит нам о том, что это преимущественная гарантия на «тропе признания» семьи не просто ячейкой общества, но и главенствующей социальной общностью. При этом хотелось бы указать на то, что ранее, в предыдущей Конституции РСФСР (12.04.1978), никакого положения и правила об охране и защите семьи со стороны государства не было.

При этом социальное, политическое, экономическое и правовое участие семьи как института, определяющего положительные, правильные и естественные условия развития личности, общества и государства, указывает на важность акцентирования внимания на интересах семьи, а также семейных отношений как определенного единичного независимого, то есть самостоятельного объекта уголовно-правовой защиты, указания на их местоположение в системе объектов Особенной части УК РФ. Помимо этого, ставит перед собой целью решить проблемы по поводу достаточности уголов-

но-правовой защиты данных правоотношений, а также отображения в УК РФ видов преступных посягательств на них, учитывая их социальную обусловленность¹.

Статистические данные о количестве преступлений против семьи и несовершеннолетних, совершенных в России за период с 2013 по 2017 гг., свидетельствуют об общей тенденции к их росту: 2013 г. – 40 458, 2014 г. – 50 807, 2015 г. – 57 623, 2016 г. – 65 081, 2017 г. – 67 278, 2018 г. – 56 826. При этом интересен тот факт, что доля женщин, совершивших данные преступления, превышает 28,1 %.

Рассмотрев и изучив в целом статистику преступлений против семьи и несовершеннолетних по г. Москве за 2018 г., можно прийти к выводу, что их совершено около 18 тыс., при этом около 12 тыс. совершено родителями. В своем большинстве это связано с не выплатой алиментов, а также с отношениями, возникающими по поводу ненадлежащего выполнения своих обязанностей по воспитанию детей.

Получается так, что если полностью охарактеризовать и проанализировать состояние и динамику преступности, направленной против семьи, а также детей в частности, необходимо в обязательном порядке учитывать и применять различное многообразие способов и методов, которые можно использовать². Это может быть все что угодно, например: можно осуществлять различные научные исследования, анализировать и сопоставлять иностранное и российское законодательство, юридическую литературу, можно провести опросы граждан, анкетирование, также можно соотнести статистико-аналитическую информацию с различными материалами, указывающими на сведения о преступлениях, направленных против интересов семьи, детей в частности, даже те, которые еще не были приданы огласке или не были выявлены государственными органами³.

Вопросы, затрагивающие трудности квалификации деяний в отношении семьи и несовершеннолетних, во многом связаны с недостатками в юридической конструкции самих статей Уголовного кодекса РФ, а также неоднозначным их толкованием:

1. В Пояснительной записке к проекту закона, который был внесен в июле 2005 г. в Госдуму на рассмотрение и который был направлен на повышение ответственности родителей (опекунов, попечителей) за воспитание ребенка, говорилось о том, что ответственность за жестокое обращение с детьми даже ниже, чем ответственность, предусмотренная ст. 245 УК РФ за жестокое обращение с животными. При этом даже на сегодняшний день вышеуказанный пробел продолжает существовать. К тому же даже в упомянутой ст. 245 УК РФ точно определены критерии, по которым можно

было бы уже говорить о жестоком обращении с животными. А вот что касается детей, то здесь такая подобная характеристика жестокого обращения конкретно, точно и ясно не указана. Получается, что появляются различные подходы при квалификации данного преступного деяния служащими правоохранительных органов, органов прокуратуры, а также органов суда. Согласно информации с БД Информационных центров МВД в Российской Федерации только по пятой части собранных материалов проверок будут возбуждены уголовные дела по ст. 156 УК РФ, и только по каждому третьему уголовному делу, которое было направлено в суд, будет вынесен обвинительный приговор.

Поэтому представляется целесообразным скорректировать редакцию ст. 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего». Такое нововведение будет подтверждаться тем, что на данный момент в этом положении статья достаточно часто не позволяет привлечь к уголовной ответственности лиц, обязанных воспитывать малолетних или несовершеннолетних детей, за невыполнение или даже ненадлежащее выполнение подобной обязанности, потому, что не имеется конкретных характеристик, обозначений жестокого обращения, это и дает проблемы при собирании доказательственной базы. Также жестокое обращение с детьми, применение и использование в отношении них насилия необходимо расценивать как квалифицирующие признаки. Поэтому в примечании к ст. 156 УК РФ необходимо дать формулировку понятию «жестокое обращение с несовершеннолетним», что позволит отграничить данное противоправное деяние от других составов преступлений, посягающих на интересы личности. Данные разграничения и уточнения помогут правильно и верно толковать эту уголовно-правовую норму, а значит и квалифицировать деяние⁴.

2. Результаты изучения судебной практики по ст. 157 УК РФ «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» говорят нам о том, что очень важно и необходимо ее (статью) корректировать.

В частности, в предыдущей редакции данной ст. от 07.12.2011 основным признаком в диспозиции данной статьи была злостность. Исходя из логической трактовки данного понятия, злостность поведения говорит нам о том, что это не один факт совершения уклонения от выплаты средств на содержание ребенка (нетрудоспособного родителя), а именно частые, непрерывные, долгие по времени действия такого лица по уклонению от данной выплаты. В новой редакции данной статьи от 03.07.2016 указано, что для того чтобы данная статья была приведена в действие, в деянии должен присутствовать

такой обязательный признак, как «неоднократно», то есть лицо должно быть сперва подвергнуто административному наказанию, после чего за повторное такое деяние в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию, оно может быть привлечено к уголовной ответственности. Однако в данной статье достаточно расплывчато указана такая формулировка как «уклонение без уважительных причин». Представляется, что данному критерию больше соответствует предыдущая формулировка: «злостное уклонение». При этом злостность уклонения, прежде всего, говорит о прямом умысле лица при наличии возможности погасить какой-либо долг, уплатить средства. Следовательно, необходимо в ст. 157 УК РФ вернуть понятие «злостность» и указать следующие изменения в примечании к данной статье: «Злостным, то есть без уважительных причин, является уклонение родителей более трех месяцев от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших 18-ти летнего возраста, или совершеннолетних трудоспособных детей от уплаты по решению суда средств на содержание нетрудоспособных и нуждающихся в материальной помощи родителей».

3. Изучив правоприменительную практику по ст. 157 УК РФ, можно указать на то, что мы видим частоту и регулярность обнаружения фактов уклонения родителей от выплаты по судебскому решению средств на содержание несовершеннолетних детей (нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста), совершеннолетних трудоспособных детей от выплаты по судебскому решению средств на содержание нетрудоспособных и нуждающихся в денежной помощи родителей. Но бывает, что вышеуказанные лица часто лично предлагают и дают средства на содержание таких лиц, включенных в данный перечень, и это, по сути, говорит нам о том, что в таких деяниях отсутствуют признаки состава преступления. Следовательно, уместно и разумно в диспозиции части первой, а также второй ст. 157 УК РФ после слов «от уплаты средств на содержание» включить слова с формулировкой «или предоставления средств».

4. В уголовном законе существует ограниченная и замкнутая система объектов, указанных в ст. 2 УК РФ. Полагали бы целесообразным добавить в данную статью формулировку нового объекта уголовно-правовой охраны, а именно: интересы семьи и несовершеннолетних лиц. Это связано прежде всего с тем, что структура мер уголовно-правовой охраны интересов семьи, несовершеннолетних лиц, указанных в российском уголовном законодательстве, имеет определенные неточности. К примеру, в ст. 2 УК РФ к зада-

чам уголовного закона отнесен узкий круг объектов, подлежащих защите и охране со стороны государства. Необходимо в полной мере учитывать нормы международного уголовного права, международных правовых актов, статьи 38 Конституции России, поэтому интересы семьи в российском уголовном законе должны быть определены как главенствующие, важнейшие и приоритетные. Защита данных семейных отношений должна быть прямо указана в Уголовном кодексе РФ, следовательно, данные интересы в обязательном порядке должны указываться как объект, подлежащий охране и защите со стороны государства, именно в ст. 2 УК РФ. Отсюда вывод: ч. 1 ст. 2 «Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации» УК РФ целесообразно расширить таким «уголовно-правовым дополнением», которое бы затрагивало вопросы семейных отношений, и уже впоследствии можно было указать нововведения в следующей редакции: «Задачами настоящего Кодекса являются: охрана прав и свобод человека и гражданина, семьи, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений».

5. Особого внимания заслуживают проблемы, связанные с назначением и исполнением мер наказания за общественно-опасные деяния, предусмотренные в гл. 20 УК РФ. Многие критерии, которые указаны в главе «Преступления против семьи и несовершеннолетних», говорят о том, что ответственность за подобные деяния гораздо ниже, чем она указывалась ранее в предыдущем УК, а также намного ниже, чем это предусмотрено в иностранных государствах за аналогичные действия⁵.

Можно отметить, что благодаря своеобразным особенностям и характеристикам, которые свойственны только детям и имеются у них из-за возрастной, социальной и психологической незрелости, им очень важна и очень нужна забота, исходящая со стороны личности, общества и государства в целом, а также особенная, уголовно-правовая защита. Следовательно, правильным и необходимым представляется нам установление увеличенной ответственности за совершение преступления, посягающего на интересы ребенка, даже в сравнении с ответственностью за похожее общественно-опасное деяние, совершенное в отношении совершеннолетнего. За вышеуказанные деяния нужно вводить ответственность, схожую для преступлений средней тяжести или тяжких, особо тяжких. Данное утверждение считается обоснованным и правильным ввиду того, что ни одно из общественно-опасных деяний, совершенных в отноше-

нии детей, не должно относиться по критериям к деянию с небольшой тяжестью. Можно указать на особые своеобразные характеристики объекта, особенности его психики, а также последствия, которые в большинстве случаев могут быть опасны для формирования и становления его личности. Все это говорит нам о том, что будет правильным относить подобные преступления к деяниям, которые содержат в себе повышенную степень общественной опасности. Допустим, в ст. 154 УК РФ не учтена такая общественно опасная разновидность преступления, как его совершение группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или с применением должностных полномочий.

6. В УК РФ предусматривается ряд преступлений против нормального развития несовершеннолетних, связанных с отношениями, регулируемыми Семейным кодексом Российской Федерации. Это составы преступлений, закрепляющие ответственность за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ), злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей (ч. 1 ст. 157 УК РФ). Так, уголовная ответственность по ст. 156 УК РФ предусмотрена за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которое возложены эти обязанности. Отметим, что ни в Семейном кодексе Российской Федерации, ни в каком-либо международном или федеральном нормативном акте не определены четкие границы понятия «надлежащее воспитание». Однако в Уголовном кодексе Российской Федерации оно закреплено. Необходимо конкретизировать понятие «ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего». Такая позиция представляется нам наиболее оправданной.

7. Несмотря на общее негативное отношение в обществе к теме ювенальной юстиции, реализация отдельных ее элементов имеет смысл в целях обеспечения прав самих несовершеннолетних при совершении преступлений. В частности, по-прежнему активно обсуждается тема выделения из судов общей юрисдикции специализированных судов, в которых должны рассматриваться не только уголовные дела по фактам совершения преступлений несовершеннолетними, но и общественно-опасных деяний, посягающие на безопасность несовершеннолетних лиц⁶. Таким образом, все уголовные дела, где какая-либо из сторон будет несовершеннолетним лицом, целесообразно определить к юрисдикции ювенальных судов. Подобный подход позволит обеспечить более тщательное изучение и подходы к рассмотрению и разрешению уголовных дел, где лицо, не достигшее 18 лет, будет потерпевшей стороной. Также должны

быть учтены возникшие последствия, причиненные преступлением, где объектом преступления указывается правильное психическое, физическое и интеллектуальное развитие несовершеннолетнего. Это значит, что важно координировать действия с различными спецслужбами, рассматривая данный вопрос в рамках реализации курсов, разных программ, проектов, мероприятий медико-социального, психолого-педагогического и реабилитационного характера.

¹ Щепельков В. Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. М.: Феникс, 2003. С. 31.

² Мартыненко Н. Э. Частичная декриминализация побоев и ее влияние на профилактику насилия // Российский следователь. М., 2018. № 5. С. 60–64.

³ Ханова З. Р., Штак Б. М. Криминологическая оценка преступлений против семьи и несовершеннолетних в российском уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 4. С. 114.

⁴ Кибальник А. Юридические оплошности действующего уголовного закона / А. Кибальник, И. Соломоненко // Российская юстиция. 2004. № 6. С. 29.

⁵ Максимов С. В., Чуцаев А. И. Цель в уголовном праве: методологические аспекты. М.: Норма, 2012. С. 26.

⁶ Аносов А. В., Алексеев И. В. Уголовное законодательство государств – участников СНГ о преступлениях, связанных с самоубийством несовершеннолетних // Международное публичное и частное право. 2018. № 4 (103). С. 32.

Уголовная политика России в сфере коррупционных проявлений: современные тренды

А. Д. НЕЧАЕВ,

*доцент Департамента правового регулирования
экономической деятельности Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
кандидат юридических наук*

В статье рассматриваются современные проблемы российской уголовной политики в сфере коррупции. Доказывается, что проводимая дифференциация ответственности за коррупционные проявления не имеет под собой криминологических оснований.

Уголовная политика, взяточничество, подкуп, дифференциация уголовной ответственности.

Современное состояние российской уголовной политики в целом и в сфере противодействия коррупционным проявлениям в частности демонстрирует отсутствие четкой концепции антикриминального законодательства. Еще академик В. Н. Кудрявцев писал, что «от полноты и степени совершенства законодательного выражения признаков социального опасного явления... зависит... направленность, содержание и формы реакции на это явление со стороны государственных органов»¹. К сожалению, последние пару десятилетий уголовное законодательство России подвержено конъюнктурным изменениям, обусловленным сиюминутными пожеланиями субъектов законодательной инициативы. Ими забывается важный тезис о том, что «борьба с преступностью требует постоянного учета общественного мнения, оптимального построения законодательства, совершенствования работы правоохранительных органов»². Безусловно, уголовный закон должен отвечать объективным социальным реалиям, запрещать общественно опасные для личности, общества и государства деяния, предусматривать справедливые и соразмерные меры уголовной ответственности и наказания, однако общественная жизнь не меняется так быстро, как меняется наш отечественный уголовный закон. Следует согласиться с профессором А. Э. Жалинским в том, что «существует серьезный разрыв между требованиями усилить репрессию и действительной ее переносимостью авторами этих предложений»³.

Современная уголовная политика во много предопределяется программными документами. Так, Указом Президента Российской

Федерации от 29.06.2018 № 378 утвержден Национальный план противодействия коррупции на 2018–2020 годы. В сфере уголовно-правового регулирования Президентом Российской Федерации перед компетентными государственными органами поставлены два основных вопроса (задачи).

Во-первых, разработать «проект федерального закона, предусматривающего включение лиц, выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в хозяйственных обществах, долями в уставном капитале которых прямо или косвенно (через одно или несколько юридических лиц) владеет Российская Федерация или субъект Российской Федерации, в перечень должностных лиц, предусмотренный примечаниями к ст. 285 УК РФ» (подп. «а» п. 37). Данные обязанности возложены на Правительство Российской Федерации с участием Верховного Суда Российской Федерации, Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Следственного комитета Российской Федерации (срок исполнения – 1 ноября 2018 г.).

Во-вторых, «подготовить предложения по совершенствованию УК РФ в части, касающейся установления дополнительных квалифицирующих признаков мелкого взяточничества» (подп. «а» п. 39). Соответствующее поручение дано Генеральной прокуратуре Российской Федерации с участием Верховного Суда Российской Федерации, Минюста России, ФСБ России и Следственного комитета Российской Федерации (срок исполнения – 1 марта 2019 г.).

Решение двух поставленных задач требует, прежде всего, обращения к историческому опыту развития современного уголовного законодательства в рассматриваемой части. Изначально принятая в 1996 г. редакция уголовного закона содержала компактный набор уголовно-правовых норм, направленных на противодействие коррупционным проявлениям в виде взяточничества и подкупа: ст. 184 «Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов», ст. 204 «Коммерческий подкуп», ст. 290 «Получение взятки», ст. 291 «Дача взятки», ст. 304 «Провокация взятки или коммерческого подкупа», ст. 309 «Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу».

Реализация уголовной политики в новейшей отечественной истории привела к существенному разрастанию обозначенного набора уголовно-правовых норм, а также «инклюзивным» изменениям по следующим основным направлениям (трендам).

Первый тренд – устойчивая криминализация деяний в рассматриваемой сфере. В 2011 г. указано на возможность получения (дачи) взят-

ки иностранным(и) должностным(и) лицам(и) и должностным(и) лицам(и) публичных международных организаций (ч. 1, 3 ст. 290, ч. 1, 3 ст. 291 УК РФ), получение взятки в виде предоставления иных имущественных прав (ч. 1 и 3 ст. 204, ч. 1 ст. 290 УК РФ). В 2016 г. аналогичные изменения внесены в ст. 304 УК РФ, а также запреты расширились за счет возможности передачи взятки иному физическому или юридическому лицу (ч. 1 и 5 ст. 204, ч. 1 ст. 290, ч. 1-3 ст. 291 УК РФ). В 2011 г. в отношении взяточничества, а в 2016 г. в отношении коммерческого подкупа была произведена криминализация обещания или предложения посредничества (ч. 4 ст. 204.1, ч. 5 ст. 291.1 УК РФ). Следует учитывать позицию А. И. Рарога: «...криминализация обещания или предложения во взяточничестве (ч. 5 ст. 291.1 УК РФ) весьма критично воспринимается уголовно-правовой наукой, поскольку это деяние является, по сути, обнаружением умысла, которое уголовно не наказуемо»⁴.

Второй тренд – наблюдающееся расширение перечня должностных лиц. Ю. В. Портнова обращает внимание на то, что «УК РФ... коренным образом изменил складывавшуюся веками... политику по отношению к должностным лицам – последними стали признаваться лишь субъекты, непосредственно участвующие в государственном управлении»⁵. Начиная с 2007 г., процесс унификации возобновился. Дважды производилось расширение понятия должностного лица. Впервые изменение было реализовано законодателем в 2007 г. путем принятия Федерального закона от 01.12.2007 № 318-ФЗ – категория «должностное лицо» (п. 1 прим. к ст. 285 УК РФ) стала охватывать соответствующих лиц в государственных корпорациях. Названный законопроект был внесен Президентом РФ в Государственную Думу в октябре 2007 г., а принят, одобрен и подписан менее чем за 2 месяца. В пояснительной записке отмечалось, что необходимость изменений обусловлена созданием «некоммерческой организации в форме государственной корпорации, которая наделяется отдельными государственными полномочиями по управлению использованием атомной энергии, управлению безопасностью при использовании атомной энергии, осуществлению функций государственного заказчика государственного оборонного заказа в установленной сфере деятельности, управлению государственным запасом специального сырья и дефицитных материалов»⁶.

Второе изменение было осуществлено в 2015 г. путем принятия Федерального закона от 13.07.2015 № 265-ФЗ – расширение за счет отнесения соответствующих лиц в государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит РФ,

субъектам РФ или муниципальным образованиям. Названный закон был принят по инициативе Правительства РФ (рассматривался около 2 лет). В качестве обоснования необходимости подобного изменения в пояснительной записке указывалось на то, что ранее действовавшая редакция не позволяет привлекать обозначенных лиц к «ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе»⁷, то есть за халатность (ст. 293 УК РФ).

Вместе с тем при совершенствовании уголовно-правового регулирования изменилась и ответственность за коррупционные преступления в виде взяточничества и коммерческого подкупа. Если до принятия обозначенного закона в отношении названных лиц применялись положения ст. 204 УК РФ: незаконная передача – до 3 лет лишения свободы, т. е. преступление небольшой тяжести (ч. 1 ст. 204 УК РФ); незаконное получение – до 7 лет лишения свободы, т. е. тяжкое преступление (ч. 3 ст. 204 УК РФ), то после принятия стали применяться положения ст. 290 и 291 УК РФ: дача взятки – до 2 лет лишения свободы, т. е. преступление небольшой тяжести (ч. 1 ст. 291 УК РФ); получение взятки – до 3 лет лишения свободы, т. е. преступление небольшой тяжести (ч. 1 ст. 290 УК РФ). Соответственно, «задачей было не усиление ответственности вот этой группы лиц, а приравнивание их по статусу к чиновникам»⁸. Ответственность названных лиц как за получение (принятие), так и за дачу (передачу) была ослаблена, что нельзя признать соответствующим требованиям справедливости.

В сегодняшнюю «антикриминальную повестку дня» Президентом РФ включено обсуждение дальнейшего расширения перечня лиц, относимых к должностным. Во-первых, это предполагает расширение перечня субъектов за счет включения всех хозяйственных обществ, в том числе ранее невключенных лиц, выполняющих организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в обществах с ограниченной ответственностью. Во-вторых, Президентом РФ поставлена задача включения в перечень соответствующих лиц только в тех обществах с ограниченной ответственностью, которые осуществляют свою деятельность с государственным участием («владеет РФ или РФ»). Представляется, что подобный подход будет противоречить одной из основ конституционного строя, закрепленных в ч. 2 ст. 8 Конституции РФ, поскольку из данного перечня обоснованно «выпадают» общества с ограниченной ответственностью, долями в уставном капитале которых владеют муниципальные образования. Более того, положения абз. 2 п. 6 ст. 66 ГК РФ неминуемо поставят вопрос о необходимости отнесения к должностным лицам тех лиц, которые осуществляют соответствующие функции в хозяй-

ственных обществах и товариществах на вере, учредителями которых являются государственные и муниципальные учреждения.

В-третьих, перечень должностных лиц предполагается расширить за счет фактического устранения указания на «контрольный пакет», то есть лица будут рассматриваться как должностные независимо от доли государственного участия.

Поскольку в современных реалиях отечественный законодатель осуществляет сходную пенализацию за дачу (передачу) в ч. 1 ст. 204 и ч. 1 ст. 291 УК РФ (до 2 лет лишения свободы, т. е. преступление небольшой тяжести получение), а также за получение (принятие) в ч. 2 ст. 204 и ч. 1 ст. 290 УК РФ (до 3 лет лишения свободы, т. е. преступление небольшой тяжести), следует признать, что назрела необходимость отказаться от «сиеминутной» и «конъюнктурной» корректировки уголовного закона в рассматриваемой части и вернуться к идеям Б. В. Волженкина об унификации ответственности за служебные преступления⁹.

Третий тренд – тенденция к «расщеплению» составов взяточничества и подкупа. Наблюдается необоснованное, на наш взгляд, постепенное «расщепление» составов взяточничества и подкупа. Некогда компактная система норм искусственно увеличивается путем дифференциации уголовной ответственности по следующим направлениям.

Во-первых, вводятся статьи (нормы), устанавливающие самостоятельную ответственность соучастников, но не свидетельствующих о криминализации. Так, Федеральным законом от 04.05.2011 № 97-ФЗ уголовный закон дополнен ст. 291.1 УК РФ, установившей ответственность за посредничество во взяточничестве. Соответствующий законопроект был внесен Президентом РФ в феврале 2011 года, а принят, одобрен и подписан менее чем за 4 месяца. В пояснительной записке обращалось внимание на то, что «проектом вводится в качестве отдельного самостоятельного состава посредничество во взяточничестве»¹⁰. Подобные нормы получили в уголовно-правовой доктрине название «норм аватаров»^{11 12}, поскольку указанные действия уже были запрещены уголовным законом (ч. 5 ст. 33, ст. 290 или ч. 5 ст. 33, ст. 291 УК РФ). Иными словами, в условиях единой природы пособничества и посредничества во взяточничестве и коммерческом подкупе создание «норм аватаров» привело к тому, что, с одной стороны, пособничество (посредничество) во взяточничестве в размере, не являющимся значительным (до 25 тыс. руб.), перестали считаться преступными¹³, а с другой стороны, устранение возможности пособничества во взяточничестве обусловило невозможность применения ч. 1 ст. 67 УК РФ. Более того, посредничество стало наказываться строже, чем сама дача взятки.

Соответствующие изменения продолжились спустя 5 лет в области противодействия коммерческому подкупу. Федеральным законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ уголовный закон дополнен ст. 204.1 УК РФ, установившей ответственность за посредничество в коммерческом подкупе. Это также был президентский законопроект, внесенный им в мае 2016 года и принятый, одобренный и подписанный менее чем за 2 месяца. Пояснительная записка не содержала какого-либо релевантного обоснования необходимости соответствующих изменений¹⁴. Кроме того, законопроект выделил в качестве самостоятельного состава посредничество в рамках ст. 184 УК РФ.

Во-вторых, «расщепление» составов взяточничества и коммерческого подкупа осуществлялось по размеру взятки (подкупа). Данный процесс начался в 2011 г., когда была дифференцирована ответственность за взяточничество с установлением повышенных мер наказания по признаку значительного размера в ч. 2 ст. 290, ч. 2 ст. 291, крупного размера в ч. 4 ст. 291, особо крупного размера в ч. 6 ст. 290 и ч. 5 ст. 291 УК РФ. Эти изменения наряду с выделением состава посредничества во взяточничестве были внесены ранее упомянутым президентским законопроектом, в дальнейшем ставшим Федеральным законом от 04.05.2011 № 97-ФЗ. При этом в пояснительной записке отмечалось, что «в целях дифференциации ответственности в УК России закрепляются четыре вида взятки в зависимости от их размера: простая взятка – до 25 тыс. руб.; взятка в значительном размере – от 25 тыс. руб. до 150 тыс. руб.; взятка в крупном размере – от 150 тыс. руб. до 1 млн руб.; взятка в особо крупном размере – свыше 1 млн руб.»¹⁵.

В 2016 г. этот тренд продолжен за счет аналогичной дифференциации уголовной ответственности за коммерческий подкуп. Так, наряду с дифференциацией уголовной ответственности в виде проектирования состава посредничества в коммерческом подкупе ранее названным Федеральным законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ была осуществлена дифференциация коммерческого подкупа по признаку значительного размера в ч. 2 и 6 ст. 204, крупного размера – в п. «в» ч. 3 ст. 204 и п. «г» ч. 7 ст. 204, особо крупного размера – в ч. 4 и 8 ст. 204 УК РФ. Более того, УК РФ был дополнен двумя самостоятельными статьями, устанавливающими ответственность за мелкий коммерческий подкуп (ст. 204.2 УК РФ) и мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ). Иными словами, простой взяткой (подкупом) законодатель предложил считать взятку (подкуп), величина которой превышает 10 тыс. руб. В пояснительной записке отмечалось, что «в 2012–2015 годах подавляющее большинство... дел по факту... подкупа... взятки возбуждалось при сумме менее 10 тысяч рублей. Учитывая небольшую обще-

ственную опасность таких преступлений и принимая во внимание необходимость реализации принципа справедливости при назначении уголовного наказания за эти деяния, предлагается... установить уголовную ответственность за... подкуп... взятки, размер которых не превышает 10 тыс. руб. При этом... в санкциях... установить более мягкое наказание...»¹⁶. Данные судебной статистики за 2017 г. демонстрируют, что по ст. 204.2 УК РФ осуждено лишь 52 лица, в то время как по ст. 204 УК РФ – 261 лицо (в 2016 г. – 275 лиц); по ст. 291.2 УК РФ – 2 757 лиц, в то время как по ст. 290 и 291 УК РФ – 2492 лица (в 2016 г. – 5 118 лиц). Иными словами, произошло перераспределение осужденных по соответствующим статьям с явным приращением числа лиц, осужденных за мелкое взяточничество (подкуп).

Представляется, что данные о значительной доли мелкого взяточничества (подкупа) в их общем объеме, то есть о значительной распространенности мелких видов, свидетельствуют о том, что типовая общественная опасность таких деяний ничуть не снижается¹⁷, и следовательно, уголовную ответственность нужно ужесточать, а не смягчать. Иное решение означает постепенное признание законодателем мелкой взятки хотя и наказуемой, но устойчивой социальной практикой. Хочется подчеркнуть, что взяточничество должно быть социально недопустимым вариантом поведения, а размер взятки (подкупа) не должен служить критерием конструирования привилегированных составов преступлений, коими являются составы, описанные в ст.ст 204.2 и 291.2 УК РФ.

В настоящее время Президентом РФ поставлена задача выработать квалифицирующие признаки и, соответственно, ужесточить ответственность за квалифицированные виды мелкого взяточничества. С одной стороны, обращает на себя внимание односторонность такого подхода, поскольку речь идет только о мелком взяточничестве, но не о мелком коммерческом подкупе, что, на наш взгляд, совсем нерационально – следует изначально отказаться от «временного лага», который законодатель допускал ранее, несинхронно изменяя нормы о взяточничестве и коммерческом подкупе в период 2011–2016 гг. С другой стороны, научная общественность должна обратить свое внимание и внимание Президента РФ на не оптимальность избранной законодателем модели уголовно-правового регулирования, предложить отказаться от состава мелкого взяточничества как такового, унифицировать ответственность за взяточничество и коммерческий подкуп.

В-третьих, в 2018 г. законодатель пошел еще дальше – дифференцировал уголовную ответственность за взяточничество и подкуп по сфере деятельности. Так, Федеральным законом от 23.04.2018

№ 99-ФЗ уголовный закон был дополнен новой статьей – ст. 200.5 УК РФ «Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществлению закупок». Как и большинство предыдущих законов в рассматриваемой области, он был принят по инициативе Президента РФ (за 2 месяца). В пояснительной записке обращалось внимание на то, что «не предусмотрена ответственность и за подкуп работников контрактной службы, контрактных управляющих, членов комиссии по осуществлению закупок и других лиц, принимающих непосредственное участие в закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд»¹⁸. Данный путь детализации составов по сфере деятельности нельзя признать оптимальным, поскольку соответствующие деяния всецело охватывались ранее существовавшими составами. Именно в этой связи в ч. 1 и 4 ст. 200.5 УК РФ и содержится оговорка о применимости только «при отсутствии признаков преступлений, предусмотренных» ст.ст. 204, 290, 291 УК РФ. Следует согласиться с позицией П. С. Яни и А. В. Бриллиантова о том, что «судебная практика относит к организационно-управленческим функциям и полномочиям работников по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия. Юридический характер таких решений означает, что они порождают, изменяют либо прекращают правовые отношения»¹⁹. Любые решения соответствующих работников контрактной службы, контрактного управляющего, членов комиссии, за которые им может передаваться (они могут получать) предмет подкупа, имеют юридическое значение. Вместе с тем, если и существовали отдельные сложности в квалификации деяний названных лиц, то их решение вполне можно было бы осуществить на основе толкования Верховным Судом РФ признаков «организационно-управленческие» и «административно-хозяйственные» функции с целью обеспечения единообразия правоприменительной практики на территории Российской Федерации. Права профессор Н. А. Лопашенко в том, что «нельзя создавать отдельную норму на каждый факт отклоняющегося поведения, даже если оно – поведение – общественно опасно»²⁰. Следуя иной логике, приходится ожидать, что уголовный закон начнет дополняться нормами о «подкупе работника регионального оператора по капитальному ремонту», о «подкупе работника финансовой организации» и т. д.

Подводя итог, следует констатировать, что с 2011 г. уголовная политика в области взяточничества и коммерческого подкупа отличается непоследовательностью и противоречивостью избираемых законодателем моделей уголовно-правового регулирования. В современных условиях назрела явная потребность скорректировать даль-

нейшее направление совершенствования уголовного законодательства, унифицировав ответственность за взяточничество и коммерческий подкуп в рамках единого уголовно-правового запрета, а также отказавшись от необоснованного проектирования привилегированных составов по размеру взятки (коммерческого подкупа) и по сфере деятельности.

¹ Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / колл. авторов; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М.: Наука, 1982. 303 с.

² Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / колл. авторов; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М.: Наука, 1982. С. 9.

³ Жалинский А.Э. Избранные труды: в 4 т. Т. 2 Уголовное право. М.: ИД ВШЭ, 2015. С. 52.

⁴ Парог А.И. Уголовно-правовые позиции российского законодателя // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 5. С. 46–60.

⁵ Портнова Ю.В. Должностное лицо как специальный субъект преступления: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2004. 22 с. С. 9.

⁶ Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2018).

⁷ Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2018).

⁸ Портал открытых данных официального сайта Государственной Думы. URL: <http://api.duma.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2018).

⁹ Волженкин Б.В. Служебные преступления. М.: Юристъ, 2000. 368 с.

¹⁰ Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2018).

¹¹ Волков К. А. «Нормы аватары» в уголовном законе: понятие и проблемы // Уголовное право: стратегия развития в XXI в. М., 2016. С. 106–107.

¹² Голик Ю.В. Уголовное право и криминология должны «работать» вместе // Криминологические основы уголовного права. М., 2016. С. 56–57.

¹³ Мирошниченко Д.В. Мелкое взяточничество: проблемы уголовно-правовой квалификации и регламентации // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2016. № 4 (43). С. 63–64.

¹⁴ Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2018).

¹⁵ Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2018).

¹⁶ Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2018).

¹⁷ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960. С. 100.

¹⁸ Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://sozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2018).

¹⁹ Бриллиантов А., Яни П. Должностное лицо: организационно-распорядительные функции // Законность. 2010. № 6. С. 10–15.

²⁰ Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 112–113.

О тенденциях к совершенствованию мер предупреждения преступлений, совершаемых сотрудниками Госавтоинспекции МВД России

С. А. НОВОСЕЛОВ,

*доцент кафедры административной деятельности
Тверского филиала Московского университета МВД России
им. В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук*

В статье приводится анализ деятельности сотрудников ГИБДД МВД России по исполнению административного законодательства. Определены виды правонарушений, существенно нарушающие охраняемые общественные отношения в области безопасности дорожного движения, которые могут обуславливать криминальный умысел сотрудников на совершение преступлений. Выявлены недостатки в правовом и организационном обеспечении деятельности, связанной с исполнением наказаний о лишении права управления транспортными средствами. Предложены меры по совершенствованию (декриминализации) деятельности по исполнению административного законодательства о лишении права управления транспортными средствами.

Совершенствование деятельности по исполнению административного законодательства, предупреждение преступлений, совершаемых сотрудниками ГИБДД МВД России, доверие граждан, органы внутренних дел, криминологическое исследование.

Предупреждение преступлений, как задача уголовного закона, обязывает государство использовать широкий круг методов и средств в борьбе с преступностью и определяет основы современной уголовной политики России¹.

Смягчение наказаний и декриминализация отдельных составов преступлений в отношении лиц, которые впервые совершили противоправные деяния небольшой тяжести², в 2018 г. позволило действенным образом повлиять как на статистику преступности³ в целом, так и на загруженность учреждений уголовно-исполнительной системы ФСИН России⁴ в частности.

По этому поводу В. А. Максименко⁵ замечает, что «количество колоний для простых людей, которые не были связаны со службой в правоохранительных органах, в последнее время значительно сократилось, однако резко увеличилось количество колоний для бывших сотрудников»⁶.

В этой связи обоснованно встает вопрос о причинах таких кардинальных изменений ⁷.

Опираясь на ранее проведенное исследование⁸, можно с уверенностью сказать о том, что преобладающая часть бывших сотрудников правоохранительных органов, отбывающих сегодня наказание в местах лишения свободы, являются в прошлом сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, в числе которых примерно 25 % бывших сотрудников ГИБДД МВД России.

Учитывая представленную структуру, актуальным видится продолжение изучения детерминант преступности сотрудников Госавтоинспекции и, как следствие, выявление тенденций к совершению мер предупреждения преступлений, совершаемых сотрудниками ГИБДД МВД России.

Анализ преступных посягательств сотрудников ГИБДД МВД России показывает, что доля должностных преступлений в общей массе преступных деяний, совершаемых сотрудниками Госавтоинспекции, составляет более 77 %⁹. Около 50 % из них совершается сотрудниками службы при выявлении нарушений правил дорожного движения со стороны водителей транспортных средств. В числе которых 90 % совершается на стадии возбуждения дел об административных правонарушениях и примерно 10 % – при исполнении постановлений о привлечении виновных к административной ответственности.

Относительно невысокий уровень криминализации деятельности по исполнению административного законодательства Российской Федерации в области обеспечения безопасности дорожного движения не может характеризовать данное направление с точки зрения ее защищенности от криминальных угроз, а напротив, указывает на то, что представленный функционал отличается наличием условий для совершения латентных преступлений. Сказанное подтверждается тем, что к административной ответственности привлекается лишь 68 % правонарушителей, которые самостоятельно не исполняют обязанность сдать водительское удостоверение в подразделение ГИБДД после вынесения постановления о лишении права управления транспортными средствами. Вследствие этого примерно 32 % правонарушителей сегодня уходят от ответственности, несмотря на прямое указание Верховного суда о невозможности освобождения таких лиц от ответственности, поскольку управление водителем, находящимся в состоянии опьянения, транспортным средством существенно нарушает охраняемые общественные правоотношения, независимо от роли правонарушителя, размера вреда, наступления последствий и их тяжести¹⁰.

Между тем, лишение права управления транспортными средствами законодатель устанавливает не только за совершение правонарушений, предусмотренных статьями 12.8 и 12.26 КоАП РФ, но и по другим 28 составам административных правонарушений, указанным в Главе 12 КоАП РФ, в числе которых, следует назвать ч. 1.1 ст. 12.1, ч. 2 и 4 ст. 12.2, ч. 3, 4, 5 и 6 ст. 12.5, ч. 4, 5 и 7 ст. 12.9, ч. 1 и 3 ст. 12.10, ч. 3 ст. 12.12, ч. 4 и 5 ст. 12.15, ч. 3 и 3.1 ст. 12.16, ч. 2 ст. 12.17, ч. 3, 5 и 6 ст. 12.21.1, ч. 1 ст. 12.21.2, ч. 5 ст. 12.23, ч. 1 и 2 ст. 12.24 и ч. 2 и 3 ст. 12.27 КоАП РФ. Указанные правонарушения, а вернее комплекс общественных отношений, возникающий в связи с ними, способны формировать условия для совершения преступлений сотрудниками ГИБДД МВД России.

Анализ норм административного законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики показывает, что исполнение постановлений судей о лишении права управления транспортными средствами исполняется должностными лицами органов внутренних дел путем изъятия и хранения водительского удостоверения в течение срока лишения. При этом законодатель определяет две формы реализации исполнения таких постановлений: путем самостоятельной сдачи водительского удостоверения в подразделение ГИБДД лицом, лишенным такого права, и путем его принудительного изъятия у лиц, которые такую обязанность не выполнили в течение трех рабочих дней после вступления постановления в законную силу.

Между тем в целях реализации принципа неотвратимости наказания законодатель предусматривает возможность прерывания срока исполнения постановления в отношении лиц, уклоняющихся от сдачи водительского удостоверения. Тем самым, казалось бы, предупредительное значение наказания реализовано, суть которого, как указывал Ч. Беккариа, «обуславливается вовсе не его жестокостью, а его неотвратимостью»¹¹.

Однако действующий закон не содержит нормативного указания о порядке такого прерывания и его процессуального оформления. Отсутствуют такие указания и в Методических рекомендациях Госавтоинспекции¹².

Экспертный опрос сотрудников по исполнению административного законодательства ГИБДД МВД России показывает, что в случае неисполнения лицом, лишенным права управления транспортными средствами, обязанности сдать водительское удостоверение, данное лицо признается уклоняющимся и срок автоматически прерывается. При этом решение о прерывании срока исполнения постановления документируется лишь записью в журнале учета

материалов о нарушении правил дорожного движения и внесением указанных сведений в базу данных ФИС ГИБДД – М без составления соответствующего определения и уведомления лица.

Действующий сегодня порядок умаляет главенствующий в праве принцип законности. Субъективная оценка факта уклонения от исполнения постановления и принятие таких же субъективных решений об исчислении сроков лишения специального права и давности привлечения к ответственности создают условия для криминализации данной деятельности и тем самым отрицательно влияют на уровень доверия граждан к полиции. Разрешение представленной проблемы видится в реализации мер организационного и административно-правового характера. А именно, путем внесения дополнений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и формирования единого подхода к практике исполнения постановлений о лишении права управления транспортными средствами.

Учитывая вышесказанное, полагаем целесообразным: 1. Внести дополнение в ст. 32.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, дополнив ее ч. 2.1 следующего содержания: «О прерывании исполнения постановления должностным лицом органа, уполномоченного исполнять постановление о лишении специального права, выносится определение, копия которого направляется лицу, лишенному специального права». Утвердить единый порядок исполнения постановлений о лишении права управления транспортными средствами, в котором предусмотреть обязанности должностных лиц ГИБДД МВД России: а) признавать уклоняющимся от сдачи водительского удостоверения лицо, в отношении которого вступило в законную силу постановление судьи о лишении права управления транспортными средствами на определенный срок и которому разъяснен порядок исполнения постановления о лишении права управления транспортным средством; б) при вынесении судьей указанного выше постановления в отсутствие лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, и в случае, если в постановлении отсутствует разъяснение о порядке исполнения постановления о лишении права управления транспортными средствами, в адрес лица, лишенного права управления транспортным средством, направлять уведомление о порядке исполнения постановления; в) по истечению срока предоставленного лицу для самостоятельного исполнения постановления выносить определение о прерывании исчисления срока лишения права управления транспортными средствами; г) регистрировать определение о прерывании исчисления срока лишения пра-

ва управления транспортными средствами в специальном журнале и вести соответствующее накопительное дело; д) после вынесения определения о прерывании исчисления срока лишения права управления транспортными средствами и его регистрации, незамедлительно направлять копию определения в адрес лица, лишенного права управления транспортными средствами; е) с целью надлежащего информирования лица перед направлением копии определения проводить сверку данных места жительства с информационной базой регистрации граждан по месту жительства; ё) приобщать к материалам накопительного дела (исполнения постановлений о лишении права управления транспортными средствами) определение о прерывании исчисления срока лишения права управления транспортными средствами и уведомление о вручении копии такого определения лицу, лишенному права управления; ж) ориентировать наряды, заступающие на службу, на выявление лиц, не исполнивших обязанности о сдаче водительского удостоверения, а также о транспортных средствах, на которых они могут передвигаться; з) ежедневно вести журнал учета лиц, сдавших водительское удостоверение или заявивших об его утрате.

Реализация представленных мер сможет оказать влияние на снижение уровня криминализации деятельности ГИБДД МВД России, окажет предупредительное воздействие на лиц, допускающих возможность совершения административных правонарушений, санкция за совершение которых предусматривает лишение права управления транспортными средствами, и тем самым повысит авторитет государства и полиции.

¹ Мартыненко Н.Э. Уголовно-правовая охрана потерпевшего: дис. ... на соискание уч. степени докт. юрид. наук / Академия управления МВД России. М., 2015. 508 с.

² О внесении изменений в уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: Федеральный закон РФ от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Рос. газ. 2016. № 149.

³ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – сентябрь 2018 года // [Электронный ресурс] URL:[https:// https://mvd.rf/gerports/item/14696015/](https://mvd.rf/gerports/item/14696015/).

⁴ Максименко В.А. Интервью Ю. Кабаладзе, С. Сорокиной в программе «В круге света» радиостанции «Эхо Москвы», 13 ноября 2018 г. // [Электронный ресурс] URL:<https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fecho.msk.ru%2Fprograms%2Fsorokina%2A2113766-echo%2F> (дата обращения: 27.11.2018).

⁵ Максименко Валерий Александрович, заместитель директора ФСИН России, генерал- лейтенант внутренней службы.

⁶ Максименко В.А. Интервью в программе «В круге света», 13.11.2018.

⁷ *Русаков В. К., Долинко В. И.* Значение резерва для выдвижения на руководящую должность и основные принципы его функционирования // В сборнике «Полицейское образование в XXI веке: материалы Всероссийской научно-практической конференции [Электронный ресурс]. Академия управления МВД России. 2017. С. 164–167.

⁸ *Новоселов С. А.* Предупреждение преступлений, совершаемых сотрудниками Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России: автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. юрид. наук. М., 2016. 24 с.

⁹ *Новоселов С. А.* Причины преступности сотрудников ГИБДД МВД России // Закон и право. №4. 2014. С. 97.

¹⁰ О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 октября 2006 г. № 18. Рос. газ. 2006. № 250. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях. М.: Инфра-М, 2004. 184 с.

¹² О направлении Методических рекомендаций (вместе с Методическими рекомендациями по организации деятельности подразделений Госавтоинспекции при производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения). Письмо МВД России от 18.06.2003 № 13/п-72 (ред. от 01.10.2007) // URL: <http://www.sudact.ru/law/pismo-mvd-rf-ot-18062003-n-13ts-72/prilozhenie> (дата обращения: 01.07.2018).; Порядок исполнения постановления о лишении права управления транспортными средствами. Указание ГИБДД МВД России от 13.07.2010 № 13/9-529 // URL: <http://www/legalacts.ru/doc/ukazanie-gibdd-rf-ot-13072010-n-139-529> (дата обращения: 05.07.2018).

Состояние и перспективы уголовно-правовой защиты свобод личности в Российской Федерации

Д. И. НИКУЛОВ,

*заместитель начальника полиции ОМВД России
по Щекинскому району Тульской области*

Статья посвящена анализу современных проблем уголовно-правовой защиты личной свободы человека, прежде всего с учетом санкций норм, устанавливающих ответственность за посягательства на свободу личности. Автором осуществлен анализ действующего российского законодательства и научных работ в области уголовного права, на этой основе сделан вывод о необходимости совершенствования механизма уголовно-правового регулирования свободы личности в Российской Федерации, в контексте оптимизации процесса реализации уголовной ответственности.

Свобода человека, личная свобода человека, санкции норм, мера государственного принуждения.

Криминологическая обстановка в России в начале XXI в. характеризуется актуализацией задач борьбы с целым комплексом новых угроз личной безопасности граждан. Общее усиление уголовно-правовой охраны безопасности личности в последние десятилетия нашло свое выражение в создании новых составов преступлений и повышении уровня ответственности за их совершение.

Эта тенденция в развитии уголовного законодательства вызвана, в частности, объективной необходимостью реагирования на изменение качественной характеристики общеуголовной преступности в целом, в сторону преобладания насильственных посягательств и иных преступлений повышенной общественной опасности, распространенности особо циничных форм низменной мотивации некоторых преступлений. Интенсификация методов уголовно-правового противодействия этим проявлениям соответствует конституционной задаче государственной охраны прав и безопасности граждан, требует реконструкции содержания их диспозиций, уточнения наименований этих составов, расширения системы квалифицирующих признаков и ответственности.

Проблема совершенствования уголовного закона в сфере регулирования преступлений против свободы личности неоднократно обсуждалась в научных и общественных кругах. Вместе с тем, имевшие место исследования преимущественно ориентированы на

исследование отдельных составов преступлений. Между тем, оптимизация уголовно-правовой политики в области обеспечения свободы человека должна основываться на всестороннем и комплексном подходе к данной проблеме, что, безусловно, предполагает учет ряда факторов, таких как приведение норм национального права в соответствие с принципами и нормами международного права и нормативное правовое регулирование свободы личности с учетом разработанных методологических и доктринальных основ, предусматривающих разграничение понятий свободы личности и права человека на личную свободу¹.

Принимая во внимание использование в международном праве правовой категории «права человека на свободу» и разграничение в зарубежной и национальной правовой доктрине собирательного термина «свободы человека» и понятия «личной свободы человека», исследователи данной проблематики считают целесообразно внести изменения в название гл. 17 УК РФ и привести в соответствие с универсальными правовыми стандартами. В этой связи автор предлагает консолидировать составы, обеспечивающие уголовно-правовую охрану личной свободы человека, в рамках гл. 17 УК РФ – «Преступления против личной свободы, чести и достоинства»².

Анализ санкций норм, устанавливающих ответственность за посягательства на свободу личности, позволил выявить некоторое несоответствие в рамках их содержания. Так, похищение человека без отягчающих обстоятельств может повлечь назначение принудительных работ на срок до пяти лет или лишения свободы на срок до пяти лет. Основной состав незаконного лишения свободы предполагает назначение наказания, не превышающего двух лет лишения свободы. Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 127.1 УК РФ, наказывается лишением свободы на срок до шести лет, а деяние, регламентированное ч. 1 ст. 127.2 УК РФ, – до пяти лет лишения свободы. Незаконное помещение в психиатрический стационар наказывается ограничением свободы на срок до трех лет либо принудительными работами на срок до трех лет или лишением свободы на срок до трех лет.

Подобная вариативность отмечается в квалифицированных видах указанных составов преступлений. Преступления, регламентированные ч. 2, 3 ст. 126 УК РФ, предусматривают возможность назначения лишения свободы, соответственно, на срок от пяти до двенадцати и от шести до пятнадцати лет лишения свободы. Ответственность за незаконное лишение свободы, реализованное при отягчающих обстоятельствах (ч. 2, 3 ст. 127 УК РФ), варьируется от трех до пяти лет и от четырех до восьми лет лишения свободы,

значительно меня представление по поводу характера и степени общественной опасности указанных деяний. Установление квалифицирующих признаков торговли людьми и использования рабского труда влечет назначение наказания от трех до десяти (ч. 2 ст. 127.1, ч. 2 ст. 127.2 УК РФ) либо от восьми до пятнадцати лет лишения свободы (ч. 3 ст. 127.1, ч. 3 ст. 127.2 УК РФ)³. Предусмотренное санкцией нормы ч. 2 ст. 128 УК РФ максимальное наказание до семи лет лишения свободы указывает на вопросы, которые возникают в процессе уголовно-правового регулирования ответственности за посягательства на свободу личности. Фактически имеет место неоднозначный подход к установлению санкций за деяния, имеющие идентичные видовые характеристики.

Неоднозначный подход к оформлению санкций норм, регламентирующих меру государственного принуждения, изначально формирует неправильное представление относительно объекта уголовно-правовой охраны и особенностей объективной стороны указанных составов преступлений. Несоответствие меры государственного принуждения характеру и степени общественной опасности преступления и личности виновного, отягчающим обстоятельствам, меняющим юридическую оценку деяния, может повлечь назначение незаслуженного наказания либо иной меры уголовно-правового характера, не обеспечивающих решение поставленных законом задач и достижение установленных целей. Нарушение принципа справедливости при конструировании санкций норм, устанавливающих существенные различия в уголовно-правовых последствиях, наступающих при совершении различных преступлений против личной свободы человека, влечет назначение неадекватного наказания или иной меры уголовно-правового характера.

Соответственно, мера государственного принуждения, не соответствующая характеру и степени общественной опасности преступления, личности виновного, совокупности смягчающих и отягчающих обстоятельств, изначально выглядит неперспективной в плане реализации функций и достижения целей наказания. Ввиду нарушения общих начал назначения наказания и особого его порядка, заложенного в содержании санкции уголовно-правовой нормы, вероятными представляются отрицательные последствия его исполнения. Соразмерность регламентированного законом наказания предполагает унификацию норм, предусмотренных ст. 126–128 УК РФ, с учетом единого видового объекта, тождественной формы вины, отсутствия явных различий в объективной стороне преступлений. Анализ норм указывает на необходимость изменения категорий преступлений против личной свободы человека.

Приведение в соответствие санкций уголовно-правовых норм ввиду определенного сходства характера и общественной опасности посягательств на личную свободу человека и незначительных специфических особенностей каждого состава преступления, включая некоторые различия в последствиях их совершения, позволит обеспечить новый подход к уголовно-правовому регулированию ответственности за преступления, регламентированные ст. 126–128 УК РФ. В этой связи последовательными представляются предложения, направленные на оптимизацию форм реализации уголовной ответственности. Принимая во внимание повышенную общественную опасность объектов уголовно-правовой охраны и противоречивую природу санкций норм, предусмотренных ст. 126–128 УК РФ, рядом исследователей данной проблематики предлагается:

- отнести к категории средней тяжести преступления, закрепленные в ч. 1 ст. 128 УК РФ;
- отнести к категории тяжких преступления, регламентированные ч. 1 ст. 126, ч. 1 ст. 127, ч. 1 ст. 127.2 УК РФ;
- признать особо тяжкими преступления, предусмотренные ч. 2, 3 ст. 127, ч. 2 ст. 127.2 УК РФ⁴.

Анализ норм ст. 126–128 УК РФ позволяет отметить, что только за похищение человека, в соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ, уголовная ответственность предусматривается по достижении лицом четырнадцати лет. Между тем, повышенная общественная опасность других посягательств на личную свободу человека диктует необходимость снижения возраста наступления уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст.ст. 127, 127.1, 127.2 УК РФ, с шестнадцати до четырнадцати лет.

Вышеизложенные направления реконструкции Уголовного кодекса представляют собой обобщение лишь части высказанных в юридической литературе и в законопроектной практике предложений по дальнейшему развитию уголовного законодательства РФ, в части перспектив развития уголовно-правовой защиты личной свободы человека. С учетом современной криминогенной ситуации в Российской Федерации, появления новых задач борьбы с преступностью, последующие научные исследования и правоприменительная практика должны вносить свои коррективы в этот процесс.

Совершенствование механизма уголовно-правового регулирования свободы личности в Российской Федерации представляется невозможным без осуществления оптимизации процесса реализации уголовной ответственности. В свою очередь основными целями модернизации уголовного законодательства должно быть достижение положений, при котором оно будет развиваться в соответствии

с действительными социальными и экономическими потребностями и возможностями страны, обеспечивая баланс интересов личности, общества и государства⁵.

Таким образом, оптимизация уголовно-правового регулирования свободы личности предполагает совершенствование наказания и иных мер уголовно-правового характера. Обеспечение свободы личности в Российской Федерации уголовно-правовыми средствами требует использования новых подходов к реализуемой правоприменительной деятельности.

¹ См.: *Маркгейм М.В.* Защита прав и свобод человека и гражданина: Опыт системного конституционного осмысления: монография. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2003. С. 10.

² См.: *Авдеева Е.В.* Правовые основы регламентации свободы личности в международном праве // Бюллетень Министерства юстиции Украины. 2013. № 2. С. 98–103.

³ Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 17.03.2019).

⁴ См.: *Демидов И.Ф.* Проблема прав человека в российском уголовном процессе. М., 1995. С. 6.

⁵ См.: *Волженкин Б.В.* Российское уголовное право: традиции, современность, будущее. СПб., 2005. С. 20–21.

О некоторых криминологико-правовых основах предупреждения коррупции

В. Н. ОРЛОВ,
*профессор кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России,
главный редактор журнала
«Российский криминологический взгляд»,
доктор юридических наук, доцент*

В статье рассматривается подсистема криминологических антикоррупционных нормативно-правовых актов, определяются отдельные концептуальные проблемы, влияющие в целом на качество криминологического антикоррупционного законодательства или на отдельные процессуальные, процедурные аспекты его применения.

Криминологико-правовые основы, предупреждение, коррупция, криминологическое антикоррупционное законодательство, криминокоррупциология.

Одним из элементов предмета криминологического права является криминологико-правовые основы предупреждения коррупции. Сегодня в России создана уникальная, беспрецедентная по масштабам, качеству и количеству нормативно-правовых актов криминологико-правовая основа предупреждения коррупционной преступности и коррупционного преступного поведения.

В целом подсистема криминологических антикоррупционных нормативно-правовых актов соответствует общей системе криминологических источников и представляется следующим образом:

1) международные криминологические антикоррупционные акты, которые применяются в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, согласно которой общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы (Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН); Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключения в г. Страсбурге 27.01.1999); Модельный закон о борьбе с коррупцией (Принят в г. Санкт-Петербурге 03.04.1999 постановлением 13-4 на 13-о пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ); Конвенция Организации экономического сотрудничества и развития по борьбе с подкупом

должностных лиц иностранных государств при проведении международных деловых операций (принята в г. Стамбуле 21.11.1997), РФ присоединилась к Конвенции – ФЗ РФ от 01.02.2012 № 3-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок»); и др.);

2) Конституция РФ, конституционные федеральные и федеральные законы РФ, нормативно-правовые акты криминологического антикоррупционного характера на уровне Президента, Правительства, Федерального Собрания РФ (ФЗ РФ от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 30.10.2018) «О противодействии коррупции»; ФЗ РФ от 17.07.2009 г. № 172-ФЗ (ред. от 11.10.2018) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»; ФЗ РФ от 3.12.2012 № 230-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»; Указ Президента РФ от 19.05.2008 № 815 «О мерах по противодействию коррупции»; Указом Президента РФ от 21.09.2009 № 1065 (ред. от 09.08.2018) «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению»; Указ Президента РФ от 21.09.2009 № 1066 «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение государственных должностей Российской Федерации, и лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации, и соблюдения ограничений лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 01.07.2010 № 821 (ред. от 19.09.2017) «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов»; Указ Президента РФ от 29.06.2018 № 378 «О национальном плане противодействия коррупции на 2018 – 2020 годы»; и др.);

3) нормативно-правовые акты криминологического антикоррупционного характера министерств и ведомств органов исполнительной власти, например, приказы, инструкции и т. д. (Об утверждении Порядка проведения антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов и нормативных правовых актов Федеральной службы исполнения наказаний: приказ ФСИН России от 18.03.2010 № 97 (ред. от 19.11.2013); Об организации проведе-

ния антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов в системе МВД России: приказ МВД России от 24.02.2012 № 120 (ред. от 03.10.2017); и др.);

4) нормативно-правовые акты криминологического антикоррупционного характера органов государственной власти субъектов Российской Федерации (О мерах по противодействию коррупции в городе Москве: Закон г. Москвы от 17.12.2014 № 64 (ред. от 29.11.2017); О дополнительных мерах по противодействию коррупции в Санкт-Петербурге: Закон Санкт-Петербурга от 14.11.2008 № 674-122 (ред. от 28.06.2018) (принят ЗС СПб. 29.10.2008); О мерах по противодействию коррупции в Московской области: Закон Московской области от 10.04.2009 № 31/2009-ОЗ (ред. от 26.09.2017) (принят постановлением Мособлдумы от 02.04.2009 № 10/74-П); и др.);

5) локальные акты криминологического антикоррупционного характера государственных и негосударственных учреждений и организаций различных форм собственности, например, приказы, издаваемые руководителем организации, и др. (Политика компании в области противодействия корпоративному мошенничеству и вовлечению в коррупционную деятельность, утв. Решением Совета директоров ПАО «НК «Роснефть» 21.05.2018. Протокол от 21.05.2018 № 19. Введена в действие 27.06.2018 приказом ПАО «НК «Роснефть» от 27.06.2018 № 373; Кодекс корпоративной этики ОАО «Газпром», утв. решением Советом директоров ОАО «Газпром» от 25.02.2014 № 2309; и др.).

В настоящее время особое внимание уделяется качеству криминологического антикоррупционного законодательства.

По мнению профессора В.И. Червонюка, «качество закона – это интегративное свойство, отображающее внутренне присущую содержанию и форме закона совокупность социальных и юридических характеристик (свойств), определяющих его правовую природу, то есть социальную адекватность государственных установлений, совершенство их юридической формы и вследствие этого – способность при соответствующих условиях и отношениях адресатов (граждан и их объединений) обеспечить правомерный характер их деятельности, способствовать конструктивному достижению фактических результатов, вытекающих из целей закона»¹.

На наш взгляд, вопросы, связанные с качеством криминологического антикоррупционного законодательства, следует рассматривать в нескольких аспектах: 1) в процессе законотворчества, в том числе подготовке проектов, учета, анализа замечаний по проекту, роли, заинтересованности, лоббирования интересов различных

субъектов и т. д.; 2) в процессе применения, в том числе назначения, исполнения отдельных антикоррупционных мер, наличия противоречий, пробелов и т. д.; 3) в процессе претерпевания (или отбывания) лицом, в том числе возникновения потребности внесения изменений, дополнений и т. д.; 4) через эффективность, в том числе посредством анализа поставленных, достигнутых задач, целей, наступивших последствий и т. д.; 5) в процессе дальнейшего совершенствования антикоррупционного законодательства, в том числе в ходе обсуждения проблем, пробелов, коллизий и т. д., внесения изменений, дополнений и др.

Профессор Ю.В. Трунцевский считает, что «антикоррупционное законодательство Российской Федерации на данном этапе демонстрирует:

1) множественность образующих его нормативных правовых актов разной юридической силы и различной отраслевой принадлежности²;

2) разнораз направленность этих актов (публичная и частная сферы);

3) отсутствие баланса в количестве актов, нацеленных на противодействие коррупции в публичной и частной сферах (подавляющее количество актов направлены на противодействие коррупции в публичной сфере)³;

4) отсутствие единства принципов законодательного регулирования противодействия коррупции в публичной и частной сферах;

5) низкий уровень систематизации антикоррупционного законодательства⁴.

Обозначим и некоторые другие концептуальные проблемы, влияющие в целом на качество криминологического антикоррупционного законодательства или на отдельные процессуальные, процедурные аспекты его применения.

Во-первых, Российская Федерация ратифицировала ряд Конвенций⁵. Соответственно, действующее криминологическое антикоррупционное законодательство России должно быть приведено в соответствие с требованиями данных международных правовых актов.

В этой связи представляет определенный интерес положения ст. 26 «Ответственность юридических лиц» Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г., согласно которой каждое Государство-участник принимает такие меры, какие, с учетом его правовых принципов, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в преступлениях, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией (ч. 1). При условии соблюдения правовых принципов Государства-участника ответственность юридических лиц может быть уголовной,

гражданско-правовой или административной (ч. 2). Возложение такой ответственности не наносит ущерба уголовной ответственности физических лиц, совершивших преступления (ч. 3). Каждое Государство-участник, в частности, обеспечивает применение в отношении юридических лиц, привлекаемых к ответственности в соответствии с настоящей статьёй, эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие уголовных или не уголовных санкций, включая денежные санкции (ч. 4).

Заслуживает внимания и требует дополнительного криминологического-правового анализа ст. 20 «Незаконное обогащение» Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г., которую, к сожалению, Российская Федерация не ратифицировала. Кстати, в соответствии с п. 1 ст. 1 ФЗ РФ от 08.03.2006 № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» само незаконное обогащение Российской Федерация не признает преступным. Согласно ст. 20 рассматриваемой Конвенции при условии соблюдения своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое Государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, т. е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать. Заметим, что возможность установление уголовной ответственности за незаконное обогащение толкуется в юридической литературе по-разному⁶.

Во-вторых, одна из самых концептуальных проблем современного действующего криминологического антикоррупционного законодательства, как и в целом всего законодательства в сфере борьбы с преступностью, – это *ошибочное или неточное толкование тех или иных определений и понятий*. Например, законодатель определяет понятие «противодействие коррупции» как более широкое, чем термин «борьба с коррупцией», что методологически наверно. Не следует забывать, что термин «борьба с преступностью» предусматривается в ст. 114 действующей Конституции РФ. Справедливо отмечается в юридической литературе, что «основной закон государства закрепляет именно термин «борьба с преступностью», исходя из философского (а не военно-спортивного, как принято в последнее время) понимания борьбы как процесса, соответствующего одному из основных законов диалектики – закону единства и борьбы противоположностей»⁷.

Кроме того, само определение «коррупции» не является идеальным⁸ и требует дополнительной редакции. Представляется, что в дальнейшем ст. 1. «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» ФЗ РФ от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» должна быть дополнена не только другими понятиями и определениями, но и подвергнута существенной редакции.

Отметим также, что и само название ФЗ РФ № 273 не является вполне логичным. На наш взгляд, целесообразней следовало бы именовать данный закон «О предупреждении коррупции», что в полной мере соответствовало бы не только содержанию норм данного закона, но и закреплённому в ст. 3. принципу «приоритетное применение мер по предупреждению коррупции». К тому же напомним, что профилактика является только лишь одним из составных элементов предупреждения.

В-третьих, ощущается острая потребность в приведении ряда Федеральных законов в соответствие друг с другом. В частности, более общий (базовый) криминологический источник – ФЗ РФ от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений» должен учитывать положения ФЗ РФ № 273 и наоборот. Это касается, прежде всего, форм и мер профилактического воздействия, которые определены в ФЗ РФ № 182 и в ФЗ РФ № 273, а также многих иных вопросов, касающихся соответствия одного закона другому.

В-четвертых, следует в срочном порядке привести криминологическое антикоррупционное законодательство отдельных субъектов РФ в точное и неукоснительное соответствие Федеральному законодательству. Здесь необходима полномасштабная криминологическая экспертиза всего криминологического антикоррупционного законодательства субъектов РФ, с последующим реагированием.

Нельзя не отметить, что отдельные нормы законодательных актов субъектов РФ заслуживают внимания и являются наиболее прогрессивными по сравнению с положениями Федеральных законов. Так, например, в соответствии со ст. 3 Закона г. Москвы от 17.12.2014 № 64 (ред. от 29.11.2017) «О мерах по противодействию коррупции в городе Москве» одной из мер по противодействию коррупции в городе Москве является антикоррупционное образование и пропаганда. В ст. 6 ФЗ РФ № 273 подобной меры не предусматривается.

В-пятых, надлежит выработать и привести к единому подходу, знаменателю требования различных ведомственных источников (приказов, инструкций и др.) в различных сферах деятельности.

В процессе этой работы имеет смысл подумать о создании координационного центра по совершенствованию антикоррупционного законодательства, либо под эгидой Генеральной Прокуратуры РФ, либо под эгидой Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции. Следовало бы также подготовить Типовой Устав (или Наставление) о предупреждении коррупции для правоохранительных органов, который бы соединил все разрозненные приказы, инструкции, официальные методические рекомендации и т. д. и т. п.

В-шестых, качество того или иного закона напрямую зависит от его обязательного исполнения, отбывания (претерпевания) предупредительных мер, применения эффективных стимулирующих мер к правопослушному честному поведению, стремлению быть законопослушным гражданином. Если закон не исполняется, меры не отбываются и т. д., то закон не работает и, соответственно, ни о каком качестве закона и речи быть не может. Например, законодатель закрепил в ФЗ РФ № 273 ст. 13.3 «Обязанность организаций принимать меры по предупреждению коррупции». Однако эффективного механизма наступления ответственности в случае ее неисполнения увы, нет.

Здесь важен вопрос о *реальной ответственности субъектов, как исполняющих, так и отбывающих (претерпевающих) меры антикоррупционного предупредительного воздействия, в том числе ограничений, запретов, обязанностей, требований и т.д., а также эффективном применении мер, стимулирующих законопослушное поведение.* Разработка теоретических основ криминологической ответственности, стимулирования законопослушного поведения, криминологических исполнительных процессуальных положений по-прежнему очень актуальна и требует незамедлительного решения.

Еще в 1980-е гг. профессор Г. А. Аванесов отмечал, что «совершенно закономерна четкая и детально регламентированная правом дифференциация ответственности субъектов и объектов профилактического воздействия. Оно (такое воздействие) должно сочетаться с ответственностью каждого, кто осуществляет профилактику, и каждого, в отношении кого она осуществляется. Принцип неотвратимости ответственности в этом случае получит полную реализацию. Он будет «внедрен» в весь процесс профилактического воздействия...».

Для ответственного осуществления профилактической деятельности необходимо следующее:

во-первых, четкое определение круга должностных и общественных прав и обязанностей, компетенции каждого государствен-

ного органа (и должностного лица), общественной организации (представителя общественности), их полномочий в проведении профилактических мероприятий;

во-вторых, исчерпывающее ознакомление этих органов и организаций, должностных лиц и представителей общественности со всеми нормативным материалом, относящимся к сфере профилактики;

в-третьих, обеспечение их деятельности в организационном, материальном и техническом отношениях, т. е. создание всех необходимых условий для реального достижения целей профилактики, для выполнения ими своих обязанностей. Все это – именно главное, основное. Если нет четкости в определении компетенции, то обеспечить ответственность невозможно. Если нет знания нормативного материала, то нет и знания прав и обязанностей. Если деятельность не обеспечена организационно, материально и технически, то мало что дадут чувство долга, угроза «негативной» ответственности и ее применение. Названные три «элемента ответственности» тесно связаны друг с другом и представляют собой единство «ответственного дела»⁹.

Заметим также, что сам факт увольнения лица в связи с утратой доверия и внесение данного лица в реестр, уволенных в связи с утратой доверия, – это не решение проблемы, а исключительная, крайняя мера, сигнал о низкой эффективности проводимой предупредительной работы. Несомненно, профилактическая работа с такими лицами должна быть продолжена и в дальнейшем.

В-седьмых, в целях повышения качества закона, а также создания актуального, совершенного и соответствующего своему времени нормативно-правового акта следовало бы четко и ясно представлять, какие цели преследует законодатель в процессе применения мер по профилактике коррупции, соответствующих ограничений, запретов, обязанностей, требований и т. д. При этом должны регламентироваться понятие, средства, критерии и степени оценки достижения той или иной цели.

В-восьмых, в целях объективного применения антикоррупционного законодательства, а в дальнейшем и повышения его качества, следует создать киберпрограмму по отслеживанию правоприменения антикоррупционного законодательства, а также контроля за честным, правопослушным поведением сотрудников правоохранительных органов. Такая программа должна учитывать все on-line операции, давать ежегодные заключения и т. д. и т. п. Сам сотрудник от этих обязанностей должен быть освобожден. Он должен вызываться только для разъяснений фактов, вызывающих сомнения или требующих дополнительного пояснения. И наконец *в-девятых*, в целях криминологического антикоррупционного просвещения,

мониторинга качества и эффективности применения криминологического антикоррупционного законодательства, дальнейшего его совершенствования следовало бы ежегодно проводить международный антикоррупционный форум (или конференцию, семинар, круглый стол и т. д.), где бы не только обсуждались проблемы, коллизии и пробелы действующего законодательства, но и предлагались конкретные пути по его совершенствованию, меры, направленные на повышение качества антикоррупционного законодательства, подводились итоги за определенный период, определялись задачи и цели на будущее. По ряду причин такая конференция может проводиться и в закрытом межведомственном или даже ведомственном режиме. А резолюция и иные материалы такой конференции, например в органах внутренних дел, должны в обязательном порядке изучаться в рамках служебной подготовки.

Отметим также, что в течение ряда лет развивается частое криминологическое учение криминокоррупциологии. В целях совершенствования правотворческой антикоррупционной деятельности, криминологического антикоррупционного просвещения надлежит организовать изучение основ криминокоррупциологии не только депутатами законодательных собраний различного уровня, но и работниками правовых, кадровых управлений в различных сферах деятельности. Таким образом, перечень мер, направленных на повышение качества криминологического антикоррупционного законодательства, весьма объемён, требует дополнительного понимания и исследования.

¹ Червонюк В.И. Качество закона: современная концепция и проблемы демократизации // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 490–491.

² Их общую массу составляют: 79 федеральных законов; 20 актов Президента РФ; 5 актов Правительства РФ; 830 актов федеральных органов исполнительной власти; 112 актов иных органов и организаций.

³ 79 % общего количества нормативных правовых актов, нацеленных на противодействие коррупции, составляют акты, направленные на воспрепятствование коррупции в публично-правовой сфере, и только 18 % – в сфере бизнеса.

⁴ Трунцевский Ю.В. Лекция 3. Правовые основы противодействия коррупции в России / Ю.В. Трунцевский // Правовое обеспечение борьбы с коррупцией: курс лекций / Л.И. Беляева и др.; под ред. Ю.В. Трунцевского. М.: Академия управления МВД России, 2018. С. 50.

⁵ См.: О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции: Федеральный закон РФ от 08.03.2006 № 40-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1231; О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию: Федеральный закон РФ от 25.07.2006 № 125-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3424; О присоединении Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок: Федеральный закон РФ от 01.02.2012 № 3-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 6. Ст. 622.

⁶ *Чистяков А. А., Бугаевская Н. В.* Конвенция ООН против коррупции в сравнении с нормами Уголовного кодекса Российской Федерации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/konventsia-oon-protiv-korrupsii-v-sravnenii-s-normami-ugolovnogo-kodek-sa-rossiyskoj-federatsii>.

⁷ Нормативные правовые акты федерального уровня о профилактике преступлений: учеб. пос. / Е. Ю. Титушкина, Ю. В. Трунцевский, В. И. Старков, А. В. Аносов. М.: Академия управления МВД России, 2017. С. 6.

⁸ Более подробно см.: *Ищук Я. Г.* Коррупция: вопросы теоретического осмысления // Сетевое издание «Академическая мысль». 2018. № 1. URL: https://mvd.ru/upload/site120/folder_page/010/368/829/AM_1_2_mart_2018.pdf.

⁹ *Аванесов Г. А.* Криминология и социальная профилактика: учебник. М.: Академия МВД СССР, 1980. С. 491–492; *Аванесов Г. А.* Криминология: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Академия МВД СССР, 1984. С. 446–448.

Противодействие экономической преступности в современной России

Т. В. ПИНКЕВИЧ,
*профессор кафедры уголовного
и уголовно-исполнительного права
Нижегородской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор*

Анализ сложившейся ситуации в современной России свидетельствует о том, что уровень угроз экономической безопасности очень высок. Несмотря на тотальное в последние пять лет снижение числа зарегистрированных преступлений этого вида, криминологическая ситуация продолжает оставаться сложной.

Известно, что «с изменением экономических условий жизни и деятельности»¹ качественно изменяется экономическая преступность. Она становится все более интеллектуальной, профессиональной и организованной, с коррумпированными связями в структурах власти и управления, а в этой связи – требующей особого подхода при противодействии ей. Сегодня государством принимаются все необходимые меры по изменению сложившейся ситуации. Так, принят ряд документов, который определяет основные принципы, задачи и цели предупреждения преступности², прежде всего это Концепция общественной безопасности и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Так, содержание Стратегии позволяет рассматривать ее как программный документ, включающий замысел, указание на конкретную цель, способы и средства ее достижения, средства и ресурсы, которые могут быть затрачены в ходе обеспечения национальной безопасности. Поэтому переход от Концепции национальной безопасности к Стратегии национальной безопасности можно рассматривать как конструктивный переход от системы взглядов на эту проблему к постановке реальных целей, задач, способов и методов их осуществления.

В апреле 2014 г. утверждена новая редакция Государственной программы РФ «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», целью которой является обеспечение общественной безопасности, снижение уровня преступности, повышение эффективности деятельности в сфере профилактики преступлений, способствование росту доверия со стороны населения органам внутренних дел. Она рассчитана на период до 2020 г. с объемом финансирования 7,4 трлн руб.³

Принят и вступил в действие во втором полугодии 2016 г. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»⁴ – долгожданный нормативно-правовой акт, который, как представляется, опоздал как минимум на двадцать лет, и ожидали мы его в другой качественной редакции. Тем не менее, можно признать, что правовая основа предупреждения преступности, которую можно критиковать, имеет место быть, и создана единая государственная система профилактики преступности, которая будет и должна совершенствоваться. Таким образом, можно заключить, что концептуальные и законодательные основы противодействия преступности и обеспечение безопасности личности, общества и государства созданы и определены. Дело за практической реализацией целей, задач и принципов предупреждения преступности – правоприменительной деятельностью. И здесь возникает масса проблем и вопросов.

Во-первых, для того чтобы осуществлять действительную эффективную деятельность по противодействию экономической преступности, да и в целом преступности в России, необходимо знать реальную криминальную обстановку, но об этом можно только мечтать. В последующие годы (2008–2015) происходит резкое снижение количества зарегистрированных преступлений, без видимых причин. Количество зарегистрированных преступлений в сфере экономической деятельности, по данным МВД РФ, в 2016 г. сократилось на 3,5 % и составило 28 967 преступлений. Такая же ситуация и в предыдущие годы. На этом фоне интенсивно криминализируются все сферы экономики.

Приведу только один пример. Последние пять лет количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 180 УК РФ, снижается. В среднем их количество составляет 600 преступлений в год. С одной стороны, можно предположить, что появились серьезные правовые барьеры, которые не позволяют использовать незаконно чужие средства индивидуализации товаров. С другой стороны, сложно такое предположить, потому что товарами, на которых используются, например, товарные знаки всех брендовых марок, завалены магазины, рынки и даже аптеки. В данном случае следует говорить о высоком уровне латентности, а может, такая ситуация складывается по той причине, что противодействие отдельным видам преступления осуществляется как пиар-кампания, при этом даже такая деятельность непоследовательна. И подобная ситуация – со всеми преступлениями, ответственность за которые предусмотрена гл. 22 УК РФ.

Следует согласиться с мнением профессора В.В. Лунеева, который указал, что если хотя бы четверть экономических преступлений

стала известна правоохранительным органам, то есть выявлена, она бы в несколько раз превышала кражи, которые, по современной статистике, занимают более 50 % всех зарегистрированных преступлений⁵.

Это дает основание полагать, что реального объема преступлений мы не знаем, естественно мы не знаем и реальных социальных последствий, да и экономических тоже, и о прогнозе ее тенденций говорить не приходится. В то же время прогноз развития тенденций преступности, разработка мер борьбы с криминализацией общества требует изучения социально-экономической и криминогенной обстановки современного российского общества. Необходим мониторинг⁶, результаты которого должны быть положены в подготовку государственных программ по противодействию преступности, который должен также проводиться и по изучению деятельности по профилактике правонарушений⁷.

Следует отметить, что названным выше Федеральным законом проведение мониторинга в сфере профилактики правонарушений отнесено к основным направлениям профилактики правонарушений (п. 10 ст. 6), что, как представляется, противоречит, с одной стороны, понятию мониторинга, которое законодательно определено в п. 7 ст. 2. С другой – он не является направлением профилактики, а выступает вспомогательным материалом для повышения качественной и эффективной деятельности субъектов профилактики. Именно результаты такой деятельности должны быть положены в основу профилактики правонарушений в том или ином субъекте Российской Федерации. Это комплекс мероприятий, направленных на получение полной информации о состоянии профилактики правонарушений, о функционировании сложной системы в целях управления ею. В этой деятельности в полной мере должна использоваться информация о работе общественных приемных, молодежных и ветеранских организаций, учебных заведений, результаты мониторинга в интернет-среде. Особое место должно быть уделено анализу и прогнозированию причин и условий, способствующих совершению правонарушений, наблюдению за деятельностью субъектов профилактики правонарушений, определению мнения населения о профилактике правонарушений и деятельности субъектов профилактики.

Обращает на себя внимание и ст. 32 названного нормативно-правового акта, согласно которой мониторинг должны осуществлять субъекты профилактики правонарушений в пределах своей компетенции, то есть они сами дают оценку эффективности своей деятельности, что видится не совсем верным. Возникает вопрос о том, насколько она объективна. Ведь неоднократно шла речь о том, чтобы все оценочные функции о деятельности, например правоох-

ранительных органов, передавать независимым социологическим службам или экспертам⁸.

Так как социальные последствия экономической преступности крайне негативны, должна быть коренным образом изменена стратегия и тактика предупредительной деятельности. Необходим поиск более эффективных форм и методов проведения квалифицированной работы, которые и должны определить ее успех.

В противодействии экономической преступности основная роль отведена субъектам профилактики правонарушений, перечень которых определен ст. 5 названного Федерального закона⁹. В ст. 18 упомянутого Закона, помимо субъектов профилактики правонарушений, указаны и лица, участвующие в профилактике правонарушений, но непонятно, почему они выведены из числа субъектов профилактики. Их деятельность осуществляется в соответствии с предписаниями как названного Федерального закона, так и иных нормативных актов.

Как видим, законодатель вывел из числа субъектов профилактики граждан и их объединения, тем самым, как представляется, сделал большую ошибку, поскольку вклад населения в помощь правоохранительным органам при раскрытии преступлений неоценим и очень важен. Большие надежды возлагались на деятельность общественных объединений правоохранительной направленности, которые в настоящее время тоже не являются субъектами профилактики. Более того, эти законодательные положения противоречат п. 4 ч. 1 ст. 18 Закона РФ «Об участии граждан в охране общественного порядка»¹⁰, согласно которому народные дружинники при участии в охране общественного порядка обязаны принимать меры по предотвращению правонарушений.

Таким образом, негосударственная система профилактики правонарушений в названном нормативном акте не отражена, отсутствует и еще, как представляется, серьезный блок, который выпал из зрения законодателя, – это правовая пропаганда и правовое воспитание, на что уже обращалось внимание¹¹.

Федеральным законом «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» в качестве формы профилактического воздействия закреплено правовое просвещение и правовое информирование. В ст. 18 «Правовое просвещение и правовое информирование» указано, что в этих целях информацию, направленную на обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, общества и государства от противоправных посягательств, доводят до сведения граждан и организаций «путем применения различных мер образовательного, воспитательного, информационного, организационного или методического характера»¹².

Однако при высочайшем уровне правового нигилизма просто правовым информированием не обойтись. Необходимо осуществление комплекса мероприятий по пропаганде российского законодательства. Уделять особое внимание следует разъяснению сущности правонарушений и преступлений, их общественной опасности, а также проведению активных мероприятий по формированию стойкого неприятия обществом противоправных поступков.

В настоящее время, по результатам социологического исследования А. В. Мандрыко, пропаганда российского законодательства, как общепрофилактическая мера воздействия на правонарушения, используется в 17 % случаях¹³. В то же время такая работа, считает автор, «должна проводиться повсеместно, и только в этом случае уголовно-правовая пропаганда может стать действенным оружием в борьбе с любыми видами преступлений»¹⁴.

В п. 16 ч. 1 ст. 6 «Основные направления профилактики правонарушений» названного Федерального закона законодатель выделяет такое направление, как повышение уровня правовой грамотности и развитие правосознания граждан. Именно такая работа должна стать частью правового воспитания и ведущим направлением профилактической работы. При этом необходима многоуровневая программа подготовки (детский сад – школа – колледж – вуз).

Особое значение в деятельности по противодействию экономической преступности отведено всестороннему комплексному воздействию на ее причинный комплекс. Наиболее распространенным способом обеспечения комплексности в противодействии исследуемому виду преступности в соответствии со ст. 29 Федерального закона является разработка и реализация государственных программ Российской Федерации, государственных программ субъектов Российской Федерации и муниципальных программ по профилактике правонарушений.

По нашему мнению, наряду с этими программами должны приниматься и целевые программы по противодействию отдельных видов преступлений, в том числе и по противодействию экономической преступности, которая бы включала комплекс мер по устранению причин и условий, способствующих их совершению и распространению. Целью программы по противодействию экономической преступности должно стать сдерживание и последующее ее сокращение, снижение уровня общественной опасности. Это позволит проводить мероприятия по устранению, нейтрализации или ослаблению неблагоприятных факторов, способствующих росту экономической преступности.

¹ *Лунеев В. В.* О криминализации экономических преступлений предпринимателей // <http://www.crimpravo.ru/blog/1314.html>.

² Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утверждена 14.11.2013 № Пр-2685 URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/ (дата обращения: 17.05.2016); Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г. /: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12070277/#ixzz4EjtcXa1y>; О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ / <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/134216/>; О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ 31.12.2015. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_191669/ (дата обращения: 17.05.2016).

³ Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности: утверждена постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 345. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70544264/#ixzz4WWX1qrpj>.

⁴ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=199976&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.7524468668141593>.

⁵ *Лунеев В. В.* Экономика и преступность. Проблемы противодействия экономической преступности // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 202–203.

⁶ И опыт такой деятельности имеется. В 2000 г. автором был проведен мониторинг на одном из центральных вещевых рынков Ставропольского края, предметом которого стало изучение товаров, на которых незаконно использовались средства индивидуализации товаров и их покупательская способность, а также количество посетителей рынка и количество приобретенных товаров. В ходе исследования оказалось, что среднее количество лиц, посетивших рынок в 2000 г., составило 124 400 тыс. человек, при соответствующих расчетах выяснено, что 73, 6 % посетителей приобрели на рынке товары с незаконно использованными средствами индивидуализации. По арифметическим подсчетам в среднем в 2000 г. на территории Ставропольского края было совершено 1 688 090 нарушений, связанных с незаконным использованием товарного знака, знака наименования места происхождения товара и предупредительной маркировки. По данным же ИЦ ГУВД Ставропольского края и ГИАЦ МВД РФ, на территории края за названный период зарегистрировано 12 преступлений, предусмотренных ст. 180 УК РФ, а в целом по России – 42 таких преступления (см. подробно: *Пинкевич Т. В.* Криминологические и уголовно-правовые основы борьбы с экономической преступностью: дис. ... док-ра юрид. наук. М.: ВНИИ МВД России. 2002. С. 140.

⁷ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=199976&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.7524468668141593>.

⁸ *Долинко В. И.* Обеспечение экономической безопасности России органами внутренних дел в сфере государственных закупок // Российский следователь. 2011. № 7. С. 29–30.

⁹ К субъектам профилактики законодатель относит: федеральные органы исполнительной власти; органы прокуратуры, следственные органы Следственного комитета, органы государственной власти субъектов Российской Федерации; органы местного самоуправления.

¹⁰ Об участии граждан в охране общественного порядка: Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70627294/#ixzz4ZbYLqHng>.

¹¹ *Пинкевич Т.В.* Особенности предупреждения преступности в современной России // Проблемы детерминации современной преступности и ее предупреждения / под редакцией профессора А. И. Долговой. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2017.

¹² Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=199976&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.7524468668141593>.

¹³ *Мандрыко А.В.* Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия преступности в сфере интеллектуальной собственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 155.

¹⁴ *Мандрыко А.В.* Там же. С. 154.

Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов: проблемы правоприменения

Н. Н. ПАЩЕНКО,
*инспектор ОК УРЛС
Академии управления МВД России*

Настоящая статья содержит результаты анализа состава преступления, предусмотряемого ст. 200.1 Уголовного кодекса Российской Федерации «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов», введенного в действие в 2013 г. На основе существующей правоприменительной практики исследуются субъективные и объективные признаки данного преступного деяния. Целью настоящего исследования является определение соответствия криминализации указанного общественно опасного деяния фактическим задачам его криминализации. Особое внимание уделяется способам, предмету и назначенным за рассматриваемое преступление наказаниям. На основе анализа судебной практики определен криминологический портрет лиц, которые совершают указанное преступление. Указывается, что криминализация данного состава не способствует достижению целей по противодействию финансирования терроризма и легализации преступных доходов. Предложены практические рекомендации по совершенствованию законодательства

Контрабанда, ст. 200.1 УК РФ, денежные средства, криминализация, предмет контрабанды, ответственность, правоприменение.

Федеральный закон от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям» дополнил Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) ст. 200.1, которой предусматривается ответственность за контрабанду денежной наличности и инструментов. Криминализация данного состава обусловлена необходимостью приведения в соответствие национального законодательства рекомендациям Группы по разработке финансовых мер борьбы с отмыванием (легализацией) денег, а также в связи с наличием потребности в повышении эффективности борьбы с легализацией и отмыванием денежных средств, полученных преступным путем, зачастую используемых для финансирования терроризма и в иных преступных целях, подрывающих социально-экономические основы страны. За прошедших пять лет систематически появляются новые исследования,

посвященные анализу состава данного общественно опасного деяния, и нарабатывается правоприменительная практика ¹.

Преступление, установленное ч. 1 ст. 200.1 УК РФ, предусматривает наличие факта незаконного перемещения через границу Таможенного союза, функционирующего в рамках ЕАЭС, денежной наличности или инструментов, совершенного в крупном размере. В основной массе академических трудов идентично обуславливаются родовая, видовой и непосредственный объекты этого преступления. Исследователи не дают оценку оттенкам объекта данного рода преступлений. Однако мнение о том, что в качестве основного объекта исследуемого преступления выступают общественные отношения, которые регулируют нормальное функционирование сферы таможенного контроля и ВЭД, не исчерпывающее. При подобном раскладе упускается из виду тот фактор, что одной из причин включения ст. 200.1 в УК РФ являлась необходимость противодействия легализации и отмыванию денежных средств, которые были получены преступным путем. Видится, что причиной криминализации являлась необходимость защиты функционирования внешнеэкономической деятельности, а также поддержание государственной безопасности.

В качестве предмета рассматриваемого преступления выступают: денежная наличность и денежные инструменты, к которым относят документарные ценные бумаги, векселя, дорожные и банковские чеки, подтверждающие обязанность должника (эмитента) выплатить денежные средства, но не содержащие указания на лицо, которому предназначается эта выплата (прим. 5 к ст. 200.1 УК РФ). В делах, которые были изучены нами, предметом выступали исключительно наличные денежные средства. В п. 6 постановления Пленума Верховного суда РФ от 27.04.2017 года № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» указывается ориентировочный перечень деяний лица, совершающего преступление, предусмотренное ст. 200.1 УК РФ. Контрабанда денежной наличности и (или) инструментов является правонарушением с формальным составом. Объективной стороной данного преступления является деяние, которое состоит в нелегальном (незаконном) перемещении через таможенную границу Таможенного союза ЕАЭС предмета контрабанды. После совершения деяния преступление будет окончательным вне зависимости от наступления тех или иных последствий.

Существующая редакция рассматриваемой статьи не дает точного определения термина «перемещение», что приводит к необходимости обращаться к положениям Таможенного кодекса ЕАЭС (п. 22 ст. 4). Момент, когда контрабанда считается оконченной,

определяется исходя из формы и метода перемещения указанных предметов (ввоз, вывоз) и метода совершения контрабанды. Исследование практики судебных дел по ст. 200.1 УК РФ продемонстрировало, что неправомерность перемещения денежных средств выражалась в недекларировании денежной наличности или инструментов. Также сам факт незаконного перемещения обычно обнаруживается в аэропортах и в пунктах досмотра автомашин, факт обнаруживался вследствие проведения опроса лиц, подозреваемых в совершении контрабанды или выполнения индивидуального досмотра. Незаконно перемещаемые денежные средства часто обнаруживаются в путевой сумке, ручной клади, портфеле или в верхней одежде.

Анализируемые уголовные дела дают возможность установить, что 56 % преступников были осуждены по ч. 1 ст. 200.1 УК РФ за незаконное (нелегальное) перемещение через таможенную границу ТС в рамках ЕАЭС наличности в сумме от 20 000 до 30 000 дол. США, 33 % – от 30 000 до 40 000 дол. США, 13 % – от 40 000 до 50 000 дол. США. Деяние, предусмотримое ч. 2 ст. 200.1 УК РФ, будет считаться совершенным в особо крупном размере, если сумма незаконно перемещенной денежной наличности или инструментов превышает 5-ти кратную величину суммы денежной наличности или инструментов, допустимых таможенным законодательством Таможенного союза ЕАЭС к перемещению без формального декларирования. Согласно проанализированным нами уголовным делам 64 % осужденных по ч. 2 ст. 200.1 УК РФ за незаконную перевозку через таможенную границу ТС в рамках ЕАЭС суммы от 58 000 до 100 000 дол. США, а 36 % – от 100 000 до 160 000 дол. США. Можно заключить, что величина незаконно перевозимых денежных средств по проанализированным нами уголовным делам колеблется от 20 до 160 тыс. \$ США. Субъект рассматриваемого преступления – общий: уголовной ответственности подлежат лица, достигшие к периоду совершения деяния шестнадцати лет. В состав криминологического портрета преступника входят такие черты, которые являются общими для большинства осужденных: наличие детей на иждивении; положительная характеристика по месту жительства и работы; отсутствие судимостей; постоянное место работы. Исследуемое преступление совершается только по прямому умыслу. Достаточно редко встречаются апелляционные жалобы, в которых заявитель оспаривает законность вынесенного приговора в связи с неправильным установлением формы вины осужденного.

Деяние, предусмотримое ч. 2 ст. 200.1 УК РФ, будет признано совершенным в особо крупном размере в случае, если сумма

незаконно перемещенной денежной наличности или инструментов превышает 5-ти кратный размер суммы, которая разрешена действующим таможенным законодательством ЕАЭС для перемещения без обязательного письменного декларирования. Обзор материалов уголовных дел показывает, что около 64 % лиц осуждено по ч. 2 ст. 200.1 УК РФ за незаконную перевозку через таможенную границу ТС в рамках ЕАЭС суммы от 58 000 до 100 000 дол. США, а 36 % лиц осуждено за незаконное перемещение суммы от 100 000 до 160 000 дол. США. Следовательно, размер незаконно перемещаемых денежных средств по рассмотренным уголовным делам варьируется в диапазоне от 20 000 до 160 000 дол. США. Субъект рассматриваемого преступления – общий: к уголовной ответственности может быть привлечено лицо, которое на момент совершения контрабанды достигло 16-ти лет. В состав криминологического портрета преступника входят такие черты, которые являются общими для большинства осужденных: наличие детей на иждивении; положительная характеристика по месту жительства и работы; отсутствие судимостей; постоянное место работы. Исследуемое преступление совершается только по прямому умыслу. Достаточно редко встречаются апелляционные жалобы, в которых заявитель оспаривает законность вынесенного приговора в связи с неправильным установлением формы вины осужденного.

Так, при обжаловании судебного приговора адвокат просил отменить вынесенный приговор и прекратить уголовное дело в отношении осужденного по причине отсутствия в его действиях состава преступления. Адвокат ссылаясь на то обстоятельство, что у осужденного не имелось умысла на совершение преступного деяния по ст. 200.1 УК РФ, поскольку он был уверен в том, что оформленных за рубежом в иностранном банке документов на получение денег достаточно для их ввоза в Россию. Также адвокат указал, что осужденный не мог осознавать того, что перемещение денег через таможенную границу – общественно опасное деяние. В качестве основного довода приводится то, что в уголовном деле нет доказательств, которые свидетельствовали бы о наличии у осужденного прямого умысла на совершение данного преступления и осознания им степени общественной опасности совершенных действий. Судебная инстанция критически отнеслась к показаниям осужденного о том, что у него не было умысла на нелегальное перемещение денег через таможенную границу, а преступление совершено по причине незнания правил ввоза денежной наличности и денежных инструментов на территорию России. При этом суд указал, что у осужденного была возможность получить необходимые сведения

о порядке перемещения денежных средств. Деяние, которое предусмотрено ч. 1 ст. 200.1 УК РФ, не предусматривает наказания в виде лишения свободы. Однако штрафные санкции, предусмотренные за совершение этого преступления, являются достаточно существенными – от 10-ти до 15-ти кратной суммы незаконно перемещенной денежной наличности или денежных инструментов. В некоторых случаях в расчет может браться трехлетний доход человека, в отношении которого выносится обвинительный приговор.

По делам данной категории суд чаще всего присуждает наказание в виде штрафа в размере зарплаты осужденного за конкретный период времени (95 % от всего числа изученных дел). Крайне редко суд назначает наказание в виде ограничения свободы (всего в 5 % случаев). Чаще всего размер штрафа составляет около 100 000 руб. Но существуют прецеденты, когда судом назначался штраф в размере нескольких млн рублей. Только в 22 % случаев, помимо наказания в виде наложения штрафа, суд назначал и конфискацию имущества. В связи с указанным обстоятельством Верховным Судом РФ в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 12 от 27.04.2017 «О судебной практике по делам о контрабанде» было указано на необходимость применения конфискации вещей, которые незаконно перевозятся через таможенную границу, в тех случаях, когда субъект, признанный виновным в незаконной перевозке предмета контрабанды, является владельцем данного предмета. Следует отметить, что несмотря на относительно невысокий процент дел, по которым судами применялась конфискация, в судебной практике довольно редко имеют место случаи возврата денег законным владельцам. Не в последнюю очередь это обусловлено отсутствием единообразной трактовки положений УК РФ и УПК РФ.

В подведение итога отметим, что факты незаконной перевозки денег через таможенную границу достаточно распространены в современной судебной практике. К числу типичных характеристик данного состава преступления, которые были выявлены путем изучения и анализа материалов по уголовным делам, относятся:

- предмет незаконного перемещения (контрабанды) – наличные деньги;
- место совершения контрабанды – международные аэропорты;
- незаконность перемещения денег в виде недекларирования денежной наличности или денежных инструментов.

Чаще всего размер контрабанды варьируется в диапазоне 20–30 тыс. дол. США. Чаще всего за данное преступление суд назначает штраф в размере заработка виновного за конкретный период. Практически в каждом 5 случае помимо штрафа суд назначал конфиска-

цию имущества. Как показывает проведенный обзор правоприменительной практики, сложности при квалификации и доказывании совершения подобных деяний возникают крайне редко. Большая часть поступающих жалоб относится к правилам применения конфискации имущества. Сложившаяся судебная практика позволяет сделать вывод, что большинство расследованных уголовных дел не относятся к легализации денег и противодействию терроризму. Основная причина недеklarирования валюты, как показывает практика, заключается в незнании правил ее законного оборота, что подтверждает и криминологический портрет преступника. Таким образом, можно говорить о том, что цели криминализации общественно опасного деяния, заключающиеся в борьбе с легализацией денежных средств и противодействием финансированию терроризма, в настоящее время почти не достигаются. В условиях существенного масштаба теневой экономики и больших объемов вывода средств из РФ за границу отечественная правоохранительная система, по всей видимости, не готова к борьбе с наиболее общественно опасными разновидностями контрабанды. Таким образом, можем выделить одну из причин невысокого числа расследованных уголовных дел по квалифицированным составам контрабанды, речь идет о недостаточном уровне информационного обмена между странами – членами ЕАЭС о перемещении гражданами денег через внешнюю границу. При подготовке соответствующих нормативных актов появится возможность видеть всю картину перемещения наличных денег через всю внешнюю границу ЕАЭС (а не только через российский участок). При этом необходимо помнить, что противодействие рассматриваемому виду преступлений – всего лишь один из инструментов по выведению наличных денег из нелегального оборота, в связи с чем его следует рассматривать и применять в совокупности с иными мерами.

¹ Долинко В.И. Проблемы коррупции в России и за рубежом // Российский следователь. 2012. № 1. С. 37–39.

Правовые основы надзора как элемента профилактики правонарушений на региональном уровне

Д. В. ПОЛОВНИКОВ,
*слушатель 2-го факультета
Академии управления МВД России*

В статье рассматривается конкретизация нормативно-правовых актов федерального уровня, регулирующих профилактический надзор, посредством издания нормативно-правовых актов на региональном уровне.

Административное производство, административный надзор, профилактический надзор, профилактика правонарушений.

Действующая система профилактики правонарушений позволяет максимально использовать возможности органов публичной власти, населения и институтов гражданского общества, а также способствовать выработке единого механизма решения проблем, связанных с предупреждением правонарушений на региональном уровне.

Институт профилактики правонарушений является межотраслевым, в нем имеется множество нормативных правовых актов, регламентирующих профилактическую деятельность различных субъектов¹ в каждой из отраслей права. Однако в них не обобщена система форм профилактического воздействия и видов мер профилактической направленности. Именно поэтому вступивший в законную силу 22 сентября 2016 г. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» содержит формы профилактического воздействия, одна из которых – профилактический надзор, предполагающий осуществление наблюдения за поведением лица, состоящего на профилактическом учете², и соблюдение им ограничений, установленных в соответствии с законодательством Российской Федерации. При этом законодатель лишь ограничивается указанием на его отдельные особенности, что не позволяет раскрыть сущность указанной дефиниции.

Анализ современного законодательства позволяет выделить следующие особенности профилактического надзора:

1) *представляет собой государственно-правовую деятельность*. Государством определена необходимость выявления и устранения причин и условий, способствующих совершению правонарушений и преступлений, а также оказания воспитательного воздей-

ствия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений / преступлений или антиобщественного поведения.

На федеральном уровне выработаны правовые и организационные основы организации и осуществления профилактического надзора, в частности Уголовно-исполнительным кодексом РФ, Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», Федеральным законом от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» и др.

На региональном уровне также существуют правовые документы, которые регулируют вопросы профилактического надзора. Кроме того, утверждаются государственные программы правоохранительной направленности. К примеру: Государственная программа Кировской области «Обеспечение безопасности и жизнедеятельности населения Кировской области на 2013–2021 годы», утверждена постановлением Правительства Кировской области от 17.12.2012 № 186/767 (далее – Государственная программа). Государственная программа включает в себя две подпрограммы, которые направлены на обеспечение реализации государственной программы. Одна из них: «Профилактика правонарушений и борьба с преступностью в Кировской области на 2015–2021 годы». Кроме того, правовые акты федерального уровня, регулирующие профилактический надзор, могут конкретизироваться в правовых актах органов внутренних дел на региональном уровне. В частности, приказ УМВД России по Кировской области от 22.08.2012 № 652 «Об утверждении порядка взаимодействия сотрудников полиции по осуществлению административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»;

2) *устанавливается и осуществляется в принудительном порядке*, так как профилактический надзор применяется в связи с предыдущим противоправным поведением. К примеру, установление административного надзора и административных ограничений, а также их продление осуществляется исключительно в судебном порядке в соответствии с Законом;

3) *его целью* выступает проверка соответствия поведения поднадзорных лиц правовым предписаниям, выявление нарушений законности, предупреждение совершения правонарушений, вовлечение в их совершение других лиц и т. д.;

4) *носит систематический характер*, при ограниченных сроках профилактического надзора, к примеру в отношении несовершеннолетних и взрослых лиц;

5) *заключается в постоянном слежении* за поведением поднадзорного лица: изучение условий и образа жизни, наблюдение за его поведением, проведение проверок по месту жительства, работы, учебы, оказание воспитательного воздействия на него путем проведения бесед, пресечение фактов его противоправного поведения, устранение условий, способствующих совершению им правонарушений, и т. п.;

6) *его объектом выступает поведение физического лица*, состоящего на профилактическом учете³ и обязанного соблюдать вмененные ему ограничения. Ограничения, устанавливаемые поднадзорным лицам, связаны с ограничением прав и свобод личности. Ограничением прав и свобод являются допустимые Конституцией РФ и определенные федеральным законодательством изъятия из конституционного статуса человека и гражданина, при этом Конституционный Суд РФ занял гибкую позицию о возможности конкретизации ограничений в подзаконных актах (определение Конституционного Суда РФ от 12 июля 2006 г. № 378-О «По жалобе гражданина Владимирцева Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав частями шестой и восьмой ст. 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации»);

7) *осуществляется специальными субъектами исполнительной власти*, чьи надзорные полномочия включают как средства разрешения конкретных задач управления (разрешение, заключение, визирование, регистрация и т. д.), так и полномочия, реализующиеся в процессе наблюдения за проведением поднадзорных лиц. Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» определены субъекты профилактики правонарушений и их общие полномочия, которые могут конкретизироваться в нормативных правовых актах конкретных организаций (МВД России, ФСИН России и т. д.), а также в правовых актах регионального уровня, к примеру приказ УМВД России по Кировской области от 22.08.2012 № 652 «Об утверждении порядка взаимодействия сотрудников полиции по осуществлению административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»;

8) в случае выявления нарушений поднадзорными лицами установленных правил и норм *к виновным применяются отраслевые меры принудительного воздействия*. Например, сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних при уклонении осужденного от воспитания ребенка и ухода за ним вносят в уголовно-исполнительную инспекцию ходатайство об отмене отсрочки отбывания наказания.

Таким образом, на основе вышеизложенных признаков профилактического надзора законодателю необходимо сформулировать определение «профилактический надзор» для единообразного его использования в правоприменительной деятельности.

Профилактический надзор – это осуществление специализированными государственными органами и их представителями наблюдения за правонарушителями, категории которых указываются в законодательных или нормативных правовых актах, с целью проверки соблюдения ими правовых норм и коррекции их поведения, вплоть до применения соответствующих принудительных мер правового воздействия за несоблюдение или нарушение таких норм.

Таким образом, федеральное законодательство о «профилактическом надзоре» является основой для региональной практики, в то же время региональные правовые акты конкретизируют положения федерального с учетом внутренней специфики.

¹ См к примеру: *Ищук Я.Г.* Оперативно-разыскная профилактика: проблемы законодательного регулирования // Сборник материалов Регионального круглого стола «Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-разыскной деятельности» / под редакцией Е. Н. Билоуса, Г. С. Шкабина. 2015. С. 88–92.

² См. к примеру: *Ищук Я.Г.* Криминологическая характеристика и предупреждение органами внутренних дел преступлений, совершаемых условно осужденными: дис. на соискание уч. степени канд. юрид. наук / Московский университет МВД Российской Федерации. М., 2011.

³ См. к примеру: *Ищук Я.Г.* Личность, как объект оперативно-разыскной профилактики преступлений // *Оперативник (сыщик)*. 2017. Т. 53. № 4. С. 33–38.

Формирование и реализация уголовной политики по противодействию современной высокотехнологичной преступности в сфере информационных и телекоммуникационных технологий

Е. С. СМОЛЬЯНИНОВ,
*доцент кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

М. Ю. ВОРОНИН,
*профессор
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук*

В статье рассматривается содержание высокотехнологичной преступности, ее характеристика, оценка общественной опасности преступности высоких технологий, проблемы противодействия киберпреступности.

Предпринята попытка анализа основных криминологических признаков, характеризующих эту сферу преступной деятельности. Дана классификация преступлений в сфере высоких технологий.

Обозначены основные проблемы реализации уголовной политики в сфере высоких технологий, предложены пути их разрешения.

Высотехнологичная преступность, киберпреступность, информационные и коммуникационные технологии, уголовная политика России.

Сложившиеся представления о содержании такого понятия, как «высокие технологии», отраженные не только в специальной литературе, но и в нормативных правовых актах¹, позволяют его рассматривать как систему знаний, систему операций, систему методов и процессов, соответствующих или превосходящих по своим качественным показателям мировые аналоги.

Одним из таких направлений является предложенная Президентом Российской Федерации в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации в декабре 2016 г. и уже реализуемая Правительством программа развития экономики нового технологического поколения – «Цифровая экономика Российской Федерации», которая в полной мере отражает современные мировые тен-

денции. Но вместе с переходом государства и общества на новую платформу организации экономической деятельности туда же стремится проникнуть и преступность.

Существующие криминалистические и криминологические классификации относят к высокотехнологичным преступлениям, имеющим свое международное определение – «High-tech crimes», деяния, предполагающие активное использование современных технических средств и методов для целей преступной деятельности.

Использование высоких технологий, которые одновременно рассматриваются и как способ, и как средство, и как результат деятельности, требует наличия у преступников глубоких профессиональных знаний, умений и навыков в той или иной научно-технической сфере.

Что же объединяет в правовом поле данный термин в его различных ипостасях? Консолидирующим звеном является высокая степень использования новых знаний, что и вызвало появление понятия «высокие технологии», отражающего широкие возможности в области биотехнологий, химических технологий, радиоэлектроники, информационных, телекоммуникационных банковских технологий и других достижений современной науки и техники.

Например, новые биотехнологии позволили, с одной стороны, спасти человеческие жизни с помощью пересадки органов и тканей, а с другой – создать криминальный рынок органов и тканей человека. Научные достижения в области химии позволили преступникам синтезировать новые вещества, являющимися аналогами ряда наркотических средств и психотропных веществ, создавать новые отравляющие вещества, которые после применения распадаются, не позволяя специалистам их идентифицировать. Радиоэлектронные сканеры дают возможность автоугонщикам считывать коды автомобильных противоугонных систем и др.

Старые схемы организованной преступной деятельности тесно переплетаются с новыми возможностями, позволяющими формировать мобильные сетевые структуры. Современные преступные сообщества активно используют аутсорсинг, коллективное предпринимательство, платформенные решения. Одним словом, если преступники до середины XX в. «плелись в хвосте» технических, организационных и финансовых технологий, то сегодня они, несомненно, находятся в авангарде.

Поэтому правоохранительные органы должны решать эту проблему, обратившись к современным научным достижениям, техническим средствам и методам, необходимым для борьбы с высокотехнологичной преступностью. А для этого важна подготовка кадров,

способных противостоять новым видам высокотехнологичной преступности.

Особую нишу в сфере высоких технологий занимают информационные и телекоммуникационные технологии. Они стали частью современных управленческих систем во всех отраслях экономики, сферах государственного управления, обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка. Информационное общество, согласно Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203), – это общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан. В России оно характеризуется широким распространением и доступностью мобильных устройств (в среднем на одного россиянина приходится два абонентских номера мобильной связи), а также беспроводных технологий, сетей связи.

Перспективы развития этого приоритетного направления определяются следующими основными факторами:

1. Радикальной трансформацией информационных и телекоммуникационных технологий в условиях смены компонентной базы, развитие новых материалов, фотоники и др.
2. Усилением контроля над информацией в сети Интернет.
3. Наличием постоянно существующей временной дельты между требованиями безопасности и постоянным прогрессом в информационно-коммуникационной среде.
4. Ростом преступности, использующей информационные и телекоммуникационные технологии – киберпреступности.

Представляют интерес данные, размещенные на сайте Hackmageddon, которые отражают информацию об основных направлениях атак в информационной и телекоммуникационных сферах. В их числе кибершпионаж, составляющий 22,4 %, использование компьютеров и компьютерных сетей для продвижения политических идей – хактивизм, 7,9 %. Доминирует киберпреступность – 64,5 % – от числа всех кибератак.

Таким образом, высокотехнологичная преступность – это фактически изменение криминального поведения, определяемого новыми технологиями. Переосмысление высокотехнологичной преступности позволяет помочь определить будущие проблемы борьбы с преступностью. В свою очередь преступления в сфере информационных и телекоммуникационных технологий представляют собой особую сферу. Это связано с тем, что управление различными высокотехнологичными процессами, направленными, в том числе,

и на совершение преступления, осуществляется с использованием информационных и телекоммуникационных технологий. Все сказанное позволяет сделать вывод, что преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий являются «ядром» всей высокотехнологичной преступности, требуя детального изучения и постоянного внимания.

Преступность в сфере информационных и телекоммуникационных технологий получила широкое распространение. В последнее время представляет собой серьезную угрозу не только для отдельных субъектов, чья профессиональная деятельность связана с использованием информационных и телекоммуникационных технологий, но и для общества в целом. На этом слайде представлены данные об объектах компьютерных атак. Из этой информации следует, что чаще всего объектами таких атак становятся промышленность – в 28,9 % случаев, и правительственные учреждения – в 25 % случаев.

Эта статистика иллюстрируется результатом одной из крупнейших компьютерных атак в истории, которая состоялась 12 мая 2017 г., и которой подверглись около 100 стран. Для организации данной атаки хакеры использовали вредоносную программу, посредством которой злоумышленники шифруют необходимые пользователю файлы и требуют выкуп в обмен на разблокировку данных, чему способствовала уязвимость операционной системы Windows. Десятки тысяч компьютеров по всему миру подверглись заражению вирусом WannaCry.

В связи с чем представляют интерес данные, полученные зарубежными специалистами по разработке программного обеспечения в области информационной безопасности и защиты информации. Используя ряд специальных факторов, которыми определен уровень вредоносной компьютерной активности, исследователи ранжировали список из 20 стран, наиболее подверженным киберпреступности. В их число включена и Россия, войдя в группу государств с 2 % уровнем вредоносной активности.

Центр мониторинга и реагирования на компьютерные атаки в кредитно-финансовой сфере Банка России – FinCERT – провел анализ типов атак, направленных на организации кредитно-финансовой сферы в 2016 г. Атаки представляют собою как целенаправленное воздействие, так и массовые рассылки. Основой этих атак является социальная инженерия – обман, провоцирующий пользователя на совершение тех или иных действий, влекущих активизацию вредоносного программного обеспечения. От использования методов социальной инженерии не защитят никакие технические средства. Взломщики собирают данные, вооружившись знаниями

о человеческой психологии. Они присылают в социальных сетях вредоносные ссылки на новую композицию любимой музыкальной группы или отправляют бухгалтеру письмо с приложением «акт сверки», в котором, на самом деле, скрыт вирус.

Данные, предоставленные Банком России, свидетельствуют о низком уровне обращений физических лиц в случае совершения в отношении них несанкционированной операции с использованием платежной карты. Это обусловлено тем, что размер ущерба не превышает 3,7 тыс. руб.

В то время как средний объем несанкционированной операции со счета юридического лица лежит в пределах 2,76 млн руб. (различие более чем в 700 раз), что объясняет количество обращений юридических лиц в правоохранительные органы.

Согласно данным исследования «Лаборатории Касперского»² с участием более 350 представителей промышленных организаций по всему миру, включая Россию, за последние 12 месяцев каждая вторая промышленная компания в мире пережила от одного до пяти инцидентов в данной сфере – они затронули критически важные инфраструктуры или автоматизированные системы управления технологическими процессами. На устранение последствий этих инцидентов, случившихся в течение года, каждая компания потратила в среднем 497 тыс. долларов.

Опрос, проведенный «Лабораторией Касперского», также показал, что столкновение с угрозами не стало неожиданностью для промышленных предприятий – три четверти компаний допускают вероятность пострадать от компьютерных атак. Более того, 83 % респондентов считают себя хорошо подготовленными к тому, что в их промышленных инфраструктурах может произойти какой-либо инцидент.

Больше всего на сегодняшний день компании опасаются возможности заражения вредоносным программным обеспечением. И реальность показывает, что это не напрасно – 53 % пострадавших от инцидентов предприятий подтвердили случаи столкновения с различным вредоносным программным обеспечением.

Большинство преступлений в сфере высоких технологий носит скрытый характер. Мировой и российский опыт свидетельствует, что компании-провайдеры услуг связи и интернета порой скрывают недостатки программных и аппаратных комплексов, факты клонирования средств связи, хищения информации и услуг по соображениям престижа и сохранения клиентов, что является обманом клиентов и способствует безнаказанности преступников. Да и пользователи интернета далеко не все готовы соблюдать правовые нормы.

При этом постоянно расширяющиеся возможности таких программ способствовали трансформации деятельности преступников в один из профессиональных подвидов корыстной преступности, позволяющим осуществлять атаки на различные сферы.

Необходимо отметить и тот факт, что преступность в информационной и телекоммуникационной сфере не коррелируется с общей динамикой преступности в России, показывающей снижение ее уровня. И если в 2013 г. было зарегистрировано 11 104 подобных преступления, то уже в 2016 г. зарегистрировано 65 949 преступлений. Шестикратный рост числа зарегистрированных преступлений в информационной и телекоммуникационной сфере, так и числа преступлений, уголовные дела о которых находились в производстве, который произошел в 2015–2016 гг., обусловлен не только несовершенством статистического учета, связанного с необходимостью разграничения преступлений, совершенных с использованием информационных и телекоммуникационных технологий, от преступлений, совершенных непосредственно в информационной и телекоммуникационной среде, но и доступностью программных средств, позволяющих совершать киберпреступления даже слабо подготовленным пользователям.

Необходимо обратить внимание на то, что к числу преступлений, совершаемых непосредственно в информационных и телекоммуникационных сферах, относятся:

- неправомерный доступ к компьютерной информации, ст. 272 УК РФ;
- создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ, ст. 273 УК РФ);
- нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей, ст. 274 УК РФ.

Отдельно следует остановиться на диаграмме, отражающей тенденцию преступлений этой группы. Которая, на первый взгляд, имеет отрицательную динамику. Но это на первый взгляд. Существуют процессы, обусловленные качественными преобразованиями, которые не отражаются статистическими данными. Например, анализ нотифицированных вредоносных компьютерных программ, используемых для осуществления DDos-атак, указывает на то, что в последнее время они все чаще ориентированы не на заражение отдельных компьютеров, а на заражение серверов, что делает атаку более мощной при использовании меньшего количества зараженных объектов. В связи с этим необходимо сделать вывод о постоянном и системном совершенствовании механизмов преступлений

в информационной и телекоммуникационной среде. Указанное, в свою очередь, позволяет злоумышленникам совершенствовать механизм преступлений, совершаемых уже с использованием информационных и телекоммуникационных технологий.

Таким образом, мы говорим о существовании двух категорий преступлений. Первая категория включает в себя общеуголовные преступления, совершаемые с использованием компьютерных устройств и программ как средства совершения преступления, например, в качестве хранилища либо устройства связи или распространения информации. Она включает в себя любые преступления, совершаемые при помощи компьютерных устройств, такие как распространение порнографии, сбыт или приобретение наркотиков, отмывание денег, незаконные азартные игры, пропаганда ненависти, совершение интернет-мошенничеств и использование этих технологий для хранения, укрытия или общения в уголовной или террористической деятельности. Также к этой категории можно отнести преступления, где компьютерное устройство может использоваться как орудие совершения преступления, например для изготовления поддельных денег, ценных бумаг или документов.

Вторая категория охватывает преступления, где компьютерные устройства или компьютерная сеть выступают в качестве предмета посягательства, например для совершения атак на информацию, компьютерные устройства и их системы. Это и является собственно высокотехнологичной преступностью в сфере информационных и телекоммуникационных технологий и включает такие общественно-опасные деяния, как несанкционированное использование компьютерной системы, взлом компьютера или любое несанкционированное использование, или распространение данных, отказ в обслуживании и распространение компьютерных вирусов.

Необходимо отметить, что решение коллегии МВД России от 22 мая 2014 г. закрепило единый подход к разделению преступлений на деликты, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и на преступления, совершаемые непосредственно в сфере телекоммуникаций и компьютерной информации. Данное разделение определило порядок взаимодействия между подразделениями МВД России, разграничило зоны ответственности между ними и создало условия по оптимальному реагированию на вызовы и угрозы в данной сфере³.

Таким образом, преступления, совершаемые с использованием современных технологий, не относятся к категории совершаемых непосредственно в информационно-телекоммуникационной среде. При этом используемые злоумышленниками интернет-технологии

и средства подвижной радиотелефонной связи выступают исключительно в качестве современного удобного инструмента (способа) для поиска и общения с потенциальными жертвами в целях последующего совершения в отношении них противоправных действий экономической или общеуголовной направленности.

Другими словами, существует два глобальных вектора использования информационных и телекоммуникационных технологий в противоправных целях.

Во-первых, передовые технические разработки выступают в качестве новых инструментов, используемых при совершении преступлений. Злоумышленники активно внедряют их для совершенствования существующих преступных схем и поиска новых способов обогащения. Они помогают облегчить координацию деятельности организованных преступных групп и решить целый комплекс сопутствующих задач: от поиска жертв до переводов похищенных денежных средств и сокрытия собственного местоположения.

Решение указанных задач, как правило, не требует от преступников высокой квалификации и глубоких познаний в IT-сфере и в то же время позволяет значительно повысить эффективность их действий.

Этот фактор напрямую влияет на миграцию традиционных форм преступной деятельности в сеть Интернет. В первую очередь во всемирную сеть переместились наиболее простые виды мошенничеств: обман покупателей при продаже авиабилетов или создание интернет-магазинов с целью получения предоплаты за товар без последующей его поставки клиенту. Хищение реквизитов платежных карт с помощью поддельных сайтов кредитных организаций. Злоумышленники просят ввести конфиденциальную информацию: номер карты, срок действия, имя держателя, а также ПИН-код и CVС-код, указанный на оборотной стороне карты.

Вторым ключевым вектором являются угрозы со стороны киберпреступности, которые характеризуются тем, что информационные технологии выступают уже не только в качестве инструмента, но и являют собой среду, в которой совершаются преступления.

Именно в этой среде появляются совершенно новые виды угроз, которые ставят под сомнение не только финансовую безопасность каждого конкретного гражданина, но и безопасность функционирования ключевых элементов инфраструктуры государства.

Противодействие преступлениям в данной сфере является основной задачей для БСТМ МВД России по линии «К», а именно: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, совершенных непосредственно в информационно-телекомму-

никационной сфере, в том числе совершаемых путем вмешательства в функционирование электронных платежных систем дистанционного банковского обслуживания посредством несанкционированного доступа к охраняемой законом компьютерной информации, изготовления или сбыта поддельных банковских карт, с использованием специального оборудования (устройств) и (или) вредоносного программного обеспечения.

В информационной и телекоммуникационной сферах меняется качественный состав преступлений. Так, с каждым годом возрастает миграция традиционных форм преступной деятельности в киберпространстве. Все больше краж и мошенничеств совершается с использованием информационных технологий. В 2018 г. они составили 71 % от общего числа зарегистрированных преступлений в информационной и телекоммуникационной сфере.

Представляет интерес структура преступлений в информационной и телекоммуникационной сферах.

За этот период не изменились показатели таких видов преступлений, совершенных с использованием названных технологий, как незаконный оборот специальных технических средств, распространение вредоносных программ, компьютерное пиратство в абсолютных цифрах. В то же время уменьшился их удельный вес в общем числе киберпреступлений за счет общего роста числа зарегистрированных преступлений, в основном квалифицированных мошенничеств.

Практика свидетельствует о том, что одним из основных факторов, негативно влияющих на эффективность раскрытия таких преступлений, выступает межрегиональный характер преступной деятельности, направленной в отношении жителей других регионов, что затрудняет проведение следственных и оперативно-розыскных мероприятий. В частности, период ожидания ответов на все запросы, отправленные для установления цепочки ряда транзакций денежных средств, похищенных в результате мошенничества, превышает разумные сроки проведения предварительного следствия. Это позволяет преступникам уничтожить следы и легализовать похищенные денежные средства.

Есть проблемы и при квалификации преступлений. Ярким примером может быть хищение денежных средств граждан с их расчетных счетов с использованием вредоносного программного обеспечения, которое квалифицируются в одних случаях как кража по ст. 158 УК РФ, а в других – как мошенничество по ст. 159.6 УК РФ.

Отмечаются и другие проблемы, лежащие в сфере квалификации. На сегодняшний день в ряде территориальных органов МВД

России сложилась практика, когда местом окончания мошенничества, совершенного с использованием информационных и телекоммуникационных технологий, устанавливается место нахождения потерпевшего, а в других территориальных органах МВД России местом окончания такого мошенничества признается место выполнения виновным объективной стороны преступления. Это приводит к тому, что поступившее заявление без проверки и закрепления доказательств пересылается из органа внутренних дел, принявшего заявление, в орган внутренних дел, где обнаружены технические следы преступления и нахождения преступника. Подобные факты приводят к затягиванию сроков рассмотрения заявления, что, в свою очередь, влечет утрату следов преступления.

На решения имеющихся процессуальных вопросов повлияло подготовленное Следственным департаментом МВД России и направленное в территориальные органы предварительного следствия указание об исключении фактов неоднократного перенаправления материалов доследственной проверки в порядке ст. 152 УПК РФ и необходимости принятия процессуальных решений о возбуждении уголовных дел по месту поступления заявления о совершенном преступлении.

В качестве главных барьеров на пути реализации успешного судебного преследования выступают следующие факторы:

1. Значительный объем доказательств.
2. Короткий период времени, в течение которого поставщики услуг хранят информацию, требующуюся для целей расследования.
3. Необходимость обеспечения целостности электронных доказательств с момента выемки до момента завершения дела.
4. Неспособность организовать систему охраны доказательств при их передаче в отсутствие помещений с надлежащими условиями для хранения доказательств.
5. Возможность предоставления доказательств в суде.
6. Необеспечение целостности доказательств в результате неправильного обращения с ними сотрудниками правоохранительных органов.

В заключение необходимо сказать, что киберпреступность – это вызов современному обществу и его надо учитывать в качестве ключевого момента обеспечения безопасности органов внутренних дел. Вопросы информационной безопасности необходимо рассматривать как ключевые направления не просто развития, они должны найти свое место в рамках любых управленческих процессов в сфере бизнеса, национальной безопасности и государственной службы.

Для обеспечения информационной безопасности требуется системная подготовка сотрудников правоохранительных органов.

Необходимо, чтобы каждый сотрудник владел базовыми знаниями в области информационной безопасности – в этом случае можно будет противодействовать хотя бы самым простым уловкам, которые часто используются злоумышленниками, таким, например, как рассылка вредоносных программ в приложениях к электронным письмам. Одних лишь информационных технологий еще недостаточно. Их роль заключается только в том, чтобы помогать людям в принятии правильных решений и совершении правильных действий.

¹ Напр., см: Решение N 475 Межгосударственного Совета Евразийского экономического сообщества «О Концепции создания Евразийской инновационной системы» (принято в г. Санкт-Петербурге 11.12.2009).

² http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Киберпреступность_в_мире.

³ *Мартыненко Н.Э.* Потерпевший от преступления – уголовно-правовое или уголовно-процессуальное понятие? // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород. 2013. № 3. Ч. 2. С. 140–142.

Профилактическая деятельность следователя по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ

И. В. ТИТОВЕЦ,
*старший преподаватель
кафедры «Уголовно-правовое обеспечение
национальной безопасности»
Российского технологического
университета МИРЭА*

Статья посвящена рассмотрению профилактической деятельности следователя органов внутренних дел при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ.

Следователь, профилактическая деятельность, расследование преступлений, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ.

Под профилактической деятельностью следователя понимается деятельность по предупреждению преступлений, т. е. выявление причин и условий, способствующих их совершению, и принятие мер по их устранению. Обстоятельства, способствующие совершению преступлений, в соответствии со ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК)¹ входят в предмет доказывания по каждому уголовному делу, и, осуществляя расследование преступлений, следователь не может считать его проведенным полно и всесторонне без установления причин и условий, способствующих совершению преступлений².

Государственная политика в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ строится на приоритетности мер по профилактике незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, наркомании, профилактике правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, особенно среди детей и молодежи, а также на стимулировании деятельности, направленной на антинаркотическую пропаганду³.

Более того, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации⁴ определены угрозы для национальной безопасности страны – это деятельность преступных организаций и групп

пировок, в том числе транснациональных, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Расследуя преступление своей подследственности, предусмотренное ст.ст. 228, 228.1, 228.4, 229.1 УК РФ⁵, следователь ОВД, наряду с проведением таких следственных и процессуальных действий, как задержание подозреваемого, его допрос, освидетельствование, допросы свидетелей, назначение экспертизы материалов, веществ, изделий, а также судебно-психиатрической⁶, очные ставки, обыски⁷, обязан выявлять причины и условия, способствующие его совершению.

Особенностью уголовных дел, возбужденных по фактам незаконного приобретения, хранения, перевозки, изготовления, пересылки, сбыта наркотических средств, является то, что в отношении неустановленных сбытчиков наркотических средств уголовные дела выделяются в отдельное производство. Это свидетельствует не только о необходимости производства расследования фактов сбыта наркотических средств в крупном и особо крупном размерах, установления наркодиллеров, но и аспекте профилактики преступлений в данной сфере.

В соответствии с указанием заместителя Министра внутренних дел Российской Федерации – начальника Следственного Департамента А.Н. Савенкова № 1/8602 от 17 сентября 2014 г. и решения межведомственного совещания руководителей правоохранительных органов Российской Федерации от 27.06.2014 «О практике выделения материалов в отношении неустановленных сбытчиков наркотиков, принятия по таким материалам решений, а также расследования соответствующих уголовных дел» данному направлению деятельности в настоящее время уделяется первостепенное значение.

Вместе с тем, изучение уголовных дел в территориальных органах предварительного следствия уголовных дел в отношении неустановленных сбытчиков наркотиков, приостановленных по основаниям п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, обнаружило ряд характерных недостатков в организации их расследования, которые привели к отрицательному результату в части установления личности сбытчиков и пресечения их преступной деятельности. Прежде всего это касается недостаточно эффективной и слаженной работы оперативных служб в сфере выявления сбытчиков наркотиков, ненадлежащей организации взаимодействия между службами и подразделениями. Сотрудники оперативных служб, раскрыв преступление, связанное с приобретением наркотиков, дальнейшую работу с приобретателем наркотических средств с целью установления лица, сбывшего наркотики, не проводят. Взаимодействие следствия и оперативных служб,

чаще всего, ограничивается направлением следователем формального поручения об установлении сбытчика наркотиков, без изложения конкретных заданий, и получением на него такого же формального ответа, не содержащего информации о проведенных мероприятиях. Информация о местах сбыта и сбытчиках по разным уголовным делам не обобщается, хотя анализ такой информации мог бы служить хорошей базой для оперативных служб. Следователи не систематизируют нарушения сотрудников оперативных служб и не вносят соответствующие представления в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ руководителям органов внутренних дел.

Это является серьезной проблемой и упущением в организации профилактической деятельности. Вместе с тем, для действенной системы пресечения фактов сбыта наркотических средств целесообразно объединять усилия всех силовых структур (ФСБ России, ФТС России, прокуратуры) и рассмотреть вопрос о формировании единой базы данных в отношении сбытчиков. Вместе с тем, по уголовным делам, где лица, совершившие преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, установлены, профилактическая деятельность строится на анализе материалов расследованного уголовного дела и сводится к процессуальной форме реагирования на выявление причин и условий, способствующих совершению преступлений, то есть вынесению представлений, как правило, на имя руководителей соответствующих служб и подразделений ОМВД.

Анализ вынесенных по окончанным расследованием уголовным делам представлений в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ показал, что акцент следователями ОВД делается:

- 1) на недостаточной профилактической работе участковых уполномоченных полиции(ими должным образом не осуществляется контроль за лицами, проживающими на обслуживаемой территории, не в полной мере осуществляется проверка условий их проживания, не проводятся разъяснительные беседы в целях профилактики и предупреждения совершения преступлений);

- 2) на недостаточном административном надзоре за лицами, совершившими преступления рассматриваемой категории, если таковой был установлен.

Проанализированные в статье обстоятельства свидетельствуют о том, что профилактическая деятельность следователей по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, нуждается в комплексном реформировании и должна отражать реальную профилактику преступлений рассматриваемой группы.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч.1). Ст. 4921.

² См. подр.: *Титовец И.В.* Профилактика в деятельности следователя // Сборник статей всероссийской научно-практической конференции «Уголовная политика России на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы (Современная концепция уголовной политики)». 28 ноября 2014 г. Ч I. М.: Академия управления МВД России. С. 202–206.

³ О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ (ред. от 29.12.2015) // СЗ РФ. 12.01.1998. № 2. Ст. 219.

⁴ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // СЗ РФ. 04.01.2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

⁶ В связи с вступлением в силу 25 мая 2014 г. Федерального закона № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» проведение такой экспертизы является обязательным.

⁷ См.: *Макеева Н. В., Самолаева Е. Ю., Титовец И.В.* Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: учеб. пос. М., 2011.

Преступления, совершаемые в сфере потребительского рынка на современном этапе

Р. В. ШИШКИН,
*старший преподаватель кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России*

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся преступлений совершаемых в сфере потребительского рынка на современном этапе.

Преступления, сфера потребительского рынка, современный этап, экономика, малый и средний бизнес, коммерческая деятельность, экономическая сфера.

Экономика в государстве способствует росту основ экономической сферы, которую формируют субъекты малого и среднего бизнеса, имеющие различные организационно-правовые формы хозяйствования. Таким субъектам государство создает различные условия формирования экономических прав и свобод на осуществление бизнес-деятельности, направленную на улучшение благосостояния, обеспечения жизнедеятельности граждан, общество и государства.

Основу таких условий образует экономическая сфера, куда входит потребительский рынок со своей инфраструктурой и разной предоставляемой классификацией товаров и продукции.

В самом общем смысле потребительский рынок определяет возникновение общественных отношений, которые основываются на соблюдении экономических правоотношений между субъектами и механизмом такого взаимодействия, возникающих между государством, изготовителем, продавцом, исполнителем и потребителем в процессе изготовления, реализации, продажи товаров и услуг для потребителей.

Т.А. Якимова считает, что потребительский рынок – это совокупность общественных отношений, возникающих между хозяйствующими субъектами и потребителями в момент приобретения или использования товаров и услуг для нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Исходя из этого, можно сделать вывод, при первом приближении, что в круг общественных отношений потребительского рынка входят субъекты экономических отношений (потребители, граждане и др.).

По нашему мнению, рынок – это место розничной и оптовой торговли не только продуктами питания, но и товарами промышленной

группы, сельскохозяйственной и иной продукции на объектах потребительского рынка, в том числе.

Мы считаем, что «потребительский рынок – это сфера экономических правовых отношений, складывающихся между субъектами хозяйствующей деятельности и потребителями в момент заключения договора купли-продажи разной группы товаров, имущества (движимого, недвижимого), в том числе оказания услуг и работ в пределах установленных правил таких отношений, охраняемых и регулируемых всеми отраслями права».

Термин «потребительский рынок» используется в общественном обороте с момента появления государственности, общества и конечно же основу такого понятия определяют покупатели, потребители, которые порождают потребительский спрос. Потребитель – это лицо, заинтересованное в приобретении, потреблении не только продуктов питания, но и другой группы товаров.

Поэтому потребителем следует считать того субъекта правоотношений сферы потребительского рынка, который имеет желание, намерение приобрести определенную для себя группу товаров (промышленную, сельскохозяйственную, продовольственную и т. д.) либо услуги исключительно для своих нужд, и не связанных с осуществлением коммерческой деятельности.

Кроме того, потребительский рынок является элементом формирования экономики государственного уровня, где всегда и во все времена наступали правоотношения между государством, производителем, покупателем и продавцом. Поэтому сфера экономики всегда привлекала к себе особое внимание криминальных структур, создавая реальную угрозу экономической безопасности государства¹.

Относительно к потребительскому рынку законодательство (уголовное, административное, о защите прав потребителей и т. д.) является сдерживающим фактором и механизмом защиты объектов посягательства, потребителей, покупателей, государства, а преступления, совершаемые на потребительском рынке, являются виновно уголовно наказуемыми противоправными деяниями (наравне с общеуголовными).

Преступления, совершаемые на потребительском рынке, отнесены к сфере экономической деятельности. Не зря потребительский рынок является стратегически важной частью и элементом формирования экономической системы нашего государства. Именно рынок определяет социальную стабильность, посредством складывающихся отношений, влияя на жизнедеятельность общества и его отдельные элементы.

Основная часть потребительского рынка приходится на его договорные отношения путем купли-продажи, стержнем которого является

реализация товаров и услуг, то есть в процессе возникающих рыночных отношений между производителем, продавцом и покупателем.

Посягательство на сферу потребительского рынка имеет свои корни, которые характеризуются различными противоправными деяниями – такими как преступления, совершаемые в сфере экономической деятельности на потребительском рынке. К основным критериям действующий Уголовный Кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) относит экономическую сущность преступлений в данной сфере, характер и степень общественной опасности – наступления негативных последствий. Такие критерии определены диспозициями статей уголовного законодательства – по видам преступлений.

К квалифицирующим признакам преступлений, совершаемых на потребительском рынке, необходимо относить:

- групповой характер посягательства (деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой);
- последствия которого влияют на здоровье и жизнь человека (выражаются в нанесении тяжкого вреда здоровью или причинению смерти, в том числе по неосторожности);
- нанесение значительного ущерба (в крупном и особо крупном) и др.

Преступления, совершаемые на потребительском рынке, признаются противоправным деянием, посягающим на основные права и законности потребителей².

К числу преступлений, совершаемых на потребительском рынке, следует отнести не только деяния, которые предусмотрены гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности» и выступают против прав потребителей, такие как:

- незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ); незаконное использование средств индивидуализации (ст. 180 УК РФ);
- воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169 УК РФ);
- регистрация незаконных сделок с землей (ст. 170 УК РФ); незаконные организация и проведение азартных игр (ст. 172.2 УК РФ), но и другие, которые совершаются на других объектах и связанные с экономической сферой потребительского рынка, такие как:
- реализация технических приборов (ст. 138 УК РФ);
- причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ);
- регистрация незаконных сделок с недвижимым имуществом (ст. 170 УК РФ);
- легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174 УК РФ);

- приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем» (ст. 175 УК РФ);
- незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ);
- незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ);
- изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (ст. 186 УК РФ);
- неправомерный оборот средств платежей (ст. 187 УК РФ);
- незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга (ст. 191 УК РФ);
- коммерческий подкуп» (ст. 204 УК РФ);
- незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта» (ст. 234 УК РФ);
- производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнением работ или оказанием услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ);
- подделка, изготовление или сбыт поддельных документов (ст. 327 УК РФ).

Все приведенные выше виды преступлений находятся в разных разделах и главах УК РФ, однако цель всех посягательств таких деяний – корыстная³.

Поэтому такие виды противоправных посягательств, которые связаны со сферой потребительского рынка, в том числе производством, приобретением, хранением, перевозкой, реализацией, оборотом, сбытом выполнением работ на объектах данной сферы, необходимо относить к преступлениям, совершаемым на потребительском рынке.

В качестве вывода необходимо сказать, что на современном этапе состояние преступности в экономической сфере, в том числе на потребительском рынке, это следствие общих социально-политических и социально-экономических проблем государства, постоянно требующего эффективного правового поля.

¹ Гапоненко В. М., Долинко В. И. Обеспечение экономической безопасности системы материально-технического снабжения органов внутренних дел Российской Федерации в особых условиях: монография // Экономическая безопасность. М., 2014.

² Мартыненко Н. Э., Журавлев Р. А. Обеспечение безопасности личности – главная задача современной уголовной политики // Вестник Нижегородской академии МВД России. Н. Новгород. 2018. № 2. С. 225–232.

³ Актуальные проблемы уголовного права: учебное пособие. М.: Академия управления МВД России, 2016. С. 54.

Правовые и организационные основы для исключения органов внутренних дел (полиции) и их должностных лиц от исполнения несвойственных административно-юрисдикционных полномочий (функций)

А. В. ШЕВЦОВ,
*профессор кафедры УДПОООП ЦКШУ
Академии управления МВД России,
кандидат юридических наук, доцент*

В статье изложены правовые основания для исключения должностных лиц ОВД (полиции) от исполнения несвойственных административно-юрисдикционных полномочий (функций), связанных с составлением протоколов об административных правонарушениях по 65 составам, а также с рассмотрением дел об административных правонарушениях, квалифицируемых по 7 составам. Предложенные меры организационно-управленческого характера устраняют причины, препятствующие совершенствованию и оптимизации исследуемой административно-процессуальной деятельности полиции МВД России.

Производство по делам об административных правонарушениях, административная юрисдикция полиции МВД России, административное наказание, критерии несоответствия составов административных правонарушений полномочиям ОВД (полиции).

Говоря о правовых основаниях для исключения обстоятельств, которые фактически обязывают должностных лиц ОВД реализовывать несвойственные административно-юрисдикционные полномочия, следует опираться на применяемую юридическую терминологию¹.

Исходя из положений общей теории права, под правовой основой принято понимать совокупность правовых норм, регламентирующих определенную сферу общественных отношений. Правовая основа определяется действующей правовой системой государства, под которой, по мнению Ю. А. Тихомирова, понимается «структурно и функционально упорядоченный массив взаимосвязанных нормативно-правовых актов, создаваемых на основе единых принципов»².

На сегодняшний день в современной теории управления не сформулировано однозначного определения такого понятия, как «организационные основания». Зачастую в них вкладывается смысл «определенных сторон функционирования организации»³, ее при-

оритетов или особенностей организационных процессов. При этом термин «основание» теория управления понимает, как комплекс определенных условий или имеющих место обстоятельств, в силу которых может быть принято решение либо выполнено определенное действие. В этом смысле применительно к тематике данного исследования «организационные основания» можно рассматривать как комплекс организационно-управленческих условий, при которых исключаются обстоятельства, способствующие исполнению должностными лицами органов внутренних дел (полиции) несвойственных административно-юрисдикционных полномочий (функций).

Автор исходил из научного понимания сути и содержания административно-юрисдикционных полномочий, реализуемых при осуществлении производства по делам об административных правонарушениях⁴. Так, исследуемые административно-юрисдикционные полномочия (функции) заключаются, с одной стороны, в составлении протоколов об административных правонарушениях, а с другой – в назначении административных наказаний.

Поэтому в настоящей статье перечисляются административно-правовые нормы Особенной части КоАП, по которым должностные лица ОВД (полиции) наделены излишними административно-процессуальными полномочиями (функциями): а) составлять протоколы по делам об административных правонарушениях; б) выносить постановления о назначении административного наказания в виде предупреждения или административного штрафа.

Это соответствует одному из актуальных вопросов, разрешение которого осуществляет МВД России. Он заключается в *определении составов* административных правонарушений, которые не согласуются с направлениями деятельности органов внутренних дел (полиции). В свою очередь исключение этих составов из административно-юрисдикционной компетенции ОВД позволит освободить их должностных лиц от исполнения несвойственных административно-юрисдикционных полномочий (функций).

Используя комплексную методику применения разработанных критериев несоответствия составов административных правонарушений направлениям деятельности ОВД⁵, можно осуществить последовательное исключение административно-правовых норм Особенной части КоАП из административно-юрисдикционной компетенции должностных лиц полиции.

Как уже было отмечено, с одной стороны, речь идет о полномочиях должностных лиц по составлению протоколов об административных правонарушениях, а с другой – о полномочиях по рассмотрению дел об административных правонарушениях.

Анализ результатов проведенного социологического исследования указывает на высокий уровень значимости именно этих полномочий. Так, приоритетность первого из них отметило 45 %, а второго – 22 % должностных лиц полиции. Реальное наличие значимых и важных обстоятельств для осуществления пересмотра полномочий ОВД по составлению протоколов об административных правонарушениях отметил практически каждый четвертый опрошенный респондент. При этом наиболее оптимальным критерием для такого пересмотра две трети участников опроса считают соответствие полномочий таким направлениям деятельности полиции, как охрана общественного порядка, обеспечение общественной безопасности (в том числе транспортной безопасности и безопасности дорожного движения), защита личных и имущественных интересов граждан.

Критерии позволили подтвердить ранее имевшееся объективное предположение о несоответствии ряда реализуемых административно-процессуальных полномочий (функций) направлениям деятельности полиции.

В качестве примера приведем ряд административно-правовых норм КоАП, по которым должностные лица ОВД наделены излишними полномочиями составлять протоколы об административных правонарушениях.

Статья 5.40 «Принуждение к участию или к отказу от участия в забастовке». Административно-правовой запрет установлен в сфере разрешения трудовых споров. Объектом посягательства при принуждении к участию или отказу от участия в забастовке (ст. 5.40 КоАП) является право гражданина на защиту своих законных трудовых интересов в процессе разрешения трудового спора (ст. 62 ТК РФ). Правовые основания для исключения несвойственных полномочий полиции изложены в графах 2 и 3 Приложения 2. Следует отметить, что п. 5 Положения о Федеральной службе по труду и занятости⁶ свидетельствует о необходимости расширения административно-юрисдикционных полномочий должностных лиц органа исполнительной власти, осуществляющего федеральный государственный надзор за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права (ч. 1 ст. 23.12 КоАП).

Статья 6.18 «Нарушение установленных законодательством о физической культуре и спорте требований о предотвращении допинга в спорте и борьбе с ним». Объектом административного правонарушения являются правоотношения, связанные с нарушением антидопинговых правил спортсменами, а также тренерами, специалистами по спортивной медицине, иными специалистами

в области физической культуры и спорта в отношении спортсменов⁷. Правовые основания для исключения несвойственных полномочий полиции изложены в графах 2 и 3 Приложения 2. Положения ст. 39 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» свидетельствуют о необходимости дополнения полномочий должностных лиц органов, осуществляющих функции по контролю и надзору в сфере здравоохранения (п. 18 ч. 2 ст. 28.3 КоАП). Положения ст. 26 этого закона, а также п. 1 Положения о Министерстве спорта Российской Федерации⁸ указывают на целесообразность наделения административно-юрисдикционными полномочиями должностных лиц Минспорта России.

Статья 7.4 «Самовольная застройка площадей залегания полезных ископаемых». Объектом административного правонарушения являются правоотношения, складывающиеся в связи с разрешаемой Федеральным агентством по недропользованию застройкой площадей залегания полезных ископаемых, а также с размещением в местах их залегания подземных сооружений. Такое разрешение может быть выдано только при условии обеспечения возможности извлечения полезных ископаемых или доказанности экономической целесообразности застройки⁹. Явное несоответствие объекта административного правонарушения правоприменительным полномочиям должностных лиц полиции свидетельствует о нецелесообразности ограничения диспозиции анализируемой административно-правовой нормы для целей реализации юрисдикционных полномочий субъектов административной юрисдикции, указанных в ч. 1 ст. 23.22, ст. 23.31 и ст. 23.25 КоАП.

Статья 8.2 «Несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами производства и потребления, веществами, разрушающими озоновый слой, или иными опасными веществами». Объектом административного правонарушения являются правоотношения в области охраны окружающей среды от негативных антропогенных воздействий в результате обращения с опасной группой веществ, соединений, материалов, а также в области обеспечения экологической безопасности населения и территорий. Санитарно-эпидемиологические требования содержатся в государственных нормативах и включают различные по своему характеру ограничения, запреты, обязывания¹⁰. Помимо ОВД полномочиями составлять протоколы о таких правонарушениях, а также выносить постановления о назначении административного штрафа наделены 3 субъекта административной юрисдикции, в т. ч. органы санитарно-эпидемиологического

и экологического надзора. Явное несоответствие объекта правонарушения правоприменительным полномочиям должностных лиц полиции позволяет внести предложение об исключении ст. 8.2 КоАП из перечня административно-правовых норм, содержащихся в п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП.

Статья 9.10 «Повреждение тепловых сетей, топливопроводов, совершенное по неосторожности». Объектом административного правонарушения являются правоотношения в сфере эксплуатации и охраны сетей тепловых электроцентралей, а также пневмопроводов, кислородопроводов, нефтепроводов, нефтепродуктопроводов, газопроводов. В части повреждения тепловых сетей либо их оборудования, помимо ОВД, полномочиями составлять протоколы, а также выносить постановления о назначении административного штрафа наделены органы энергонадзора (ч. 1 ст. 23.31 КоАП). При этом должностные лица Росгвардии, контролирующие порядок обеспечения безопасности топливно-энергетического комплекса, не наделены процессуальными полномочиями даже составлять протоколы о таких правонарушениях. Явное несоответствие объекта административного правонарушения правоприменительным полномочиям должностных лиц полиции позволяет внести предложение об исключении ст. 9.10 КоАП из перечня норм, содержащихся в п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП с одновременным дополнением перечня, изложенного в п. 103 ч. 2 ст. 28.3 КоАП.

Часть 1 ст. 15.26.1 «Нарушение законодательства РФ о микрофинансовой деятельности».

Помимо ОВД полномочиями составлять протоколы по данной статье не наделен ни один надзорный орган. Между тем положения п. 15 ст. 5 и ст. 14 Федерального закона от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» свидетельствуют о целесообразности наделения соответствующими полномочиями должностных лиц, указанных в п. 81 ч. 2 ст. 28.3 КоАП. Явное несоответствие объекта административного правонарушения правоприменительным полномочиям должностных лиц полиции позволяет исключить анализируемую статью из перечня административно-правовых норм, содержащихся в п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП.

Применение вышеуказанных критериев несоответствия административно-правовых норм Особенной части КоАП направлениям деятельности полиции позволило сформулировать правовые основания для исключения органов внутренних дел (полиции) и их должностных лиц от исполнения несвойственных административно-юрисдикционных полномочий (функций), связанных с составлени-

ем протоколов об административных правонарушениях, квалифицируемых по 65 составам.

Одновременно было установлено юридическое соответствие объекта каждого из вышеуказанных составов административных правонарушений правоприменительным полномочиям должностных лиц иных органов административной юрисдикции. С учетом этого внесены обоснованные предложения о расширении административно-процессуальной компетенции последних, а также о дополнении соответствующих им административно-процессуальных норм гл. 23 КоАП и ст. 28.3 КоАП.

В процессе проведения исследования было установлено, что практически каждый пятый опрошенный респондент отметил наличие значимых и важных обстоятельств для осуществления пересмотра полномочий должностных лиц (ОВД) по рассмотрению дел об административных правонарушениях.

В связи с этим аналогичному анализу было подвергнуто содержание административно-процессуальных полномочий должностных лиц ОВД (полиции), реализуемых в процессе рассмотрения дел об административных правонарушениях¹¹.

Его результаты свидетельствуют о том, что административно-процессуальные полномочия сотрудников органов внутренних дел (полиции) по назначению указанных административных наказаний за совершение административных правонарушений, перечисленных в ч. 1 ст. 23.3 КоАП, в целом соответствуют современным правоприменительным функциям полиции. Вместе с тем данные полномочия по рассмотрению обозначенного перечня дел об административных правонарушениях все же имеют признаки избыточности и нуждаются в сокращении.

Например, ст. 11.9 «Управление судном судоводителем или иным лицом, находящимися в состоянии опьянения».

За управление судном в состоянии опьянения, а равно за передачу управления судном пьяному лицу, а также за уклонение фактического судоводителя от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения предусмотрен административный штраф в размере до 2 000 руб. или лишение права управления судном на срок от одного года до двух лет. Вместе с этим аналогичное противоправное деяние, совершенное водителем автотранспортного средства, влечт более суровые санкции, вплоть до административного ареста. Такого рода дела подлежат обязательному судебному рассмотрению. Указанные противоправные деяния «схожи по общественно-опасным последствиям, которые могут наступить»¹².

Это указывает на целесообразность внесения изменений в ч. 2 ст. 23.1 КоАП путем исключения из содержащегося в ней перечня административно-правовых норм ст. 11.9 КоАП. Одновременно необходимо дополнить этим же составом ч. 1 ст. 23.1 КоАП, которая будет определять обязательную подсудность дел об административных правонарушениях, квалифицируемых по ст. 11.9 КоАП.

Часть 1 ст. 14.3.1 «Спонсорство табака, стимулирование продажи табака, табачной продукции или табачных изделий и (или) потребления табака либо реклама табака, табачной продукции, табачных изделий или курительных принадлежностей» (в части привлечения к административной ответственности за распространение табачной продукции или табачных изделий среди населения бесплатно, в том числе в виде подарков).

Помимо ОВД полномочиями рассматривать дела об административных правонарушениях по данной статье наделены должностные лица надзорного органа, указанного в ч. 1 ст. 23.49 КоАП. При этом содержание ст. 40 закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», а также п/п «а» п. 7 Положения о федеральном государственном надзоре в области защиты прав потребителей (постановление Правительства РФ от 2 мая 2012 г. № 412) свидетельствует о целесообразности исключения должностных лиц ОВД от исполнения несвойственных юрисдикционных полномочий.

Применение критериев несоответствия административно-правовых норм Особенной части КоАП направлениям деятельности полиции позволило сформулировать правовые основания для исключения органов внутренних дел (полиции) и их должностных лиц от исполнения несвойственных административно-юрисдикционных полномочий (функций), *связанных с* рассмотрением дел об административных правонарушениях, квалифицируемых по 7 составам.

Одновременно было установлено юридическое соответствие каждого из вышеуказанных составов правоприменительным полномочиям должностных лиц иных органов административной юрисдикции. С учетом этого внесены обоснованные предложения о расширении административно-процессуальной компетенции последних, а также о дополнении соответствующих им административно-процессуальных норм гл. 23 КоАП.

Анализ соответствия реализуемых административно-процессуальных полномочий положениям КоАП и иных законодательных актов, содержащих правовые основы деятельности сотрудников органов внутренних дел (полиции) в сфере осуществления производства по делам об административных правонарушениях, выявил целый ряд проблемных вопросов¹³. Представляется, что их всесто-

роннее изучение, несомненно, требует поиска не только правовых, но и оптимальных организационных решений для исключения органов внутренних дел (полиции) и их должностных лиц от исполнения несвойственных административно-юрисдикционных полномочий (функций).

Как уже было отмечено, под организационными основаниями следует понимать комплекс организационно-управленческих условий, при которых исключаются обстоятельства, способствующие проявлению вышеуказанного негативного фактора в деятельности должностных лиц, осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях. Разумеется, практическое воплощение подобных условий подразумевает наличие четко структурированной системы организационно-управленческих мер, которые, собственно, и позволяют добиваться желаемого результата.

В науке существует немалое количество теоретических моделей классификации таких мер¹⁴. Например:

- по характеру вопросов (социальные, управленческие и идеологические);
- по отраслям общественных отношений (защита прав и законных интересов, здоровья, нравственности, собственности, окружающей среды, институтов власти, правопорядка в обществе и т. д.);
- по субъектам (государственные и правоохранительные органы, общественные организации, администрации, отдельные граждане и др.);
- по характеру воздействия на негативные факторы (предупреждающие возникновение обстоятельств, ликвидирующие такие обстоятельства, нейтрализующие, компенсирующие);
- по направленности правоприменения (исключение объективных обстоятельств и устранение сопутствующих причин).

Комплексное применение двух последних из перечисленных классификационных систем позволяет выработать четкий перечень организационно-управленческих мер, при которых создаются объективные условия для минимизации имеющихся несвойственных административно-юрисдикционных полномочий сотрудников ОВД (полиции)¹⁵.

К указанным организационно-управленческим мерам следует отнести:

1. Единое организационно-методическое обеспечение деятельности должностных лиц ОВД (полиции), осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях.

Данная мера подразумевает своего рода «отказ» от отраслевых «особенностей» реализации административно-юрисдикционной

компетенции, десятилетиями «складывавшихся» в трех однородных, с точки зрения закона, сферах правоприменительной деятельности полиции. Первую из них характеризуют «особенности» административного воздействия на лиц, нарушающих административно-правовые запреты (предписания, дозволения), ответственность за которые установлена Особенной частью КоАП, за преимущественным исключением норм, содержащихся в гл. 12 и 18 Кодекса. Вторая проявляется «особенностями» административно-юрисдикционной деятельности ГИБДД по обеспечению безопасности дорожного движения. И, наконец, третья отражает «специфику» административно-принудительного обеспечения сотрудниками подразделений по вопросам миграции, установленных паспортно-регистрационных правил, а также режима пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории РФ.

Отраслевые особенности прежде всего связаны с различными подходами к организационно-методическому обеспечению деятельности сотрудников, нюансами административно-процессуального документирования обстоятельств административных правонарушений, а также техническими характеристиками используемых банков данных, в том числе имеющих различную степень интеграции с Государственной информационной системой о государственных и муниципальных платежах. Так, с одной стороны, подразделения организации применения и исполнения административного законодательства территориальных органов МВД России реализуют возложенные на полицию задачи по предупреждению и пресечению административных правонарушений, отнесенных к компетенции ОВД, а также обеспечению производства по делам об административных правонарушениях и исполнению административных наказаний. С другой стороны, подразделения ГИБДД и подразделения по вопросам миграции аналогичные задачи выполняют самостоятельно (см. п. 1 Типовых положений¹⁶).

2. Формирование у должностных лиц органов исполнительной власти понимания приоритетов полиции, связанных с реализацией административно-юрисдикционных полномочий.

Такая мера подразумевает разработку методики системного формирования представления о характере и объеме административно-юрисдикционной компетенции полиции, непосредственно связанной с защитой жизни, здоровья, прав и свобод человека, противодействием преступности, охраной общественного порядка, собственности и обеспечением общественной безопасности.

Для федеральных органов исполнительной власти могут быть установлены обязательные требования об организации проведения

ежегодных межведомственных совещаний-семинаров, предусматривающих рассмотрение этих вопросов наряду с обсуждением проблем практического взаимодействия должностных лиц территориальных органов.

Помимо этого, формирование знаний о приоритетах полиции, связанных с ее административно-юрисдикционной компетенцией, в обязательном порядке должно с большей интенсивностью осуществляться в процессе реализации федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования по направлениям подготовки (бакалавриата, специалитета и магистров) «Государственное и муниципальное управление».

3. Инициирование внесения изменений и дополнений в действующее законодательство об административных правонарушениях.

Особую значимость в решении вопроса об исключении ОВД (полиции) и их должностных лиц от исполнения несвойственных административно-юрисдикционных полномочий (функций) имеет качественное обновление правовой базы правоохранительной деятельности, устранение пробелов, коллизий и противоречий в законодательстве, доведение до соответствия с федеральным законодательством правовых актов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Положительным примером может являться деятельность административно-правового управления ДПД МВД России. Так, распоряжением МВД России от 18 января 2017 г. создана рабочая группа по подготовке проектов нормативных правовых актов, направленных на исключение из полномочий ОВД (полиции) и передачу другим ФОИВ несвойственных функций в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Кроме того, иницируемые изменения законодательства позволили улучшить обстановку в миграционной сфере. В результате граждане освобождены от регистрации по месту пребывания в Севастополе или в ином населенном пункте Крыма, если они зарегистрированы в данных субъектах РФ по месту жительства в жилом помещении. Одновременно исключена административная ответственность за данное нарушение. Положения порядка выезда и въезда в Россию приведены в соответствие с постановлением Конституционного Суда РФ от 16 февраля 2016 г. № 4-П. В целом сотрудниками Департамента осуществляется огромная работа по приведению нормативно-правовой базы в строгое соответствие с установленными законом полномочиями полиции МВД России.

Особую важность этой организационно-управленческой мере придает то, что она осуществляется во исполнение указания Прези-

дента России В. В. Путина о подготовке предложений, направленных на исключение из полномочий органов внутренних дел Российской Федерации несвойственных функций¹⁷.

Результат качественного обновления правовой базы, которая регламентирует административно-юрисдикционные полномочия должностных лиц полиции, должен состоять в том, чтобы она обеспечила:

- весь комплекс правоотношений, возникающих в связи с осуществлением производства по делам об административных правонарушениях;
- юридические механизмы реализации эффективного контроля за данным приоритетным направлением деятельности полиции;
- построение конструктивного административно-процессуального взаимодействия полиции с иными субъектами административной юрисдикции.

4. Формирование профессионального правосознания.

Должностными лицами, осуществляющими производство по делам об административных правонарушениях, должен быть преодолен синдром «шаблонности» в повседневной деятельности. Если реальной причиной избыточных административно-юрисдикционных полномочий становится незнание или непонимание действующих административно-процессуальных норм, необходимо совершенствовать профессиональные знания, умения и навыки. Иное поведение должно расцениваться не иначе как нарушение служебного долга и непрофессионализм. Профессиональное правосознание должно основываться на формировании четкого представления каждого сотрудника, уполномоченного осуществлять те или иные административно-процессуальные действия, о характере и объеме предусмотренных законом административно-юрисдикционных полномочий. Для этого со стороны руководителей региональных подразделений по организации применения административного законодательства должна быть активизирована разработка наиболее актуальных рекомендаций, обзоров, аналитических материалов, касающихся вопросов выявления, пресечения и документирования противоправных деяний, предусматривающих административную ответственность.

Хорошо зарекомендовала себя практика разработки типовых макетов дел об административных правонарушениях, содержащих не только перечень необходимых процессуальных документов, но и детальное разъяснение логического алгоритма и последовательности действий уполномоченных должностных лиц, исключаящих несвойственные функции и одновременно обеспечивающих безусловную реализацию принципа неотвратимости наказания.

5. Использование административно-процессуальной компетенции иных субъектов административной юрисдикции.

Раздел III КоАП наделяет соответствующей административно-юрисдикционной компетенцией определенные субъекты административной юрисдикции. Дела об административных правонарушениях рассматриваются судьями, комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее – КДН и ЗП), должностными лицами ФОИВ, их территориальными органами и структурными подразделениями (в т. ч. должностными лицами территориальных подразделений МВД России), иными государственными органами.

Должностные лица перечисленных не судебных (квазисудебных) органов вправе назначать административные наказания только в виде предупреждения или штрафа. Иные наказания, предусмотренные ст. 3.2 КоАП, могут применяться исключительно судьями. О значимости роли судов свидетельствует то, что около 40 % составов административных правонарушений, по которым должностные лица ОВД вправе назначать административные наказания в виде административного штрафа (33 из 83), могут быть рассмотрены в судебном порядке.

6 Обеспечение общественного контроля за осуществлением производства по делам об административных правонарушениях.

В определенной степени исполнение должностными лицами полиции несвойственных административно-юрисдикционных полномочий (функций) может быть обусловлено банальной коррупцией, о которой довольно часто говорят не только ученые, но и общественные деятели, журналисты и политики. Необходимость борьбы с коррупцией вошла в общественном сознании и государственном видении в число самых приоритетных задач. Однако общественный и социальный контроль в деле борьбы с коррупцией не может и не должен сводиться исключительно к проверочной, инспекционной деятельности (хотя и такая деятельность важна и необходима).

В этой связи представляется целесообразным обратиться к хорошо зарекомендовавшим себя формам взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества, которые при определенных условиях способны внести реальный вклад в создание антикоррупционных условий не только для правоприменения, но и для правотворчества. Указанные условия подразумевают привлечение пристального общественного внимания к строгому и неукоснительному соблюдению законодательства, составляющего правовую основу деятельности полиции и содержащего исчерпывающий перечень её полномочий. В этом смысле

с привлечением внимания общественности к правовым предпосылкам исключения должностных лиц ОВД (полиции) от исполнения несвойственных административно-юрисдикционных полномочий (функций) могут быть выработаны целеполагающие направления правотворческой деятельности, находящие всесторонний отклик у законодателя.

7. Информатизация производства по делам об административных правонарушениях.

Более 10 лет назад была отменена административно-правовая норма, обязывавшая правонарушителя предъявить должностному лицу административно-юрисдикционного органа копию документа об оплате административного штрафа (ч. 4 ст. 32.2 КоАП). В настоящее время информация об оплате штрафов, назначенных сотрудниками ОВД (полиции), поступает по коммуникативным каналам ГИС ГМП, находящейся в ведении Федерального казначейства России. Анализ реализуемых в связи с этим полномочий полиции свидетельствует о необходимости исключения технических условий, связанных с переключением излишних административных функций на сотрудников ОВД. Так, по каждому делу об административном правонарушении формируются уникальный идентификатор платежа¹⁸ (УИН). Он представляет собой двадцатизначный цифровой разряд. Формирование УИНа без использования ЭВМ невозможно. Дополнительные обязанности связаны с назначением реквизитов кода бюджетной классификации (КБК) по каждой статье КоАП¹⁹. Решение этих технических проблем видится только в полном переходе на составление административного материала с использованием ЭВМ и специализированного программного обеспечения с возможностью коммуникации с ИСОД МВД России.

Предложенные меры организационно-управленческого характера устраняют объективные обстоятельства и сопутствующие им причины, которые препятствуют дальнейшему совершенствованию и оптимизации административно-процессуальной деятельности полиции МВД России в сфере осуществления производства по делам об административных правонарушениях.

В совокупности с мерами правового характера они подтверждают целесообразность исключения значительного количества условно-избыточных административно-процессуальных функций сотрудников ОВД, требующих незамедлительного законодательного уточнения порядка их реализации.

Практическое воплощение изложенных правовых и организационных оснований для исключения должностных лиц полиции

от реализации несвойственных административно-юрисдикционные полномочий позволит более результативно защищать права участников административно-правовых отношений, а также обеспечить безусловное соблюдение принципа неотвратимости наказания за противоправные деяния.

¹ *Шевцов А. В.* К вопросу о теоретико-правовых основах осуществления сотрудниками органов внутренних дел административно-юрисдикционных производств // Административное право и процесс. 2016. № 8. С. 58–62.

² *Тихомиров Ю. А.* Правовая система развитого социалистического общества // Советское государство и право. 1979. № 7. С. 33.

³ Психология управления: учебник / под ред. В. И. Черненилова. М., 2011. 352 с.

⁴ *Милехин В. А. и др.* Административная юрисдикция органов внутренних дел: учеб.-метод. пос. М., 2017.

⁵ Совершенствование системы административных наказаний и порядка их назначения: уч. пос. / [А. В. Шевцов и др.]. М.: «Onebook.ru», 2019. 354 с.

⁶ Об утверждении Положения о Федеральной службе по труду и занятости: постановление Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 324 (ред. от 21.02.2018) // СЗ РФ. 2004. № 28. Ст. 2901.

⁷ Предотвращение допинга в спорте и борьба с ним осуществляются в соответствии с Общероссийскими антидопинговыми правилами, утвержденными приказом Минспорта России от 30 декабря 2014 г. № 1107, и антидопинговыми правилами, утвержденными международными антидопинговыми организациями.

⁸ О Министерстве спорта Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 19 июня 2012 г. № 607 (ред. от 28.08.2018) // СЗ РФ. 2012. № 26. Ст. 3525.

⁹ Об утверждении Положения о Федеральном агентстве по надзору за использованием: постановление Правительства РФ от 17 июня 2004 г. № 293 (ред. от 07.07.2016) // СЗ РФ. 2004. № 26. Ст. 2669.

¹⁰ О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650.

¹¹ *Шевцов А. В.* К вопросу о процессуальных правилах рассмотрения административных дел при осуществлении государственного управления в сфере внутренних дел // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. статей по материалам ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Ю. Е. Аврутина, А. И. Каплунова. М., 2018. С. 252–256.

¹² *Братановский С. Н., Гурзов Б. Ш.* Административные правонарушения на морском и внутреннем водном транспорте: понятие и особенности квалификации // Транспортное право. 2015. № 2. С. 23–29.

¹³ *Шевцов А. В. и др.* Осуществление производства по делам об административных правонарушениях сотрудниками полиции: учеб.-метод. пос. М., 2018.

¹⁴ *Пинкевич Т. В.* Криминологические и уголовно-правовые основы борьбы с экономической преступностью: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 21.

¹⁵ *Байгажиков С. В. и др.* Организация деятельности служб и подразделений полиции по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности: учебник. М., 2017.

¹⁶ Об утверждении Типовых положений о подразделениях организации применения административного законодательства и подразделениях по исполнению административного законодательства: приказ МВД России от 29 декабря 2012 г. № 1156 (ред. от 26.05.2018).

¹⁷ Указание Президента Российской Федерации В.В. Путина от 15 июля 2016 г. № Пр-1378 по докладной записке помощника Президента Российской Федерации – начальника Контрольного управления Президента Российской Федерации К.А. Чуйченко.

¹⁸ В соответствии с требованиями приказа Минфина России от 12.11.2013 № 107н «Об утверждении правил указания информации в реквизитах распоряжений о переводе денежных средств в уплату платежей в бюджетную систему РФ» и Письма Минфина России от 24.01.2014 № 42-7.4-05/1.3-54.

¹⁹ О порядке осуществления подразделениями центрального аппарата МВД России и федеральными казенными учреждениями, находящимися в ведении МВД России, бюджетных полномочий администраторов доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации: приказ МВД России от 30 сентября 2014 г. № 836.

Структура преступлений, совершаемых иностранными гражданами в сфере потребительского рынка ДФО

Р. В. ШИШКИН,
*старший преподаватель кафедры уголовной политики
Академии управления МВД России*

В статье рассматривается структура преступлений, совершаемых иностранными гражданами в сфере потребительского рынка, их динамика.

Структура, динамика, потребительский рынок, иностранные граждане, преступления в экономической сфере, анализ преступности в сфере потребительского рынка.

Серьезную озабоченность вызывает криминальная ситуация в экономической сфере, в том числе потребительского рынка в ДФО, где процесс миграции иностранных граждан влияет на криминализацию потребительского рынка.

Структура преступлений, совершаемых иностранными гражданами в сфере потребительского рынка, имеет свои виды, каждый из которых, в свою очередь, может относиться к отдельной подсистеме.

В частности, к той подсистеме преступлений, которую автор выделяет в своей статье, совершаемых иностранными гражданами на потребительском рынке, и которая представляет собой три таких подсистем, включающие отдельные составы преступлений, посягающие на общественные отношения экономической сферы, и осуществляемые на потребительском рынке.

Точкой криминологического анализа совершаемых преступлений на потребительском рынке являются статистические данные, характеризующие ее структуру и динамику ¹. Поэтому для определения количественных и качественных показателей о преступлениях совершаемых данной категорией граждан в данной сфере нами представлен анализ преступности за период 2008–2018 гг.

Результаты исследования преступности в названной сфере за период с 2008 г. по 2018 г. в целом по России позволили сделать вывод о снижении этого вида преступности. За пять лет (2008–2012 гг.) такой показатель снизился с 151 078 тыс. преступлений до 34 241 тыс., или на 0,22 %. Такая тенденция сохрани-

лась и далее. В период с 2013–2017 гг. количество преступлений совершено: в 2013 г. – 27 415, а в 2017 г. снизилось до 10 866 тыс. преступлений, или на 39,6 % совершено меньше.

Однако в 2018 г. произошел рост совершаемых преступлений в сфере потребительского рынка (10 887²) по России в целом, который составил 0,2 %.

Динамика преступлений, совершенных на потребительском рынке в ДФО, в целом сохраняет схожую позицию, но имеет и свои особенности.

Например, в период с 2008–2012 гг. с 5 715 преступлений до 650 преступлений, или 11,3 % меньше, в период с 2013–2018 гг. с 431 преступления до 213³ совершено меньше, или на 49,4 % снизилось количество совершаемых преступлений в сфере потребительского рынка.

Однако имеются тенденции, что в 2013 г. произошел рост количества зарегистрированных преступлений на 78 %, а затем отмечается устойчивая тенденция снижения числа преступлений, совершенных на потребительском рынке ДФО, в то время как по России данный показатель характеризуется меньшей динамикой, свидетельствующей скорее о тенденции устойчивости показателей и небольшим ростом в 2018 г. Прежде всего, это обусловлено меняющейся активностью деятельности хозяйствующих субъектов, что само по себе отражает общую характеристику процессов в развитии потребительского рынка в целом по России.

Нам необходимо проанализировать динамику преступлений, совершаемых иностранными гражданами на потребительском рынке, однако информационный центр МВД (далее – ГИАЦ) такие показатели не формирует, возьмем наиболее близкий показатель из данных ГИАЦ: преступления, совершенные иностранными гражданами в сфере экономической деятельности.

Анализ показателей регистрации данного вида преступлений по России позволяет сделать выводы о разнонаправленности динамики, причем если ранее по России мы отмечали в целом явную тенденцию на снижение числа совершенных преступлений, то количество преступлений, совершенных иностранными гражданами, после значительного снижения в 2012 г., перешло к росту в течение последующих 5 лет и только с 2016 г. вновь начало снижаться.

Итак, преступления, совершаемые иностранными гражданами в сфере экономической деятельности, в целом по России⁴, начиная с 2008–2012 гг. состояние динамики приняла снижающий характер. Например, в 2008 г. совершено 924 преступления в сфере экономической деятельности, а в 2009 г. – 968 преступлений, однако

в последующие годы тенденция изменилась, и динамика совершаемых преступлений иностранными гражданами в данной сфере изменилась в сторону снижения. И в 2012 г. составила 190 преступлений. Однако в период с 2013–2017 гг. динамика совершаемых преступлений в сфере экономической деятельности приняла обратный ход, в сторону увеличения с 230 до 378 преступлений, совершаемых иностранными гражданами в данной сфере. Данная тенденция практически не изменилась, и в 2018 г. она примерно сохранилась на том же уровне – 368 преступлений, или на 0,9 %.

Вместе с тем анализ динамики данного показателя на территории ДФО позволяет оценить криминальную ситуацию и сделать некоторые выводы о том, что тенденция преступлений, совершенных иностранными гражданами в сфере экономической деятельности (при этом с полной уверенностью можно говорить, что и в сфере потребительского рынка) идет к росту с 2014 г.

Если количество преступлений, совершаемые иностранными гражданами в сфере экономической деятельности по России на протяжении всего периода исследования (2008–2018 гг.), сохранялось практически на одном уровне по своей динамике, то в ДФО⁵ тенденция преступности иностранных граждан в данной сфере по своей динамике показала рост. Например, если с 2008 г. по 2012 г. динамика преступлений, совершенных иностранными гражданами в экономической сфере, снизилась на 33,3 %, то за период последних лет (2013–2018 гг.) она изменилась в сторону увеличения на 36,3 %.

Данный анализ обусловлен тем, что при формировании отчетности отсутствует графа о преступлениях, совершенных в сфере потребительского рынка, в статистических отчетах Главного информационного центра МВД России, данное положение определяется только преступлениями экономической направленности, что необходимо сказать о неопределенности объективной оценки таким преступлениям.

Для более объективной оценки нам необходимо, с учетом особенности динамики преступлений, совершаемых иностранными гражданами на территории ДФО, рассчитать статистику по удельному весу числа преступлений, совершенных в данном регионе страны, относительно показателей преступности данного вида по России.

Удельный вес преступлений в сфере экономической деятельности, совершенных иностранными гражданами в ДФО⁶, определил следующие показатели таких соотношений. Если в 2008 г. удельный вес составил 3,5 % от общего числа преступлений, совершенных иностранными гражданами по России в целом, то через пять лет –

в 2012 г. такой показатель составил 0,5 %. Вместе с тем, в период 2013–2018 гг. этот показатель и удельный вес таких преступлений составил 6 % в 2018 г.

Мы наблюдаем, что приведенный анализ периода последних лет (2013 – 2018 гг.) на территории ДФО отмечает не только увеличение общего числа преступлений, совершенных иностранными гражданами в экономической сфере, но и тенденцию к росту удельного веса (доли) таких преступлений относительно показателей России в целом.

Кроме того, проблема связана с тем, что в системе органов внутренних дел выявление и раскрытие преступлений разной направленности относится к компетенции разных подразделений и, соответственно, в разной степени влияет на показатели их деятельности. В частности, если в компетенцию подразделений по вопросам миграции не входит выявление преступлений, совершаемых иностранными гражданами в экономической сфере, а тем более на потребительском рынке, то и данный показатель в оценку их деятельности не входит. Поэтому в период проведения профилактических мероприятий подразделениями по вопросам миграции учитываются только вопросы, касающиеся их компетенции, следовательно, вопросы, затрагивающие сферу экономической или иной хозяйственной деятельности, связанной с потребительским рынком, к их компетенции не относятся.

Те иностранные граждане, у которых подразделениями по вопросам миграции выявляются нарушения режима пребывания, касающегося миграционного законодательства (ст.ст. 322, 322.1 УК РФ и др.), не проверяются на предмет совершения преступлений в сфере экономической деятельности, например, за незаконное осуществление незаконной предпринимательской деятельности. При этом недостатки в организации взаимодействия между подразделениями органов внутренних дел приводят к тому, что даже при выявлении подобных фактов информация зачастую не доходит до подразделений, в компетенцию которых такое правонарушение входит. В таком случае разрозненность служб и подразделений внутри системы МВД, чья деятельность связана с выявлением, предупреждением, раскрытием и расследованием преступлений, совершаемых в экономической или иной сфере, является одной из причин слабых результатов работы по выявлению и пресечению преступлений иностранных граждан в данной сфере.

Кроме того, из информации ИЦ УМВД по Хабаровскому краю установлено, что по ряду материалов проверки были приняты решения об отказе в возбуждении уголовных дел, за отсутствием состава

ва преступления, по факту совершенных противоправных действий иностранными гражданами: в 2009 г. – за подделку документов гражданином Китая И., предусмотренного ст. 327 УК РФ. Такое же решение было принято в отношении гражданина Турции (2010 г.), в 2015 г. – в отношении гражданина Азербайджана и других иностранных граждан и т. д.

Та же ситуация с отказными материалами продолжалась и в последующие годы. Это еще раз подтверждает тот факт, что в настоящее время отсутствует скоординированная масштабная правоприменительная деятельность, которая позволила бы повысить эффективность мер, принимаемых органами внутренних дел, и отразить реальную картину происходящего в сфере экономической деятельности, в том числе на потребительском рынке.

Такое краткое исследование помогло нам установить то, что значительная часть иностранных граждан, совершивших преступления в сфере потребительского рынка, являются коммерсантами или туристами, так как такой способ попасть на территорию Российской Федерации наиболее легкий в плане оформления документов на временное пребывание.

В том числе иностранные граждане прибывают на территорию ДФО под разным предлогом, например с туристическими целями, пользуясь транзитным проездом через Россию в страны Европы и др.

К тому же на территории Приморского края в 2018 г. «выявлено 671 случаев несоответствия заявленной цели въезда в Российскую Федерацию фактически осуществляемой иностранным гражданином в период пребывания (проживания) в нашем государстве деятельности или роду занятий»⁷, данные преступления касаются экономической сферы, так как иностранные граждане после совершения подобных деяний оседают на объектах потребительского рынка.

Следует отметить, что тенденция соотношения различных видов преступлений, совершенных иностранными гражданами в сфере потребительского рынка в ДФО, проявляется достаточно стабильно. Анализ структуры по их отдельным видам показывает, что наибольший удельный вес составляют подделка документов разной формации, таких, как лицензий (специальных разрешений), акцизов, медицинских книжек, предусмотренных (ст. 327 УК РФ), – 28 % от общего количества совершенных в данной сфере на территории ДФО; производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ), – 19 %; присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ) – 12 %; мошенничества (ст. 159 УК РФ) – 7 %;

нарушение авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ) – 6,5 %; иные виды преступлений составили 27,5 %.

Криминологический анализ преступлений совершаемых иностранными гражданами в сфере потребительского рынка ДФО, позволяет сделать вывод о том, что вокруг данной сферы создаются условия криминализации рынка со стороны иностранных граждан, причем данный процесс не только не ослабевает, но и наоборот, усиливается по отдельным направлениям преступных посягательств.

Данное исследование подтверждает то, что сложившаяся криминогенная обстановка на потребительском рынке ДФО, в том числе в результате противоправной деятельности иностранных граждан, позволила установить, какие преступления наиболее характерны для экономической сферы ДФО, выявить объективные и субъективные стороны ее структуры и динамики преступлений в отличие от Российских показателей. К ним относятся, прежде всего, преступления, связанные с подделкой документов, а также производством, хранением, перевозкой либо сбытом товаров и услуг, продукции, не отвечающей требованиям безопасности, и др.

К вышесказанному добавим лишь то, что незаконная торговля остается и в обозримом будущем будет оставаться одним из криминогенных факторов преступности на потребительском рынке ДФО, обладающим своим механизмом совершения преступлений, центральным элементом которого является корыстная мотивация иностранных граждан.

В заключение данного исследования необходимо обусловить тем, что в ходе проведенного анализа стало понятно, как потребительский рынок становится объектом криминальной среды иностранных граждан и условием, способствующим совершению преступлений. Криминогенная ситуация в сфере потребительского рынка обуславливает принятие необходимых мер реагирования со стороны государственных органов власти, прежде всего правоохранительных, на всех уровнях, как законодательном, так и организационно-управленческом. Ключевым фактором данного процесса является налаженная система взаимодействия всех субъектов предупреждения преступлений без искусственных ограничений в виде узковедомственных интересов и недостатка ресурсного обеспечения.

Исходя из этого, предлагается авторское понимание потребительского рынка, что «это базовый элемент национальной экономики и механизм экономического развития страны, основа жизнеобеспечения и стабильности общества, включающий произ-

водство, реализацию, продажу, сбыт товаров и оказание услуг разной классификации, регулируемую государством децентрализованную структуру хозяйствующих субъектов в сфере экономики, и требующий особого внимания уголовно-правового предупреждения от преступных посягательств».

¹ Долинко В.И. Проблемы коррупции в России и за рубежом // Российский следователь. 2012. № 1. С. 37–39.

² Статистические сведения ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России. Форма: «2-СНГ» (795), книга 3: «Сборник по России Сведения о преступлениях, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, а также в отношении них», 2008 – 2018 гг. URL: http://10.5.0.16/csi/modules.php?Name=Books&go=regl&id=795&rmb_id=1873 (дата обращения: 07.03.2019).

³ Там же.

⁴ Статистические сведения ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России. Форма: «2-СНГ» (795), книга 3: «Сборник по России Сведения о преступлениях, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, а также в отношении них», 2008 – 2018 гг. URL: http://10.5.0.16/csi/modules.php?Name=Books&go=regl&id=795&rmb_id=1873 (дата обращения: 07.12.2019).

⁵ Статистические сведения ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России. Форма: «2-СНГ» (795), книга 3: «Сборник по России Сведения о преступлениях, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, а также в отношении них», 2008 – 2018 гг. URL: http://10.5.0.16/csi/modules.php?Name=Books&go=regl&id=795&rmb_id=1873 (дата обращения: 07.03.2019).

⁶ Статистические сведения ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России. Форма: «2-СНГ» (795), книга 3: «Сборник по России Сведения о преступлениях, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, а также в отношении них», 2008 – 2018 гг. URL: http://10.5.0.16/csi/modules.php?Name=Books&go=regl&id=795&rmb_id=1873 (дата обращения: 07.03.2019).

⁷ Оценка состояния преступности на территории Приморского края по итогам 2018 года: УВМ УМВД по Приморскому краю. Архивное дело. Форма № 56. С. 21.